

Антжа

ТЕМИР-САНАА

Козловский

67

ОЙРОТСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

68

НОВОСИБИРСК — 1940

29

ТЕМИР-САНАА
КЕЛЕР-КУШ
КУЛАКЧИН
КАРА-МААС

33

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

5208

ОБЛАСТН.
№ 5208
БИБЛИОТЕКА

Новосибирская областная
библиотека

2 (2-Рос-Ант) - 442-06 аА
322

Записаны
П. Кучияком
от сказителей
Шонкора Шунекова, Баргаа
Кучияковой, Санаа Туганова.
Литературная обработка
Е. Березницкого, И. Мухачева,
А. Смердова.
Редакция и вступительная статья
В. Вихлянцева.

564429

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им. М. В. Чевалкова

06.05.2005

5-Т-СК-ККК-М

СКАЗКИ ОЙРОТСКОГО НАРОДА

I

Сокровища ойротского фольклора за последние годы становятся все более доступными для русского читателя.

В 1935 г. выходит в издательстве «Академия» сказка «Когутэй». В 1937 г. Новосибирское областное издательство выпускает сборник «Алтайские сказки» и книгу для детей «Сказки Алтая». В том же году выходит сборник «Песни Ойротии».

Нельзя сказать, чтобы героические поэмы и сказки ойротского народа не привлекали внимания исследователей и раньше. Но сделанные до революции записи, во-первых, весьма немногочисленны, а во-вторых, представляют собой лишь более или менее подробный пересказ содержания, без попыток воспроизвести художественные особенности подлинника. В-третьих, даже и эти немногочисленные записи публиковались только в научных сборниках, оставаясь в силу этого достоянием лишь узкого круга специалистов и не доходя до широкого читателя. В-четвертых, наконец, они давали неверное, одностороннее представление об ойротском эпосе. Дореволюционные собиратели имели дело, прежде всего, с баями и зайсанами. Эти последние приводили в юрту угодного им сказителя, и именно его песни и сказки, пропущенные сквозь цензуру правящей верхушки, записывались собирателями. Понятно, что те сказания, где повествуется о борьбе народа с угнетателями, где героями являются бедняки, никогда не исполнялись в юрте зайсана или бая. Между тем, именно такие сказания наиболее распространены в народе, именно они составляют большинство произведений ойротского фольклора.

Насколько искажено было прежними собирателями истинное положение дела, видно из того, что еще в 1935 г. переводчик «Когутэя» имел возможность беспрепятственно утверждать, что в

сказаниях ойротов воспеваются подвиги аристократов-князей. Сказку «Когутэй», где героем является бедняк и его приемный сын, он объявил занимающей особое положение и рассматривал ее, как чрезвычайно редкое исключение из общего правила.

Теперь, когда в нашем распоряжении имеется не один десяток записей сказаний ойротского народа, ложность этого утверждения совершенно очевидна. Не ханы и зайсаны, а бедняки, борющиеся против них, являются излюбленными героями ойротского эпоса.

А. Коптелов, в предисловии к книге «Алтайские сказки» (Новосибирск, 1937), привел достаточное количество примеров, подтверждающих этот вывод. Подтверждает его и анализ сказаний, вошедших в настоящий сборник.

Главные герои этих сказаний происходят из народа. Темир-Санаа — сын бедняка, «лук натягивающего» Айачи. Отец Келер-Куша «самый бедный из бедняков» силач Нааспай. И понятно, почему Келер-Куш, победив Ак-Кана, отдает его богатства «честным работающим людям». Кулакчин — сирота-бедняк, не имеющий ничего, кроме коня. «Если по голове рукой проведу — ничего кроме ушей нет на ней. Если кругом погляжу — только тень мою на земле увижу», — так говорит он о своей бедности. Единственное исключение — Кара-Маас, сын Сары-Кана. Но этот ханский сын — полная противоположность своему отцу и братьям: он издевается над ними, разоблачает их, как грабителей и притеснителей мирного беззащитного народа. Хан приказывает его убить, и Кара-Маас должен спасаться бегством. Ничего общего с ханом у него нет. Недаром впоследствии на свадьбе Кара-Мааса резко нарушается веками установленная традиция: «богачей в шелковых шубах» усаживают у дверей, а «бедняков в старых истертых шубах» проводят на почетные места. Таким образом, и в этом сказании ханы представлены в крайне отрицательном свете, а положительными героями являются их разоблачители и борцы против ханского владычества, защитники народа от притеснителей и угнетателей.

Ханы, зайсаны, бан в алтайских сказках всегда жадны, глупы. Они несут народу горе и разорение. Там, где появляются посланцы зайсана — демичи и шулengi, слезы текут ручьями, женщины и дети убегают в леса («Кулакчин»). Сары-Кан жаждет напиться крови своего нелюбимого сына («Кара-Маас»). Ак-Кан с хохотом отказывается вступить за своего полданного, попавшего в беду («Келер-Куш»). В сказке «Боро-Чуда» Салтан-Кан для собственного развлечения уничтожает тысячи людей, срубая им головы.

Ни в одной сказке нет хана, занимающегося какой-нибудь полезной деятельностью. Хан или воюет, или — еще чаще — лежит на своей девятирядной шелковой постели.

Часто уже само имя хана отрицательно его характеризует: хан Еки-Теек (обжоры), хан Теек-Кезер (жадный силач).

Ойротская героическая сказка чрезвычайно далека от сухого изложения сюжетной схемы. Она цветиста, ярка, гиперболична всегда украшена сравнениями, пышными описаниями, пересыпана изречениями народной мудрости.

Кошма вытянется — широкой будет,
Человек подрастет — умным станет.

Или:

Соболь на косогоре
Жилище строит.
Богатырь на чужом стойбище
Всегда опасаться должен.

Гиперболизм ойротской героической сказки проявляется, прежде всего, в описаниях внешности и поступков богатырей. Ладонь богатыря подобна долине, между глаз его тридцать отар овец пастись могут, между плечами тридцать табунов лошадей могут поместиться. Когда он едет, конь его ушами тучи бороздит. Когда он крикнет, озера выступают из берегов. Одним выстрелом из лука он может убить шестьдесят маралов. Богатырские схватки длятся десятилетиями, и только расправившись с врагом, богатыри замечают, что у них волосы проросли сквозь шапки, а шерсть коней пробилась сквозь потники. Они обладают способностью чудесных превращений, они читают мудрые грамоты, из которых узнают о судьбе и о намерениях своих друзей и врагов. Они, наконец, имеют мудрых советников — коней, которые помогают им в затруднительных случаях. «У коня — мудрость, у богатыря — ловкость и сила», — говорится в одной сказке. Конь — верный друг богатыря: «днем — ты мои крылья, ночью — верный товарищ», — так обращается богатырь к своему коню. Недаром выражение «ездящий на таком-то коне» неизменно сопутствует имени богатыря, становится как бы его фамилией. Горе богатырю, если он ослушается совета своего друга-коня: его неминуемо постигнет несчастье.

Первое появление коня, сопровождающееся всевозможными сказочными эффектами, происходит обычно в тот момент, когда герой из обыкновенного юноши превращается в богатыря. Из грамоты, привязанной к луке седла таинственно явившегося коня, он узнает, что родился богатырем, и узнает свое настоящее, богатырское имя.

Характерно, что гиперболизм ойротских героических сказаний часто приобретает количественную форму выражения. Можно сослаться на уже приведенный пример: «между глаз его тридцать отар овец пастись могут».

Число вообще играет большую роль в ойротском эпосе. Девяностосажженная яма, шестидесятиугольный дворец, девятирядная подошва, — подобные выражения попадают на каждой странице. Само число в большинстве случаев не несет функции точного количественного определения. Это видно хотя бы из того, что нередко рядом стоят два разных числа, взаимно исключающих друг друга. Например: «в два раза громче заплакала, в десять раз сильнее зарыдала». Или: «шестьдесят ханов, на земле живущих, семьдесят ханов, на земле обитающих». Таким образом, в ойротском эпосе числовые выражения часто обозначают не определенное, точно выраженное числом количество, а просто-напросто: «очень много».

Особое место среди сказок настоящего сборника занимает «Кулакчин».

Если «Темир-Санаа», «Келер-Куш» и «Кара-Маас» по характеру своему могут быть названы героическими поэмами, то «Кулакчин» — полная им противоположность. Это, прежде всего, бытовая сказка, хотя и оснащенная волшебными деталями. Реалистическая ее основа очевидна. На месте легендарных ханов видим привычную для алтайца, повседневно знакомую ему фигуру зайсана с его помощниками демичами и шуленгами. Герой сказки — юноша Кулакчин не наделен никакими исключительными качествами. Ни необычайной силы или ловкости, ни способности преиспытывать, покатавшись по земле, ни волшебного коня, дающего мудрые советы, — у него нет. Это молодой бедняк, каких слушатели не раз, разумеется, встречали в жизни. Только вмешательство волшебных сил помогает ему в конце концов восторжествовать. Глубокий смысл скрыт в том, что именно Кулакчин, такой же, как сотни и тысячи других бедняков алтайцев, побеждает зайсана и становится руководителем освобожденного народа. Здесь в художественных образах выражена вековая мечта угнетенных об установлении своей бедняцкой власти. Создавая сказку о Кулакчине, они не знали еще реальных путей к осуществлению этой мечты, но все же, — пусть в сказке, пусть путем вмешательства волшебных сил, — хотели во что бы то ни стало увидеть ее осуществленной.

3

Создание точного, передающего не только сюжетную схему, но и все национальные особенности оригинала, и в то же время художественно полноценного перевода ойротских сказаний сопряжено с рядом серьезных трудностей.

Их можно разделить на две группы.

Трудности первого рода — явление временное, и успешное их

преодоление зависит, прежде всего, от желания и упорства тех, кто всерьез решил заняться изучением и переводом алтайского фольклора.

Дело в том, что в сегодняшних условиях нам трудно еще получить даже точный прозаический перевод сказок. Мы не имеем еще кадров переводчиков, одинаково хорошо владеющих и русским, и ойротским языком. Поэтому приходится прибегать к помощи посредника, который составляет подстрочник — дословный перевод с ойротского на русский. Посредники такого рода в большинстве случаев обладают незначительным запасом русских слов, затрудняются в выборе русских выражений и многие особенности подлинника остаются в подстрочнике нераскрытыми.

Автору литературного перевода приходится порой угадывать мысли и образы, скрытые за туманными и приблизительными словами подстрочника, пытаться интуицией возместить недостаток точного знания.

Затруднение этого рода, разумеется, временное. Нужные кадры будут современем созданы, переводчики смогут успешно служить великому делу культурного общения народностей Советского Союза, проникая в самую суть подлинника.

Надо сказать, однако, что товарищи, обрабатывавшие подстрочники для настоящего сборника, были еще в сравнительно благоприятных условиях.

Все четыре сказания записаны ойротским писателем П. В. Кучияком. Два из них — «Темир-Санаа» и «Келер-Куш» — рассказывались его дедушкой — знаменитым на Алтае сказителем Шокором Шунековым (Пламенным Соколом). «Кулакчин» Кучияк слышал от своей бабушки Баргаа Кучияковой, и только «Кара-Маас» записан им в 1935 г. в Чемальском доме отдыха от Санаа Туганова. Таким образом, запись сделана человеком, который с детства впитывал в себя образы ойротского фольклора и сам, как писатель, рос под их влиянием. Им же сделан подстрочный перевод сказок на русский язык. Обработчики имели возможность лично с Кучияком выяснить все туманные места подстрочника, ознакомиться с другими существующими вариантами сказок и выбрать наиболее интересный из них.

Есть, однако, трудности другого рода, вытекающие из характерных особенностей ойротского эпоса. Ведь сказания, которые мы предлагаем вниманию читателя, поются под аккомпанемент струнного музыкального инструмента — топшура. Сказитель воздействует на слушателя не только словом, но и мелодией, интонацией, тембром своего голоса, звуками топшура. Прибавьте к этому, что сказки исполняются обычно ночью, при свете очага, и вы поймете, как сложна задача переводчика: имея в распоряжении только один путь воздействия на читателя — печатное слово, он

должен добиваться того же эффекта, что и сказитель, использующий и музыку, и пение, и мимику, и необычную обстановку. Вот почему, читая ойротские поэмы-сказки, надо учитывать, что до нас доходит лишь доля их художественной мощи, и что в подлиннике, в исполнении сказителя, все это во много раз ярче, красочнее, выразительнее.

Как же, не снижая по возможности художественной силы оригинала, донести его до русского читателя? Такой вопрос стоял перед поэтами, взявшимися за обработку подстрочных переводов ойротского эпоса.

Нет ничего удивительного в том, что на первых порах товарищи, обрабатывающие подстрочники, старались, прежде всего, передать содержание сказания, последовательность изложенных в нем событий, а точность передачи отдельных образов, поговорок, специфических выражений стояла на втором плане. Не имея опыта, не владея ойротским языком, обработчики шли, в сущности, ощупью, каждый своим путем.

Посмотрим, например, как разрешали товарищи, обрабатывавшие подстрочники для сборника «Алтайские сказки», изданного Новосибирским областным издательством, вопрос о ритме.

Некоторые из них считали необходимым излагать содержание сказания традиционными для русского стихосложения метрами: «Боролдой-Мерген» переведен четырехстопным анапестом, «Сыргади» — четырехстопным хореем (так в свое время перевел Бунин «Гайавату»). Переводчики «Токумаша» и «Боро-Чуда» избрали тонический трехтактный стих. Переводчик «Аргачи и Кудюрчи» предпочел воспользоваться ритмической прозой. Рифмы отсутствуют во всех переводах. Также никто не попытался передать на русском языке аллитерации подлинника (как это сделал, например, Л. Пеньковский в своем переводе «Манаса»).

Ознакомившись с отзывами П. В. Кучияка и других знатоков ойротского эпоса, а также в результате собственных наблюдений, мы пришли к заключению, что последний метод, т. е. обработка подстрочника в форме ритмической прозы, — позволяет добиться наибольших успехов, наибольшего приближения к поллиннику. Довольно близки к ритму подлинников переводы, сделанные точечным трехтактовым стихом, но все же они недостаточно передают всю его гибкость и многообразие. С другой стороны, трудно найти что-либо менее подходящее для переводов ойротского эпоса, чем четырехстопный анапест, и сделанные этим метром переводы оставляют совершенно неудовлетворительное впечатление.

В алтайских сказках размер соблюдается лишь в местах, представляющих собой пословицы, поговорки, разного рода закостеневшие, ставшие трафаретными выражения. В остальных случаях количество слогов в стихе не остается неизменным, то уменьшаясь

до четырех-пяти, то вырастая до тринадцати-четырнадцати. Таким образом, попытка уложить перевод в строгие метрические рамки ничем не оправдывается, кроме тяготения русского литератора к привычным для него формам стихосложения. К тому же такая попытка снижает художественное качество перевода, ибо поэт, стремясь уложиться в избранный размер, значительно ограничивает этим возможность выбора выражений, невольно допускает лишние слова и т. п., нанося ущерб сжатости, точности, яркости — основным требованиям художественности.

Рифма в ойротском эпосе необязательна и встречается не часто, — главным образом там, где, благодаря синтаксическому параллелизму, на концах двух строк оказываются одинаковые слова или одинаковые грамматические окончания. Поскольку в данном случае рифма, повидимому, появляется случайно, а не представляет собой сознательно и последовательно применяемый художественный прием, воспроизводить ее вряд ли целесообразно.

Также нецелесообразно, на наш взгляд, пытаться воспроизвести на русском языке свойственную ойротской поэзии начальную аллитерацию, хотя последняя и играет в ней гораздо большую роль, чем рифма. Дело в том, что в силу особенностей ойротского языка в начале слов могут стоять далеко не все звуки, а лишь немногие. При таких условиях начальная аллитерация (анафора) появляется совершенно естественно, органически, и не ощущается как что-то свойственное только поэзии и чуждое обычному разговорному языку. А именно такое впечатление — нарочитости, искусственности — производят обильные аллитерации в произведениях, написанных на русском языке.

Гораздо большее значение для передачи национального колорита сказаний имеют излюбленные ойротской поэзией приемы параллелизма, противопоставления и т. п. Здесь необходимо добиваться полного соответствия подлиннику.

4

Несколько слов о требованиях, которые редакция предъявляла к языку переводов.

Прежде всего, мы стремились избежать какой бы то ни было руссификации перевода. Стремление некоторых переводчиков фольклора народностей СССР ориентироваться не на современный русский литературный язык, а на язык русского фольклора (так как, мол, и то, и другое — народное творчество) представляется нам глубоко порочным. Такие выражения, как «пригорюнился», «сиротинушка», «злая напасть» — недопустимы, так как в современном русском языке не употребляются и невольно ассо-

цируются с образами русского фольклора. И совсем уж недопустимо, разумеется, ойротскую поговорку:

Конь не золотой,
Когда-нибудь да падет.
Богатырь не серебряный,
Когда-нибудь умереть должен, —

переводить так, как сделал это вначале один из обработчиков: «Двум смертям не бывать, одной не миновать». Смысл этих двух поговорок действительно, почти равнозначен. Но национальная форма при таком «переводе» начисто улетучивается.

С другой стороны, некоторые переводчики надеются сохранить национальный колорит, оставляя как можно больше национальных слов непереуведенными. Это тоже неверный путь. Мы считали необходимым все слова, поддающиеся переводу без ущерба для смысла, переводить на русский язык. Звучать по-ойротски должны только собственные имена и названия предметов и явлений специфически-ойротских, для обозначения которых на русском языке нет соответствующих слов.

Однако, и здесь надо тщательно следить за смыслом, чтобы избежать возможной руссификации. «Той», например, вряд ли удобно переводить словом пир или праздник, потому что той — совершенно специфическая совокупность увеселений, характерная именно для ойротского народа, и ничуть не равнозначная русскому пиру. «Арака», конечно, водка, но опять-таки совершенно определенный вид водки. Переводя слово «арака» словом «водка», мы подменили бы частное понятие общим.

Итак, мы старались дать перевод, сделанный чистым русским литературным языком, и в то же время проникнутый национальным ойротским колоритом. В какой мере это удалось, судить не нам. Думаем, однако, что сделанные поэтами Е. Березнишким, И. Мухачевым и А. Смердовым переводы являются некоторым шагом вперед на пути к возможно более точной и художественно полноценной передаче лучших образцов ойротского народного творчества.

Необходимо, однако, помнить, что опубликованные до сих пор тексты — лишь незначительная часть того, что записано, а записано, в свою очередь, очень малая часть поэм и сказок, хранящихся в памяти ойротского народа. Работа еще предстоит большая, сулящая много замечательных открытий.

А пока — надеемся, что и эта небольшая книжка сыграет свою роль в деле укрепления дружбы и взаимного понимания между народами великого Советского Союза.

В. Вихлянец.

ТЕМИР-САНАА

Давным-давно это было...
Много с тех пор воды утекло,
Много раз маральник в горах отцветал
И снова покрывал горы
Розовым цветеньем своим.
Озера до дна высыхали,
До краев наполнялись вновь.
Так давно это было,
Что словами передать невозможно,
На топшуре сыграть нельзя.

У черного моря,
Покрытого вечным туманом,
Где ветер никогда не пролетал,
У черной горы,
На дно синего неба глядящей,
На земле ханов одноименных —
Двух братьев Еки-Теек ненасытных,

Ездящих на сивых конях,
Годы свои считать позабывший
Айачи — бедный охотник
Со своею семьей жил.
Кроме луков со стрелами,
На звериных тропах настороженных,
Ничего у охотника не было.
Впроголодь жил старик
Со старухой Амыр-Чечен,
Сыном Темир-Санаа
И дочерью Торко-Чачак красавицей.

**
*

Однажды
Темир-Санаа и Торко-Чачак
В черный лес отправились
Луки, отцом настороженные,
Осматривать.
Железной стрелой настигнутых
Диких зверей нашли,
Через плечо перекинув,
Весело домой потащили.
Полпути не успели пройти —
Земля закачалась,
Гром под землей раздался,
Солнце в небе померкло.
Дети Айачи-старика
В страхе на землю упали,
Из-под прикрытых ресниц
Смотрят в испуге:
Два хана Еки-Теек ненасытных
На сивых конях под'езжают.
Уши коней дно неба бороздят, —
Серую тучу направо гонят,
Белую тучу налево отгоняют.
Дыханье коней,

Лук со стрелами возьми,
По Алтаю бродить отправляйся.
За нас, стариков, заступаться не смей,
С ханами воевать не вздумай:
Кровью истечь — у них крови нет,
Умереть — у них души нет.
По цветущим долинам броди,
На вершинах гор
В облаках мягких отдыхай».
Бедняк Айачи
Детям своим так сказал,
Не вмещая горе в груди,
Жгучими слезами заплакал.
До́чь свою
Торко-Чачак красавицу
На берег туманного моря увел,
У подножья черной горы оставил,
Слезами заливаясь,
Домой вернулся.
Сын Темир-Санаа так сказал:
«Родные мои отец и мать!
Где вы умрете,
Там и я с вами умру;
Где жить будете,
Там и я жить буду.
От вас никуда не уйду,
Вместе с вами беду ждать стану».
День и ночь без устали
Амыр-Чечен старая
Сына уйти упрашивала,
Дряхлых стариков оставить,
Молодую жизнь свою сберечь.
Темир-Санаа
Сердце любящее имел,
Твердость каменную имел:
С отцом и матерью старыми

ЧАСТНАЯ
КНИЖКА
ИМЕНА

1958

Брррр. сказки 2.

Национальная библиотека
Республики Алтай
им. М. В. Назарова

Дома остался.

**
*

Синее небо потемнело,
Под землей гром прошел,
По Алтаю безветренному
Буря зашумела,
Грозный крик послышался:
«Ханов двух грозных
Раздразнил ты,
Над ханами грозными
Издевался.
Что за герой нашелся
Ханских слов не слушать?
Богатырь откуда явился
Ханских приказов не выполнять?!
Дочь свою сейчас из аила выведи,
Торко-Чачак красавицу
Нам немедля отдай.
Если приказа не исполнишь,
Кровь твою по ложке измеряем,
Тело твое на куски разорвем!»
Так два брата Еки-Теек ханы,
Не слезая с коней, крикнули,
Плетками воздух рассекли.
«Ой, беда, ханы мои!
Торко-Чачак красавицу
Сам давно потерял.
Если время имеете,
Вместе ее понщем».
Айачи-старик перед ханами
На оба колена встал,
Сжалиться ханов упрашивал.
Грозные ханы Еки-Теек рассвирепели,
Плетками, из ремней скрученными,
Айачи-старика бить стали.

Крик его
До неба поднялся,
До бога Курбустана долетел,
Глубоко под землей
Эрлик-Бию слышен был.
Не пришли боги
Айачи-старика помочь.
Зато Темир-Санаа
Из аила выбежал:
«Постреляться с вами
Стрелы у меня есть,
Поборотся с вами
Силы у меня хватит!»
На двух ханов Еки-Теек грозных
Мальчик бросился,
Словно дикий зверь, —
Защищать отца кинулся.
Еки-Теек ханы
Храброго мальчика схватили,
В семидесятисаженную яму
Вниз головой с хохотом бросили:
«Пусть, как мышь,
В этой яме пропадет!»
Айачи-охотника старого,
Амыр-Чечен старуху
Арканами скрутили,
На свое стойбище по земле поволокли.

*

Месяцы и годы проходили.
Торко-Чачак красавица
По Алтаю одиноко бродила,
Лесную ягоду ела,
Воду ключевую пила.
Однажды она услышала
Из-под земли голос глухой:

«С родными разлученный
На дне ямы умираю,
Совсем молодой,
Как мертвец, на дне ямы лежу»...
У Торко-Чачак красавицы
Сердце от боли сжалось,
Холод по телу прошел.
Полы старенькой шубы
За пояс она заткнула,
В большую долину
Быстрее марала прибежала,
В семидесятисаженную яму заглянула.
Это он, брат ее единственный,
Темир-Санаа молодой
На дне ямы лежит!
Румяное лицо имевший —
Как серая земля стал;
Звонкий голос имевший,
Силу и ловкость имевший —
На бок едва повернулся,
Еле слышно сказал:
«Торко-Чачак, сестра моя!
Если сегодня ничего не поем,
Голодной смертью умру.
Поторопись, сестра моя!
Луки, отцом оставленные,
На звериных тропах насторожи.
Если будет добыча,
Мне скорей принеси».
Торко-Чачак красавица
Быстро за дело принялась.
Луки отцовские отыскала,
На звериных тропах натянула.
Не успело солнце опуститься —
Марал шестирогий
Потайной сторожок задел,

Трехгранная стрела
Сердце ему пронзила.
Торко-Чачак обрадованная
Брату добычу принесла,
В семидесятисаженную яму бросила,
Брата своего любимого
От голодной смерти спасла.
Дни за днями проходили...
Темир-Санаа
В глубокой яме сидел,
Из семидесятисаженной ямы
Выйти не мог.
Торко-Чачак
Брата жирным мясом кормила,
Выйти из ямы
Брату помочь не могла.
Однажды она
На берег туманного моря отправилась,
К черной горе,
Вершиной в небо глядящей,
Пришла,
Богу Курбустану
Молиться стала,
У Алтая с желтыми зорями
Помощи стала просить.
Плач ее громкий
Шесть раз по всему Алтаю прозвучал,
Семь раз по всей земле,
Как молния, пролетел.
Курбустан-бог дно неба открыл,
На Торко-Чачак поглядел —
И скорее двери захлопнул.
Из-под земли Эрлик-Бий
Черную голову поднял,
На Торко-Чачак посмотрел —
И снова исчез.

Плач Торко-Чачак
В ушах шестидесяти ханов алтайских
Прозвенел,
До семидесяти ханов, на земле живущих,
Долетел,
В сердца ханов горьким ядом проник.
«Кто это печалится на Алтае?» —
Все как один ханы подумали.
Но ни один посмотреть не пришел,
Ни один помочь не захотел.
Два брата Еки-Теек ханы,
Ездящие на сивых конях,
Плач Торко-Чачак услышали,
Жадные глаза у них заблестели,
Черные сердца у них застучали.
Еки-Теек ханы
Семь серых волков призвали,
Семи серым волкам
Так повелели:
«На стойбище Айачи-старика
Быстрее ветра помчитесь.
Если мужчина встретится, —
На куски растерзайте,
Если девушка встретится, —
Осторожно к нам приведите».
Семь серых волков
Приказ ханов выслушали,
На стойбище Айачи-старика
Быстрее ветра помчались.

**
**

Той порой
Торко-Чачак красавица
Плакать устала,
Голову вверх подняла и видит:

По хребту черной горы
Конь богатырский спускается.
Серая шерсть коня,
Как железо, блестит,
Седло коня
Красным золотом вышито,
Узда коня
Дорогим жемчугом унизана,
Богатырские доспехи
На коня навьючены,
Лук с трехгранной стрелой
К седлу приторочен.
Конь темносерый, железоподобный
Голову высоко держит,
Уши его до синего неба достают, —
Белую тучу налево гонят,
Серую тучу направо отгоняют.
Из ноздрей коня
Желтый огонь пышет,
Глаза коня,
Как синие звезды, блестят.
Красавец железоподобный
Мелкой иноходью подбежал,
Рядом с Торко-Чачак
Остановился.
«Почему горько плакала,
Девушка, красавица золотая?
Какое горе Алтаю рассказывала,
В какой беде помощи просила?
Я, сладкую траву щиплющий,
Целебную воду пьющий,
Спокойно слушать не смог,
Из цветущей долины
На голос твой прибежал».
Красавцу железоподобному
Торко-Чачак все рассказала;

На правом колене стоя,
Помощи попросила.
«Красавец темносерый! —
Сказала она: —
Если брату моему родному
Солнечный свет покажешь,
Из глубокой ямы выйти сможешь, —
Всю жизнь благодарна буду.
Лучшей травы в цветущих долинах
нарву,
Светлой воды из родников целебных
принесу».

Красавец железоподобный,
Темносерый конь богатырский
На середину белой долины прибежал,
К семидесятисаженной яме подошел,
Из хвоста один волос
В глубокую яму опустил,
На одном волосе
Темир-Санаа из ямы поднял,
Солнечный свет ему показал.
Темир-Санаа
На красивый Алтай поглядел,
Усталое тело распрямил,
Железоподобному темносерому коню
Так сказал:
«Погасший огонь мой ты зажег,
Умирающего меня оживил.
До конца нашей жизни
Друзьями верными будем,
Друзьями неразлучными станем».
Темносерому красавцу
Гриву он погладил,
По шее ласково потрепал.
Потом с сестрой своей
Торко-Чачак красавицей

Весело поздоровался.
Счастье их
Словами передать невозможно,
Радость их
На топшуре сыграть нельзя.
Темир-Санаа
К седлу золотому привязанную
Кожаную сумку открыл,
Мудрую грамоту достал.
Брат и сестра удивленные
Под светлым солнцем
Грамоту читать стали.
Вот что они прочли:
«На Алтае с желтыми зорями,
Где ветер никогда не пролетает,
У Айачи-охотника бедного
Сын Темир-Санаа
На железоподобном коне едущим,
Испугаться — страха не имеющим,
Умереть — души не имеющим
Богатырем родился.
Черное море,
Вечным туманом покрытое,
Матерью ему будет;
Черная гора,
Вершиной в небо глядящая,
Отца родного заменит».
Мудрую грамоту прочитав,
Темир-Санаа
В десять раз выше прежнего стал,
В два раза лучше прежнего сделался.
В богатыря превратился.
Со спины коня темносерого
Одежду богатырскую отвязал,
Черные сапоги
С девятирядными чугунными подошвами

Натянул,
Девять халатов шелковых
На себя надел,
Черно-бобровую шапку
Набекрень надвинул.
Вся одежда ему
Велика оказалась.
«Чем такую одежду шить,
Лучше бы не шили!
Насмех ее прислали мне,
Издваться надо мной вздумали»,
Темир-Санаа обиженный сказал,
Богатырскую одежду снять хотел.
Вдруг за черным холмом,
Где солнце и луна заходят,
Семь волков завыли,
На вершину холма выбежали.
«На стойбище Айачи-старика
Никого в живых не оставим,
По приказу Еки-Теек ханов
Семью Айачи истребим!»
Услышав это, Темир-Санаа
Не сердящийся рассердился,
Не гневающийся разгневался.
От седла темносерого коня
Лук отвязал,
Трехгранную стрелу,
Никогда еще не летавшую,
На тетиву наложил,
Семь серых волков
На один прицел взял,
Богатырский лук натягивать начал
Щеки Темир-Санаа
Раскраснелись,
Лопатки на спине его
Вместе сошлись,

Руки богатыря,
Как железо, твердыми стали.
Утром лук натягивать начал —
К вечеру стрелу отпустил.
Из-под пальцев его
Дым пошел,
С конца стрелы искры посыпались.
Пущенная стрела загудела,
Семь серых волков
Одним ударом пронзила.
Темир-Санаа богатырь
С семи волков шкуры снял,
Сестре Торко-Чачак подал.
Торко-Чачак
Шкуры быстро обмяла,
Из семи волчьих шкур
Одну рукавицу сшила.
Темир-Санаа
На правую руку примерил —
Мала рукавица,
На левую руку
Рукавица как раз пришлась.
Тогда Темир-Санаа
Из девяти логов
Сухие дрова собрал,
Большой костер разжег,
Туши семи волков
На огонь сложил,
В белую золу превратил,
По ветру золу развеял.
Потом Темир-Санаа богатырь
В чугунное стремя ногу вложил,
На спину темносерого коня
Легко вскочил,
На седло, золотом вышитое,
Уселся,

Повод, жемчугом усеянный,
В руки взял,
Черно-бобровую шапку
До ушей надвинул.
«Темир-Санаа, друг мой!
Чтобы тебе мужчиной взрослым стать,
Богатырем смелым сделаться,
Поскакать немного попробуем.
Оседлав меня,
Ясности ума не теряй,
В седле крепко сиди».
Железоподобный темносерый конь
Так сказал,
Четырьмя ногами
Враз ударил.
Где стоял —
Там следы остались,
Куда ускакал —
Следов нет.

**
*

Железоподобный темносерый
Богатыря помчал.
Темир-Санаа назад нагнется —
Конь хвостом поддерживает.
Темир-Санаа вперед склонится —
Конь гривой его оберегает.
Когда надо, оборачивается,
Головой богатыря подхватывает,
На бок упасть не дает.
Темир-Санаа глаза закрыл,
Голова закружилась.
Когда глаза открыл,
Удивился:
Темносерый конь

По дну неба скачет,
Белую тучу пересекает,
Близко к звездам подходит.
Темир-Санаа
Второй раз очнулся —
Темносерый конь
По Алтаю бежит.
На низкую гору ступит —
Долина получается,
Копытом в озеро встанет —
Досуха расплескивает.
У самых высоких гор
Вершины сбивает,
Глубокие моря,
С песком смешивая, бежит.
Темир-Санаа
В третий раз очнулся —
Красавец железоподобный
Легкой иноходью идет,
По цветущей долине бежит,
Зеленую траву не мнет,
Синие цветы не ломает.
Темир-Санаа
Себя внимательно оглядел,
Что произошло —
Понять не может:
Сапоги богатырские
Впору ему,
Халаты шелковые
Как раз по плечам,
Черно-бобровая шапка
Крепко сидит,
Вся одежда ему
Словно по мерке сшита,
Богатырские доспехи
Будто для него сделаны.

Темир-Санаа молодой
Богатырем стал,
Ездящим на железоподобном
Темносером коне.
Темир-Санаа богатырь
Теперь поохотиться вздумал.
С коня богатырского слез,
В седловине горы спрятался.
Красавец железоподобный
Вокруг шести урочищ
С облавой пошел,
Из шести урочищ
На Темир-Санаа
Шестьдесят маралов выгнал.
Темир-Санаа богатырь
Одной стрелой всех свалил,
На темносерого навьючил,
Обратно к сестре вернулся.
«Дорогая сестра моя!
Один огонь
В наших глазах горит,
Одна кровь
В наших жилах течет.
Одна ты у меня осталась,
Но придется с тобой расстаться.
Мясо этих маралов
На жарком огне копти,
Из маральных шкур золотистых
Одежду себе сшей.
А я, сестра моя милая,
По следам Еки-Теек ханов поеду,
С ханами силой померяюсь.
Пока родителей наших
Живыми или мертвыми не найду,
Домой не вернусь.
Эту бусинку золотую

На память обо мне возьми,
В белый шелк ее заверни,
На груди бережно спрячь.
Если я жив и бодр буду,
Бусинка, словно солнце, будет блестеть.
Если погибну иль в беде буду,
Бусинка инеем синим покроется.
По ней жизнь мою узнавать будешь», —
Так сказав, Темир-Санаа
Золотую бусинку сестре подал,
На долиноподобной ладони протянул.
Жемчугом усыпанный повод
Богатырь слегка тронул,
Железоподобного темносерого коня
Темир-Санаа повернул,
На стойбище Еки-Теек ханов
Быстрее вихря умчался.
Где конь стоял —
Там следы остались,
А куда ускакал —
Следов нет.
Торко-Чачак сестра
Слова вымолвить не успела,
Что случилось,
Красавица не поняла.

**
*

Железоподобный темносерый
День и ночь без отдыха
Богатыря мчал.
Много рек перебрел,
Высоких гор перевалил,
На поросшую можжевельником
Белую гору поднялся.
Темир-Санаа

Прямо перед собой взглянул, —
Сердце его кровью облилось,
Глаза его огнем заблистали.
Перед ним два сивых коня,
Ушами тучу рассекая,
Рядом стоят.
Еки-Теек ханы
На черных пиках
Айачи-старика подняли.
«Сжалиться — у вас жалости нет,
Постыдиться — у вас совести нет.
Если вы герои ловкие,
Биться с вами буду,
Если вы богатыри смелые,
Постреляемся тут же!»
Темир-Санаа богатырь
С горьким ядом крикнул,
Черно-стальную саблю
До белого неба поднял —
Тучу белую разрубил,
До синего неба поднял —
Дно неба пробороздил,
На ханов Еки-Теек бросился.
Поднятую руку не успев опустить,
Темир-Санаа заметил:
Ханы Еки-Теек неживые —
Из черного камня высечены,
Айачи-старик ненастоящий —
Из желтого камня высечен.
Сивые кони ханов
Из серых камней сделаны.
На груди коней написано:
«Сын Айачи-старика,
Темир-Санаа сопливый,
За отца отомстить
Никогда не вздумай.

На Алтае живущих
Шестьдесят ханов мы покорили,
На земле живущие
Семьдесят ханов нам подвластны.
Если по нашим следам пойдешь,
На концах черных пик
Куском мяса будешь,
На остриях мечей
Каплей крови станешь.
Тягаться с нами не смей!»
Темир-Санаа богатырь
Не сердящийся рассердился,
С горьким ядом крикнул:
«Не повстречавшись с вами,
Назад не вернусь,
Не поборовшись с вами,
Жить на свете не стану!»
Железоподобный темносерый
На землю лег, покатался —
Каменным конем стал,
Темир-Санаа
По земле покатался —
Тоже каменным стал.
Длинной пикой
Еки-Теек ханов пронзил,
Указательным пальцем
На камне написал:
«Если вы забудете, —
Я не забуду,
По душам, ханы,
Поговорим».
Каменное изваяние свое,
Коня железоподобного изваяние
Темир-Санаа здесь оставил,
Быстрее стрелы дальше помчался.
Совсем немного проехал —

Темносерый конь остановился,
Правое ухо вверх поднял,
Левое ухо к земле опустил,
Чутко слушать стал.
«Друг ты мой темносерый,
Товарищ неразлучный!
Смерть ли нашу почуял,
Счастье ли наше увидел?» —
Богатырь спросил.
«Смерти нашей не чую,
Счастья тоже не вижу», —
Серебряной гривой потряхивая,
Богатырский конь отвечал. —
«Охрана Еки-Теек ханов
На пути нашем сильна.
Встретится нам
Хозяин озера — синий бык, —
Как его об'едем?
Железная гора
Дорогу нам преградит, —
Как ее перевалим?
Желто-ядовитое море
На пути нашем ляжет, —
Как его перебредем?»
«Ничего, счастливец темносерый!
С врагами мы справимся,
Имена свои не опозорим», —
Темир-Санаа ответил,
Ласково коня погладил,
Дальше путь продолжал.
Глубокие реки перебрел,
Высокие горы перевалил,
На черно-стальную гору поднялся.
Хозяин черного озера — синий бык
На годовом расстоянии его почуял,
На месячном расстоянии увидел,

Крепкие камни разрушая,
Черное озеро мутить стал,
Разноголосо замычал,
Навстречу богатырю вышел.
Кости шестидесяти богатырей
На левом рогу надеты,
Кости семидесяти богатырей
На правом рогу торчат.
Гремя богатырскими костями,
Головой свирепой мотая,
Синий бык, словно буря,
На богатыря летит.
Богатырский конь темносерый
По земле покатался —
Бурым быком стал,
В хозяина гор превратился.
Грозно замычал,
Землю рогами роя,
Навстречу синему двинулся.
На вершинах двух гор стоя,
Бойцы рогами столкнулись,
От рогов дым пошел,
Горы в прах разлетелись.
Реки с песком смешивая,
Горы с землей сравнивая,
Быки бороться стали.
Темир-Санаа богатырь
Удивленно на них глядел,
Молодое сердце его
Звонко стучало.
Небольшое время прошло —
Бурий бык уставать начал,
Реже вперед подавался,
Чаще назад отступал.
«Ой, беда, Темир-Санаа!
Долго устоять не сумею.

Лук скорее бери,
Синего быка стреляй!»
Темир-Санаа богатырь
Железный лук поднял,
Живую стрелу положил.
Утром лук натягивать начал —
К вечеру стрелу пустил.
От большого пальца дым пошел,
От стрелы искры брызнули.
Синий бык
С пробитым сердцем упал,
Как большая гора,
Рухнул,
Как большая река,
Кровь побежала.
Темир-Санаа
Живот быка распорол,
Сердце и легкие вынул,
В кожаную сумину сложил,
На темносерого сел,
Дальше в путь отправился.
Совсем недолго проехал,
Видит: гора высокая
Землю с небом соединила,
Поперек дороги легла.
Темир-Санаа
Вдоль горы на восток проехал —
Конца горы не нашел,
На запад богатырь проехал —
Не увидел края горы.
Три ворона черных
Вдоль горы летали,
Перелететь гору не могли.
Темир-Санаа богатырь
Трех воронов черных поймал,
Одному приказал вверх лететь —

Высоту горы определить,
Другому приказал вправо лететь —
Край горы отыскать,
Третьему приказал влево лететь —
Узнать, где гора кончается.
На десятый день вороны возвратились.
«Усталые крылья нас не держат,
Ослабевшие ноги нас не носят.
Высоту горы мы не измерили,
Длину горы определить не смогли», —
Черные вороны так ответили,
От усталости на землю упали.
Темир-Санаа богатырь
От печени синего быка
Три куска отрезал,
Черным воронам бросил.
На дневное расстояние от горы от'ехал
С коня богатырского слез.
Богатырский лук
С плеча снял,
Живую трехгранную стрелу,
Промаха не знающую,
На тетиву положил,
В средину железной горы направил,
Лук натягивать стал.
На широкой спине его
Лопатки вместе сошлись,
Пальцы правой руки
Каменными стали,
Щеки богатыря разгорелись.
Утром лук натягивать начал —
Трехгранную стрелу
К вечеру отпустил.
От пальцев Темир-Санаа
Дым пошел,
С конца стрелы его

Пламя взвилось.
Горы кругом задрожали,
Моря из берегов хлынули,
Синее небо треснуло,
Громом грянуло,
Молнией заблестало.
Железная гора затряслась,
Пополам раскололась.
Сквозь железную гору
Темир-Санаа рысью проехал,
В прекрасной долине очутился.
С удивлением вокруг глядит:
Шестьдесят разных цветов
Тихонько на стеблях качаются,
Семьдесят разных цветов
Пышно кругом цветут.
Молодые деревья
Вечнозелеными листьями шумят.
Летние птицы,
Не улетаая никогда, здесь поют.
Теплый ветерок
Лицо Темир-Санаа ласкает.
Темносерый конь красавец
Траву молодую гладит,
Легкой иноходью идет.
Темир-Санаа богатырь
Отдохнуть здесь не подумал,
Повод коня рванул.
К берегу желто-ядовитого моря,
Как буря, подлетел.
Вдоль желто-ядовитого моря
Три дня вправо скакал,
Три дня влево скакал —
Ширину моря не узнал,
Конца моря не увидел.
Тогда Темир-Санаа

Трех красивых сорок поймал.
Одной велел вправо лететь,
Другой велел влево лететь,
Третьей велел через море отправиться.
«Ширину моря узнайте,
Длину моря определите», —
Темир-Санаа приказал.
На десятый день сороки вернулись.
«Усталые крылья нас не держат,
Ослабевшие ноги нас не носят.
Ширину моря мы не измерили,
Длину моря узнать не могли», —
Красивые сороки так ответили,
Усталые на землю упали.
Темир-Санаа богатырь
От сердца синего быка
Три куска отрезал,
Усталым сорокам бросил.
Железоподобный красавец,
Верный конь темносерый
Копытом в землю ударил,
Так богатырю сказал:
«Желто-ядовитое море
Перескочить я решил.
Крепче в седле держись,
Смелости богатырской не теряй.
Если море перепрыгнем —
Наша будет победа;
Если краем копыта
Ядовитое море задену —
Еки-Теек ханы победят».
Сказав это, красавец железоподобный
На дыбы встал,
В один конский волос превратился.
Через желто-ядовитое море
Темир-Санаа перенес,

Краем копыта
Ядовитого моря не задел.
Зеленую траву не топча,
Синих цветов не ломая,
Легкой иноходью пошел.
Темир-Санаа богатырь
Темносерому красавцу сказал:
«На лунно-солнечном Алтае
Самым лучшим конем оказался ты,
Самым сильным богатырем оказался я.
Почему ядовитого моря мы боялись,
Силу желтого яда не испробовали?
Давай к морю вернемся,
Ты его копытом потрогай.
Силу яда попробуем,
Прославленное море испытаем».
Темносерый железоподобный
Гриву и хвост опустил,
На богатыря жалобно поглядел:
«Если с морем шутить будем,
Беда с нами случится;
Если желтого моря коснемся,
Смерти нам не миновать».
Темир-Санаа богатырь
Краем уха слушать не хочет.
Девятигранную плетку поднял,
Темносерого ударил,
Кожу ему рассек,
На коня сердито прикрикнул,
К желто-ядовитому морю под'ехал.
Железоподобный красавец
Конь темносерый
Копытом левой ноги море потрогал,
Сразу на землю упал:
Левая нога его, как масло, р'стаяла.
Красавец темносерый

На земле без движения лежит,
Слезы у него ручьями текут,
Глаза помощи просят.
Темир-Санаа богатырь
Богатырский ум растерял,
По берегу бегать стал,
Выхода не нашел.
Черно-стальную пику свою
В ядовитое море бросил,
Ядовитое море
Пополам расколос,
Кости темносерого
На дне моря увидел.
Черно-стальная пика
Словно волос тонкая стала;
Богатырскую пику
Желтый яд обглодал.
Красавец темносерый
На богатыря жалобно поглядел,
Тихим голосом так сказал:
«Темир-Санаа, друг мой!
Смерть моя рядом стоит.
Времени даром не теряй,
Кости мои скорей собери,
На место приставь,
Сердцем и легкими синего быка обложи».

обложил.

Левая нога темносерого
Сразу поправилась,
Шерсть коня темносерого
Серебром заблестела.

Вдвое веселее прежнего
Конь стал,
В десять раз красивее
Сделался.
Зеленую траву он щиплет,
Целебную воду пьет.
Темир-Санаа
Остатками сердца синего быка
Пику свою погладил.
Длинная пика его
В два раза лучше прежнего
Сделалась,
В десять раз красивее
Стала,
Как солнце и луна, заблестела,
Золотая вода на ней заиграла.
Темир-Санаа радостно засмеялся,
На красавца темносерого сел,
К стойбищу Еки-Теек ханов
Быстрее ветра помчался.

**
*

Темир-Санаа богатырь
Совсем недолго ехал.
Темносерый конь остановился,
Правое ухо вверх поднял,
Левое ухо к земле опустил,
Чутко слушать стал.
«Друг ты мой темносерый,
Товарищ неразлучный!
Смерть ли нашу почувал,
Или счастье увидел?» —
Богатырь спросил.
Темносерый красавец ответил:
«Смерти нашей не чую,

Счастья тоже не вижу,
К стойбищу Еки-Теек ханов,
Ездящих на сивых конях,
Мы скоро под'едем.
Являться туда
В богатырском виде нельзя.
В тастаракоя жалкого,
В горбуна маленького грязного,
Медвежью шкуру носящего,
Ты превратись.
В жеребенка хромого, паршивого,
Собачьей рысью бегущего,
Я превращусь.
В таком виде
К Еки-Теек ханам явимся».
Красавец темносерый
По земле покатался —
Паршивым жеребенком стал.
Темир-Санаа
По земле покатался —
Тастаракоем сделался.
На коня своего посмотрел,
Себя кругом оглядел,
Весело рассмеялся.
Вместо плетки девятигранной
Таловый прутик взял,
В седло, из таловой рогульки
сделанное,
Уселся,
Повод из таловой коры
Дернул,
Собачьей рысью
Поехал.
Совсем недолго проехал —
Несчитанные стада встретил.
Еще проехал —

Стойбище Еки-Теек ханов увидел,
Прямо туда направился.
Таловый прутик свистит,
Таловое седло скрипит.
Тастаракой сильней сгорбился,
Собачьей рысью поскакал,
До крайних аилов доехал.
Увидев тастаракоя,
Собаки навстречу выбежали.
Желтые собаки завыли,
Серые собаки залаяли,
Жеребенка за ноги хватать стали,
Самого тастаракоя
На землю чуть не свалили.
Тогда тастаракоей
Медвежью шубу распахнул —
Медвежий запах от нее
По стойбищу пошел.
Все собаки разом хвосты поджали,
Прочь разбежались.
Тастаракоей быстро дальше поехал.
Мимо белого моря,
У дворцов ханских лежащего,
Проехал,
Частый черный лес,
Где змея проползти не может,
Миновал.
Бесчисленные слуги ханские,
Рабы ханов несчастные,
Тастаракоя увидели,
Смеяться над ним стали:
« Откуда в гости к нам
Красавец такой приехал?
Побороться с нами не хочешь ли?
Бега затеять не думаешь ли?»
Так рабы ханские,

Тастаракон несчастливые,
Насмешливо спрашивали.
Тастаракон остановился,
Паршивого жеребенка привязал,
К ханским слугам смело подошел,
Каждого за пояс хватал,
Через плечо легко перебрасывал.
Слуги ханские
Силе тастаракон удивились,
Смеяться над ним перестали.
«Богатырь тастаракон!
Если у тебя табак есть,
Нам понюхать дай.
Наши ханы Еки-Теек
Работать нас заставляют,
Жадные ханы Еки-Теек
Табакон нам не дают».
Богатырь тастаракон,
Медвежью шкуру носящий,
Кисет с табаком достал,
Ханским слугам подал.
Крепкий табак тастаракон
Все как один понюхали,
От крепкого табака
Словно пьяные сделались.
«Такой табак нюхающий,
Такою силу имеющий,
Не простой, видно, человек это,
Богатырь, видно, могучий
Среди нас появился».
С этими словами
Тастаракон несчастливые,
Рабы ханов вечные,
От жалких своих шалашей
Богатыря проводили,
Вслед ему долго смотрели.

А богатырь тастаракой
Весело дальше поехал.
Косичка на голове,
Как мышинный хвостик, торчит,
Таловый прутик свистит,
Таловое седло скрипит.
Паршивого жеребенка погоняя,
Тастаракой жалкий
К дворцу старшего Теек-хана
Собачьей рысью под'ехал.
Вот что он увидел:
Около черного дворца
У семиуставной бронзовой коновязи
Два сивых коня
На выстойке стоят.
Из глаз коней
Красное пламя пышет.
Уши коней в дно неба упираются,
Хвосты и гривы коней
До земли достают.
Чтобы гостей встречать,
Богатырских коней привязывать,
Когда к ханам гости приедут,
Шестьдесят силачей
У коновязи стоят.
Под руки гостей подхватывать,
В черный дворец вводить —
Семьдесят силачей
У дворцовых дверей стоят.
«Падаль свою паршивую
Близко не подводи!
Вшивый, червивый ты,
К дворцовым дверям близко
Подходить не смей!»
Силачи, коней привязывающие,
На шестьдесят ладов

Тастаракоя приехавшего обругали,
Тастаракоя жалкого,
Словно шапку, назад отбросили.
«Ой, не убейте меня,
Богатыри могучие,
Верные крылья Еки-Теек ханов грозных!
Не простой человек я:
Над ста тастаракоями я начальник,
Зайсан я, медвежью шубу носящий.
Важную новость ханам своим
Рассказать приехал.
Назад меня не отталкивайте,
Во дворец меня пропустите», —
С умоляющим видом тастаракоей
Так силачей упрашивал.
Когда солнце
К закату приближаться стало,
Лица силачей смягчились,
Злоба силачей растаяла.
Тогда тастаракоей
Таловый прутик в землю воткнул,
Паршивого жеребенка привязал,
От страха колени подгибая,
Дворцовую дверь еле открыл,
Золотой порог переступил,
Против двери у очага сел,
Испуганные глаза робко поднял.
Старший Теек-хан
На девятирядном золотом троне,
Растянувшись, сладко спит.
Толстые косы его,
Словно змеи, скрученные лежат,
Из ноздрей его
Синее пламя выходит.
Круглое сердце тастаракоей
Застучало,

«Ой, не убивайте меня,
Силачи могучие!
Над ста тастаракоями зайсан я,
По важному делу приехал,
С ханом своим
Поговорить хочу.
От двери меня не отбрасывайте,
Во дворец меня пропустите!» —
Тастаракой громко кричал,
Силачей со слезами упрашивал.
Золотая дверь вдруг открылась,
Жена хана,
Алтын-Юстук красавица,
Из дворца выглянула,
На слуг сердито крикнула:
«Человека, по делу приехавшего,
Обижать не смейте,
Во дворец его пропустите!»
Силачи, двери открывающие,
Славных богатырей вводящие,
К тастаракою разом кинулись,
Под руки его подхватили,
В золотой дворец с почтеньем ввели.
Во дворце
На девятирядном золотом троне,
На девяти перинах шелковых
Младший Теек-хан,
Словно гора, лежит.
Богатырский храп его,
Словно гром, разносится,
Толстые косы его
Три раза подушку обвили,
Как змеи,
На полу три раза свернулись.
Дыханье его
Синим пламенем вылетает.

Круглое сердце тастаракою
Застучало,
Мягкие кости его
Изогнулись.
Алтын-Юстук ханшу
Восемь девушек окружали,
Золотые волосы ей расчесывали.
Грязный тастаракой
Жалкую трубку свою вынул,
От уголька прикурил;
На правом колене стоя,
Красавице-ханше подал.
Алтын-Юстук красавица
Трубку не думая приняла,
К нежным губам приложила.
Не успела дым она выпустить —
Лицо ее расцвело,
Девиц она оттолкнула,
Золотую чашку достала,
До краев чегенем наполнила,
Тастаракою жалкому,
Улыбаясь, подала.
Руку опустить она не успела,
Восьмиведерную чашку Теек-хана
Тастаракой жалкий
Одним глотком осушил,
Удивленной красавице возвратил.
Из кожаного кисета своего
Остальной табак высыпал,
Молодой женщине отдал.
Брови Алтын-Юстук,
Словно радуги, изогнулись,
Глаза ее,
Как звезда Чолмон, заблестели,
Щеки ее,
Словно куст маральника, расцвели.

Красотой с солнцем сравнимая,
Прелестью с луной схожая,
Алтын-Юстук красавица
Тастаракоя жалкого
Вкусной пищей разной
Угощала,
Аракой крепкой
Угощала,
Милыми глазами на него
Беспрерывно смотрела.
«Когда Теек младший проснется,
Просьбу свою
Рассказать ему приходи», —
Алтын-Юстук сказала.
Тастаракоя проводить
Из дворца золотого вышла,
Нежную руку свою
На прощанье тастаракую подала.
Силачи, у двери стоящие,
Очень этому удивились.
Богатыри, коней привязывающие,
Ничего понять не могли.
Тастаракой, медвежью шубу носящий,
К паршивому жеребенку вернулся.

**
*

Железоподобный темносерый
Богатырю сказал:
«Бороться с Еки-Теек ханами —
Силы у нас нехватит,
Постреляться с ними —
Силы у нас не равны.
Тастаракоем жалким
Здесь пока оставайся,
Жизнь свою береги,

Мягкости врагов не верь.
Араку и чегень,
В золотой чашке поднесенные,
От врагов своих не принимай,
Ум богатырский
Не усыпляй никогда.
Тебе, золотой друг мой,
Темир-Санаа милый,
Верный совет даю:
Если куда пойдешь, —
Путь свой зорко осматривай,
Если отдыхать будешь, —
Один глаз пускай засыпает,
Другой глаз все кругом видит.
Айачи — отца своего старого,
Амыр-Чечен — мать старую
Разыщи.
Меня, друга своего,
Поджидай.
По всей земле я сейчас пройду,
По всем морям проплыву.
Души Еки-Теек ханов
Нам найти надо,
Души двух сивых коней
Отыскать надо.
На дне неизвестного моря
Они запрятаны,
В глубине земли неизвестной
Закопаны».
Красавец железоподобный
Четырьмя ногами враз ударил,
В быстрого сокола превратился;
Где стоял —
Там следы остались,
А куда улетел
— Следов нет.

Темир-Санаа богатырь,
Тастаракоем ставший,
По аилам, как нищий, бродил,
Собак беспокоил.
Однажды он
На широкое пастбище вышел,
Ветхий шалаш увидел.
У черной сопки шалаш стоял,
На старую лиственницу опирался.
Темир-Санаа
В ветхий шалаш вошел.
Зоркие глаза его
Расширились,
Круглое сердце его
Сжалось.
Айачи — отца старого,
Амырь-Чечен — мать свою
Темир-Санаа увидел.
Родителей одряхлевших,
Ханские стада пасущих,
В неволе век доживающих,
Темир-Санаа узнал.
Родители старые,
На тастаракоя глядя,
Сына своего
Узнать не могли.
«Медвежью шубу носящий,
Откуда родом, тастаракоей?» —
Айачи-старик спрашивает.
«Над ста тастаракоеями
Начальник я;
Медвежью шубу носящий
Зайсан я.
Народы мои обеднели,

Подати платить не могут.
К ханам с просьбой приехал я,
Чтоб налоги они поубавили.
Три дня подождать
Ханы мне приказали.
«К пастуху нашему Айачи
Жить отправляйся.
Айачи тебя
Жирным мясом накормит,
На меховую постель
Спать положит», —
Ханы так мне сказали.
Добрые ханы
Обо мне позаботились.
Жирную пищу, Айачи,
Мне принеси,
Лучшую постель меховую
Мне постели», —
Темир-Санаа сказал,
Над родителями пошутил.
Айачи-старик
От обиды заплакал.
«Ханы над нами издеваются...
Мышам — смерть, кошкам — смех, —
Сквозь слезы Айачи сказал:
— Пищу жирную где нам взять?
Мы с голоду чуть не умираем.
Постель меховую откуда возьмем?
Сами на земле спим».
Амыр-Чечен старая,
Горе в груди не вмещаая,
Горькими слезами заплакала,
Пришедшему гостю сказала:
«Если бедностью нашей не брезгуешь.
Ночевать у нас оставайся.
Места в шалаше у нас хватит,

Из ручья воду студеную
Сколько захочешь пей».
Когда полночь наступила,
Тастаракон из шалаша вышел,
В темноте к стаду подошел,
Большого барана-вожатого,
Белого, с шестью рогами,
Быстро в стаде поймал,
Голову ему отвернул,
Старикам в шалаш бросил.
«Не погибших нас погубил ты,
Не умерших нас умертвил ты!
Зачем, подлец ты безжалостный,
В наш бедный шалаш пришел?!»
Старики словно дети заплакали,
На тастаракон жаловаться
Грозным ханам пошли.
В медвежьей шубе тастаракон
Вперед забежал,
Бедным старикам говорит:
«К ханам грозным
Вперед вас прибегу,
Скажу, что вожака шестирогого
Пастух Айачи убил».
Старики совсем растерялись.
Стали тастаракон упрашивать,
Чтобы к ханам он не ходил,
Пощадил стариков несчастных.
«Ты на нас не сердись,
Мы с тобой пошутили,
Пойдем белого барана варить,
Мясо жирное кушать».
Все трое в шалаш вернулись,
Шестирогого барана сварили.
В медвежьей шубе тастаракон
Большие куски глотал,

Крупные, гладкие кости —
Изо рта выбрасывал,
Мелкие кости —
Через нос пропускал.
«Не простой человек это», —
Старики про себя подумали,
Тастаракою ничего не сказали.
Когда солнце за горой скрылось,
Вторая ночь наступила, —
Тастаракон из шалаша вышел,
Вожаку коровьему,
Бурому быку четырехроговому,
Саблей голову отрубил,
Тушу в шалаш бросил.
«К горю горя добавил,
Жизнь нашу сократил...
К яду яд ты прибавил,
Жизнь нашу отнял!»
Старики запечалились.
Горькими слезами обливаясь,
Еки-Теек ханам
Жаловаться пошли.
В медвежьей шубе тастаракон
Снова вперед забежал,
Старикам испуганным крикнул:
«К ханам грозным
Раньше вас прибегу,
Скажу, что быка четырехрогового
Старик Айачи убил».
Это услышав, старые
Невольно назад вернулись,
С тастараконем помирились,
Мясо быка сварили,
Богатый ужин устроили.
В медвежьей шубе тастаракон
Целые куски проглатывал,

Подобно птице луинокрылой,
Обратно радостно полетел.

Темир-Санаа. К стр. 60

За бороду, черному лесу подобную,
Рукой схватил.

Келер-Куш. К стр.

Большие кости —
Изо рта выплевывал,
Мелкие кости —
Из ноздрей выбрасывал.
Потом тастаракой
Медвежью шубу снял,
У огня отдыхать лег.
Левый глаз его спит,
Правый глаз все кругом видит.
Амыр-Чечен старая
На тастаракою глядела,
Понять этого человека
Никак не могла.
Старое сердце ее
Вдруг застучало,
Тусклые глаза ее
Заблестели:
Амыр-Чечен старая
На груди тастаракою
Родимое пятнышко увидела.
«Не наш ли это сын единственный,
Темир-Санаа золотой?» —
Старику она говорит.
«Сосна на сосну похожа,
Человек с человеком схож.
Сын наш, давно погибший,
Откуда явиться может?» —
Айачи сердито заворчал.
«В груди у меня огонь горит,
Глаза мои сына видят», —
Не унималась старуха.
На костыль опираясь,
Над гостем она склонилась.
«Заехавшим гостям спать не дают, —
Что за старики беспокойные!
Как тетерева токуют,

Ртов своих не смыкают.
Здесь мне покоя нет,
Уйти отсюда придется!»
В медвежьей шубе тастаракой
Из шалаша вышел,
Тайну старикам не открыл.

**
*

Красавец железоподобный
Конь темносерый
Вокруг Алтая высокого
Шесть раз обошел,
Вокруг всей земли
Семь раз обежал.
Души Еки-Теек ханов,
Ездящих на сивых конях,
Души сивых коней,
Ханов носящих,
День и ночь повсюду искал.
В глубоких морях
Большой рыбой плавал,
В мелких морях
Маленькой рыбкой проплывал.
Посреди желто-ядовитого моря
Остров увидел.
На солнцевосходе
Со дна желто-ядовитого моря
На остров этот пустынный
Желтый медведь выходит.
Вечно-двухлетний медведь
Траву сладкую щиплет.
В утробе медведя
Шестиугольный красивый
Золотой ящик лежит.
В ящике шестиугольном
Души Еки-Теек ханов,

Души сивых коней ханских
С начала века хранятся.
Красавец железоподобный
Копытом в землю ударил,
В черную муху превратился,
Крыльями шипя, полетел.
На сладкую траву,
Которую медведь щиплет,
Потихоньку сел,
Под зеленым листом спрятался.
Вот со дна желто-ядовитого моря
Желтый медведь выходит,
Сладкую траву
Красной пастью рвет,
С жадностью ее проглатывает.
Черную муху
Вместе со сладкой травой
Желтый медведь проглотил,
Совсем ничего не заметил.
Так железоподобный конь
В брюхе медведя очутился,
Медведя беспокоить стал.
Желтый медведь
На дно моря опустил,ся,
На дне желтого моря
Еще хуже ему стало,
На остров он снова вылез,
По земле кататься стал.
Железоподобный темносерый
Золотой ящик в зубы взял,
Брюхо медведю распорол,
На белый свет вышел.
Желтый двухлетний медведь
Темносерому так сказал:
«Души Еки-Теек ханов,
Души их коней сивых

Не по своей воле я сохранял.
В начале века
Ханы меня поймали,
Золотой ящик
Силой в брюхо вложили,
На дне желтого моря
Вечно меня мучили.
Ты меня от беды избавил,
Солнце мне показал.
Доброе дело свое dokonчи —
Живот мне вылечи», —
Медведь темносерого просил,
Жалобно на него смотрел.
Красавец темносерый
Живот медведю зашил,
Хорошо вылечил.
В два раза лучше прежнего,
В десять раз лучше вчерашнего
Желтый медведь стал.
Медведь с конем подружились,
Клятву друг другу дали
В течение трех поколений
Крепкую дружбу хранить,
В течение шести поколений
Друг друга не забывать,
В горе и в беде помогать.
Железоподобный темносерый
С желтым медведем простился,
Золотой ящик в зубы взял,
Сквозь белые тучи,
Подобно птице луннокрылой,
Обратно радостно полетел.

* *
*

Темир-Санаа богатырь
Ржанье своего коня

На месячном расстоянии услышал.
Счастливец темносерый
Со дна белого неба
Луннокрылой птицей упал,
Около богатыря спустился.
«Что хорошего
На стойбище ханов видел?
Что нового,
Золотой друг, узнал?» —
Темносерый конь спросил.
«Еки-Теек ханы,
Ездящие на сивых конях,
С Кюлер-Каном воевать
Вот уже три дня как уехали.
Отца и мать я нашел.
Словно зайцы, они побелели,
Словно дети, неразумные стали,
Сына своего узнать не могли», —
Темир-Санаа богатырь
Темносерому коню
Так ответил,
Серебряную гриву ему
Погладил,
В обе челюсти коня поцеловал.
Темносерый железоподобный
Другу своему
Золотой ящик подает.
Темир-Санаа
Шестигранный ящик открыл,
Четырех детенышей выдры
Оттуда вынул.
Двух детенышей —
Души двух сивых коней —
Пополам разорвал.
В тот же миг
На далеком стойбище Кюлер-Кана

Кони Еки-Теек ханов
Мертвыми враз упали.
Двум остальным выдренкам —
Душам Еки-Теек ханов —
Темир-Санаа
Головы слегка прижал,
В правый карман положил.
Сразу Еки-Теек ханы
Богатырский вид потеряли,
Словно пьяные, закачались.
Тут красавец железopodobный
В паршивого жеребенка превратился.
Темир-Санаа богатырь
Медвежью шубу носящим
Тастаракоем вновь сделался,
По аилам бродить поехал,
Вновь собак беспокоить стал.

**
*

Немного времени прошло —
Громкий крик слышался,
Ядовитый крик раздался,
По всему Алтаю гул пошел,
Горы эхом откликнулись.
Еки-Теек ханы
Со стойбища Кюлер-Кана
Пешком домой возвращаются,
Еле-еле идут.
На твердые камни падают —
Камни в песок превращают,
На высокие горы падают —
В пепел их превращают.
К дворцам своим подходят.
Шестьдесят силачей,
У бронзовой коновязи стоящих,

Задрожали,
Семьдесят богатырей,
У дверей стоящих,
Затряслись.
Руки силачам не повинуются,
Ноги их не слушаются.
Полуживые ханы
Домой вернулись,
На постели шелковые
Упали.
В жертву богу
Лучших коней велели резать,
Лучших баранов велели заколоть,
Всех шаманов к себе
Велели пригласить.
Здоровье ханов не улучшается,
Черная болезнь их не проходит.
В медвежьей шубе тастаракой
На паршивого жеребенка сел.
Косичка его вверх торчит,
Кадык его вверх и вниз прыгает,
Таловый прутик свистит,
Таловое седло скрипит.
Зайсан тастаракой
К дворцу старшего Теек-хана под'ехал,
У бронзовой коновязи остановился.
Шестьдесят силачей,
У бронзовой коновязи стоящие,
На тастаракоя зарычали,
Вместе с конем далеко отбросили,
На шестьдесят ладов обругали.
В медвежьей шубе тастаракой
Таловую уздечку дернул,
Коня своего повернул,
Ко дворцу младшего Теек-хана
Собачьей рысью под'ехал.

Подол медвежьей шубы у тастаракоя
Задрожал,
Зубы от страха
Застучали.
Не поднимая головы,
Тастаракоей жалкий ответил:
«Головой моей владеющий,
Теек-хан грозный,
Кланяюсь вам до земли.
Над сотней тастаракоев
Начальник я,
Медвежью шубу носящий,
Зайсан я.
Народ мой вконец обеднел,
Подать платиць не в силах.
За долги моего народа
Твои начальники у меня
Паршивого жеребенка
Отнять собираются,
Жизнь мою жалкую
Погасить хотят.
К тебе, хан, я приехал...»
Хан тастаракоей не дослушал,
Грозно на него зарычал:
«Подать возьми, где хочешь,
Отсюда немедленно убирайся».
Младший Теек-хан застонал,
На шелковую постель повалился.
«Гостя, в аил пришедшего,
Без угощения нельзя оставить», —
Красавица ханша сказала.
Золотую чашку Теек-хана
До краев чегенем наполнила,
Правой рукой гостю подала.
Не успела ханша руку опустить,
Тастаракоей жалкий

Восьмиведерную чашку Теек-хана
Одним глотком выпил,
Удивленной красавице возвратил.
Потом тастаракой
На паршивого жеребенка сел,
Вдоль белого моря
Проехал,
У частого леса,
Где змея проползти не может,
Остановился.
Костер небольшой развел,
Грея спину, лежит.

**
*

Той порой
Алтын-Юстук красавица
К больному Теек-хану подошла,
Вкрадчиво ему сказала:
«В медвежьей шубе тастаракою
Из дворца напрасно прогнал ты.
Может, он шаман мудрый,
Вылечить вас сумел бы,
Черную болезнь прогнать».
Этими словами обрадованный,
Теек-хан с постели поднялся,
Красавице ханше сказал:
«За тастаракою в медвежьей шубе,
Жена моя, отправляйся,
Шесть богатырей,
Шесть девушек, песенниц молодых,
С собой возьми,
Шесть ташауров араки крепкой
Захвати.
В медвежьей шубе тастаракою
Проси обиду забыть,
На стойбище к нам вернуться,

Нас от черной болезни избавить».
Молодая ханша красавица
На бело-игреневого коня села.
Шесть силачей молодых,
Шесть красивейших песенниц молодых
С собой взяла,
Шесть ташауров аракой наполнила,
К тастаракою с почтеньем подъехала.
Шесть красивейших песенниц
Не умолкая песни пели,
Тастаракоя, медвежью шубу носящего,
Жемчужными словами украшали.
Шесть силачей молодых,
То на правом, то на левом колене стоя,
Араку ему подносили.
Красавица ханша молодая
В два раза красивее прежнего,
В десять раз лучше вчерашнего
Тастаракую показалась.
Словно звезды, глаза ее
Доброй лаской сверкали.
Но в медвежьей шубе тастаракой
Краем глаза не посмотрел,
Поднесенную араку не пил,
Слов жемчужных не слушал.
Голову вниз опустив,
Молча сидел.
Тогда ханша красавица
Золотую чашку взяла,
Тастаракую протянула,
Ласково ему сказала:
«Поданную тобой трубку
Я курила,
Сказанные тобой слова
Я слушала.
Золотую чашку эту

Прими,
Обиду на Еки-Теек ханов
Забудь,
Возвратиться на стойбище
Согласись».
Хмурый тастаракой
Тут смягчился,
Молчаливый
Сразу заговорил:
«Что шаман я мудрый —
Вы угадали,
Что лечить умею —
Это верно.
Ради тебя, ханша красавица,
Обиду забыть придется».
Золотую чашку он принял,
Одним глотком ее осушил.
Темносерый копытом ударил.
«На горькую воду не зарься», —
Другу своему шепнул.
Тастаракой больше пить не стал.
Медвежью шубу надел,
Паршивого жеребенка оседлал,
На стойбище Еки-Теек ханов,
Шестью силачами провожаемый,
Шестью песенницами провожаемый,
С Алтын-Юстук красавицей
Рядом едет.
Вой семидесяти шаманов
Издали они услышали.
Скелеты принесенного в жертву скота,
Словно россыпь камней, лежат.
Головы лошадей и баранов
На каждом дереве повешены.
Семьдесят шаманов стараются,
Черную болезнь ханов

Прогнать не могут.
Стаи хищных птиц над стойбищем,
Как черные тучи, летают.
Около костей собаки
Шубы друг дружке рвут.
Навстречу тастаракою
Семьдесят богатырей выбежали,
Бережно под руки подхватили,
Во дворец старшего Теек-хана
С большим почетом ввели.
Теек-хан старший
Со стоном голову поднял,
Тастаракою тихо сказал:
«Сивые кони наши
На гривы мертвыми пали,
Самих нас, ханов могучих,
Черная болезнь гложет.
Если ты шаман мудрый,
Причину болезни узнай.
Что тебе духи скажут,
Без страха мне расскажи».
Медвежью шубу носящий
Тастаракой жалкий
Железный лук Теек-хана старшего
Подать себе приказал.
Железный лук богатырский
Тастаракой поднять не может.
Два силача
На помощь ему пришли,
Железный лук подняли.
Тастаракой оба глаза закрыл,
Тонким голосом крикнул,
Колдовство свое начал.
Тетива железного лука
Загудела,
Косичка тастаракою

Задрожала.

Все во дворце затихли,
Слов тастаракоя ждут.
Тастаракой недолго шаманил.
Голову вверх поднял,
В глаза Теек-хану глядя,
Сказал:

«На Алтае с желтыми зорями,
Где ветер никогда не пролетал,
Луки на зверей настораживавший
Айачи — бедный охотник
Со своею семьей жил.

Айачи — охотника бедного,
Амыр-Чечен — жену его
Вы, Еки-Теек ханы ненасытные,
Оказывается, в плен взяли.

Сына их единственного —
Темир-Санаа мальчика
В семидесятисаженную яму
На страшную смерть бросили.

За это, злодеи черные,
Вы наказаны будете.

Черная болезнь вас прикончит,
Страшная болезнь вас добьет...»

Эти слова услышав,
Теек-хан старший,

Как гром, загремел,
Как железо, зазвенел:

«Ты, собака, надо мной издеваешься,
Могучего хана дразнишь!

Душу твою,
Как волос тонкий, порву.

Кровь твою,
По ложке измеряя, возьму сейчас!»

Теек-хан старший
Тастаракоя схватить не успел:

В медвежьей шубе тастаракой
На ноги быстро встал,
От земли до дымохода
Вырос.
Сам богатырь Темир-Санаа,
Ездящий на железоподобном темносером
коне,

Против Теек-хана очутился,
Богатырским голосом загремел:
«Если вы меня позабыли,
Зато я вспомнил,
Рассчитаться с вами пришел!
Если вы стрелки смелые, —
Постреляемся с вами,
Если богатыри могучие, —
Поборемся тут же!»
Друг друга за плечи
Крепко они взяли,
За ворота шуб они
Схватились.

Шестиугольный золотой дворец
разрушая,

Вон вышли,
Семиуставную бронзовую коновязь
В семи местах изломали.
От богатырской борьбы
Весь Алтай качается,
Скот с пастбищ бежит,
Народ жилища бросает.
Теек-хан старший
Из кармана Темир-Санаа
Детенышей выдры вынул,
Проглотить их не успел.
Темир-Санаа
Детенышей выдры —
Души Еки-Теек ханов —

Пополам разорвал.
Теек-хан старший
У бронзовой коновязи упал,
На рукав голову положил.
Младший Теек-хан
Поперек золотого порога упал,
Мертвую голову на рукав положил.
Трупы Еки-Теек ханов,
Словно черные горы, легли,
Черная кровь ханов,
Как две черные реки, побежала,
Темир-Санаа богатырь
На темносерого красавца сел,
Черно-стальную саблю вверх поднял,
К жене старшего Теек-хана подъехал,
Голову отрубить ей хотел.
Хитрая ханша
Шестьдесят песенниц красивых,
Шестьдесят молодцов с комусами
Навстречу богатырю выслала,
Сама, черные косы распустив,
Навстречу богатырю вышла.
Словно бархат, брови ее,
Как Чолмон-звезда, глаза у нее,
Словно красный маральник,
Щеки ее горят.
Шестьдесят разных кисточек
Грудь ее украшают,
Пятьдесят шелковых кисточек
Спину ее украшают.
В золотой чашке
Араку ханша держит,
Ласково на богатыря глядит.
«Глаза твои с огнем,
Сердце твое с умом.
Лучший конь у тебя —

Красавец темносерый,
Лучший богатырь ты —
Темир-Санаа молодой!
Душу мою, как волос тонкий,
Не рви,
Кровь мою красную
Не проливай.
Как родителей твоих
Еки-Теек ханы в плен взяли,
Так и меня, молодую,
От отца и от матери увезли,
Насильно рабой своей сделали.
Жизнь мою, Темир-Санаа,
Пощади,
Сына, которого под сердцем ношу,
Пожалей.
Мягкую постель тебе
Постелю,
Лучшую подушку
Положу.
Грозное лицо свое
Смягчи,
Золотую чашку с аракой
От меня прими».
Жена старшего Теек-хана
На правое колено встала,
Правую косу поглаживает,
У богатыря пощады просит.
У Темир-Санаа
Твердое сердце смягчилось,
Гнев богатыря рассеялся.
«С женщинами я не воюю,
Жизнь твою пощажу», —
Темир-Санаа сказал,
Поднятую руку опустил,
Черно-стальной саблей

Серую гору разрубил,
Правой рукой
Золотую чашку взял.
Красавец железоподобный
Конь темносерый
Копытом в землю ударил,
Жалобным голосом сказал:
«Сердце свое твердое
Не смягчай,
Золотую чашку к губам
Не подноси».
Темир-Санаа богатырь
Друга своего не послушал,
Золотую чашку
Одним глотком выпил.
Желтым ядом разбавленная
Арака жгучая
Кровь богатырю отравила,
Помутила ум богатырский.
Глаза Темир-Санаа,
Словно Чолмон-звезда, яркие,
Желтизной покрылись,
Румяное лицо его
Бледножелтым стало,
Разговор его
Необдуманным сделался.
Араки ядовитой
Богатырь еще требует.
Алтын-Юстук красавица
К Темир-Санаа подошла,
Слезы из глаз ее
Сами льются.
На правое ухо богатырю
Красавица шепчет:
«Беда будет, Темир-Санаа!
Соболь на косогоре

Свое гнездо строит,
Богатырь на чужом стойбище
Остерегаться должен.
Аракой жгучей не соблазняйся,
Пройденный путь свой обдумывай,
Вперед зорко гляди,
Чтобы лучший конь
Без седока не остался,
Чтобы лучший богатырь
На рукав голову не положил».
Темир-Санаа богатырь
Совета слушать не хочет,
Араку себе требует.
Жена Теек-хана старшего
Кожаный ташаур достала.
Полный ташаур яда,
Семьдесят лет бродившего,
Богатырю подала.
Не успела ханша
Протянутую руку опустить —
Темир-Санаа
Желтый яд выпил,
На один глоток нехватило.
Изо рта его
Красное пламя пышет,
Из ноздрей
Бледное пламя вьется,
Но богатырь
Еще яда требует.
«Если начали угощать,
Угощайте, как следует.
Если есть еще арака,
Не скупясь подавайте!» —
Темир-Санаа кричит,
Сам от желтого яда тлеет.
«В лесу еще арака есть,

Сейчас пойду принесу», —
Хитрая ханша ответила,
К белой горе направилась,
От богатыря удалилась.
Темир-Санаа богатырь
Пламенем весь окутался,
Белый ханский дворец
В пыль превратил,
Белое море, у дворца лежащее,
Досуха расплескал,
На опушке частого леса
В безумстве упал.
От красного огня,
Что изо рта его вылетал,
Частый лес загорелся,
Словно стог сухой, запылал.
Дымом Алтай окутался,
Пламенем осветился.
Алтын-Юстук красавица
На железоподобного темносерого
вскочила,
Богатырский конь копытом ударил,
В синее небо птицей взвился.
Где стоял —
Там следы остались,
А куда ускакал —
Следов нет.

Жена Теек-хана старшего,
Желтым ядом богатыря отравившая,
На белую гору поднялась,
Сына богатыря родила.
Не успел ребенок глаза открыть —
«Мама!» — он сказал;

Только-только глаза открыл —
«Отец!» — произнес.
Два раза материнскую грудь пососал, —
Громким голосом крикнул:
«Ездящий на темносером коне
Темир-Санаа, берегись!
Тело твое, большим пальцем отмеряя,
Крошить буду;
Кровь твою, по ложке измеряя,
Пролью!»
На опушку горящего леса,
К берегу высохшего моря
Быстрее ветра он прибежал,
К Темир-Санаа,
На рукав голову уронившему,
Приблизился.
Черно-стальную саблю
У Темир-Санаа вынул,
Тело богатыря
На куски кромсать стал,
Кровь богатыря
По ложке проливать принялся,
Далеко по Алтаю разбрасывать.
Сколько он ни рубил,
Сколько кровь ни проливал,
Тело богатыря
Все целым оставалось.
Куски тела богатырского,
Кровь, по Алтаю разбрызганная,
В лягушек и змей превращались,
Обратно к Темир-Санаа ползли,
Раны вновь заживали,
Целым его тело оставалось.
Сын Теек-хана старшего
Пуще прежнего рассердился,
Пику Темир-Санаа схватил,

Грудь богатырю
Насквозь проколел.
Потом к бедному шалашу
Айачи-старика прибежал,
Испуганных стариков
Из шалаша вышвырнул,
К вискам их бараньи бабки
Толстыми ремнями прикрутил,
Арканом семидесятисаженным
На высокий тополь их поднял,
На страшную смерть оставил.
Со стойбища Еки-Теек ханов
Весь народ собрал,
Весь скот
Впереди себя погнал,
С матерью своей ханшей
На черно-бурый Алтай направился...

**
*

Сестра Темир-Санаа,
Торко-Чачак молодая,
По Алтаю одиноко бродила,
Разные ягоды собирала,
Светлую воду пила.
Много времени протекло,
Как с братом она рассталась,
Ничего о брате не знала.
Однажды она
Шелковый платок взяла,
Золотую бусинку,
Братом на память подаренную,
Достала.
Глядит: блестящая бусинка
Инеем синим покрылась.
Сердце Торко-Чачак

Тревогой наполнилось,
Глаза слезами наполнились.
«Где брат мой милый погиб,
До той земли долечу.
Пока его не увижу,
Отдыхать ни разу не стану!»
Эти слова крикнув,
На цыпочки она стала,
В синее небо взвилась,
Серым ястребом улетела.

**
*

Желтый вечно-двухлетний медведь
На годичном расстоянии узнал,
На месячном расстоянии услышал,
Что Темир-Санаа богатырь,
Темносерого коня друг,
На рукав свою голову уронил.
Быстрее пущенной стрелы,
Быстрее сказанного слова
К Темир-Санаа прибежал,
Около богатыря сел.
Днем и ночью не засыпая,
Хищных птиц луннокрылых
Желтый медведь отгонял,
Диких зверей жадных
Не подпускал,
Гадам подползать
Не давал.

**
*

Алтын-Юстук красавица
На темносером коне богатырском
По всему Алтаю проскакала,

Над всей землей пролетела.
Там, где земля с небом сходится,
Золотой тополь растет.
Алтын-Юстук красавица
От золотого тополя
Золотого сока взяла,
Из черного моря,
Вечным туманом покрытого,
Золотой ташаур воды почерпнула,
С черной горы,
Вершиной в небо глядящей,
Можжевельника нежного нарвала,
К Темир-Санаа вернулась,
Черную пику
Из груди его вырвала.
Желтый яд
Ключом из раны хлынул.
Алтын-Юстук молодая
Водой из черного моря
Богатыря обмыла,
Можжевельником с черной горы
Одымила, —
Прежний румянец
На щеках Темир-Санаа заиграл.
Будто спит Темир-Санаа богатырь,
Только не дышит.
Тогда Алтын-Юстук
Сок из тополя золотого
К губам богатыря поднесла.
Одну каплю успела вылить —
Темир-Санаа сразу поднялся,
Богатырское тело распрямил.
«Долго, видно, спал я», —
Промолвил.
Лучше прежнего в два раза,
Лучше вчерашнего в десять раз

Богатырь себя чувствовал.
Лицо румянцем покрылось,
Глаза с озерами схожи,
Брови, словно радуга, изогнулись.
Между глазами его
Тридцать отар овец
Могут пастись,
Между плечами его
Тридцать табунов лошадей
Поместиться могут.
Темир-Санаа богатырь
Кругом оглянулся,
Красавицу Алтын-Юстук заметил,
Черно-стальную саблю выхватил,
До белой тучи ее занес,
На ханшу красавицу замахнулся.
«Желтым ядом людей отравляющие,
Жены моих врагов,
Около меня не торчите,
На глаза мне не попадайтесь!»
Алтын-Юстук красавица
Богатырю ответила:
«Богатырь прославленный Темир-Санаа!
Трубку твою жалкую
Не брезгуя курила я,
«Не пей желтого яда», —
На правое ухо шептала тебе.
«Соболь на косогоре жильё строит, —
Богатырь осторожным быть должен», —
Я тебе говорила.
Добра желала тебе всегда,
Что плохого сделала — не помню», —
Алтын-Юстук молодая
Так богатырю говорила,
Горячие слезы
По ее щекам текли.

Железоподобный темносерый
Копытом в землю ударил,
Серебряной гривой тряхнул,
Так богатырю сказал:
«Умершего тебя
Алтын-Юстук оживила,
Огонь твой погасший
Она зажгла.
Руку свою
Поднимать на нее не должен.
На пути своем
Зорко вперед гляди,
Пройденный путь
Всегда, мой друг, вспоминай,
Напоившие тебя желтым ядом,
Пронзившие грудь твою пикой —
Жена старшего Теек-хана
С сыном своим молодым,
Белый скот угоняя,
Народ за собой уводя,
К черно-бурому Алтаю направились.
Безбрежное синее море
Скоро они перейдут,
Мертвую синюю гору
Скоро они перевалят.
Давай, Темир-Санаа,
За ними скорей поскачем,
Врагов наших настигнем».
Темир-Санаа
Поднятую руку опустил,
Черно-стальную саблю
На семьдесят сажен в землю воткнул,
Алтын-Юстук красавицу
В правую щеку поцеловал,
За повод
Левой рукой взялся,

В бронзовое стремя
Ногу вложил,
К черно-бурому Алтаю
Быстрее вихря улетел.
Где богатырский конь стоял —
Следы остались,
А куда ускакал —
Следов нет.

**
*

Семь дней и ночей Темир-Санаа
По следам врагов своих мчался.
У мертвой синей горы,
На берегу безбрежного моря
Врагов настиг.
Черно-стальной меч его,
Словно вихрь, засвистел,
Ханшу предательницу
Пополам рассек.
Ханские богатыри,
Свои мечи обнажившие,
На рукав головы положили;
Словно траву,
Темир-Санаа их скосил.
«Эй, Темир-Санаа негодяй!
Людей ты не руби,
Богатырей ты не коси!
Если ты силач храбрый, —
Поборемся с тобой,
Если стрелок хороший, —
Постреляемся, меткость проверим!»
Сын Теек-хана старшего,
Так крича, навстречу выбежал,
В плечо Темир-Санаа,
Словно коршун, вцепился.

На вершинах двух гор стоя,
Богатыри схватились.
День и ночь борются.
На твердую землю ступают —
По щиколотки вязнут.
На мягкой земле —
По колено погружаются.
Большие горы разрушая,
Борются,
Моря досуха расплескивая,
Сражаются.
Семь лет борьба идет —
Ни один на землю не падает.
Девять лет борьба идет —
Ни один богатырь не уступает.
На десятом году
Сын Теек-хана старшего
Руками в землю упираться стал,
Сила его на убыль пошла.
Темир-Санаа
До белого неба врага поднял,
За синее небо врага занес,
По черно-стальной горе ударил.
Сын старшего Теек-хана
Пополам расколосся,
Из живота его
Рыжая лисица выскочила,
К черной норе,
В царство Эрлик-Бия ведущей,
Быстрее ветра побежала.
Темир-Санаа
На темносерого коня сел,
За рыжей лисой погнался.
У самой норы догнал,
Мечом пополам рассек.
Из брюха рыжей лисы

Серая перепелка вылетела,
На дно неба поднялась,
От богатыря скрыться хотела.
Богатырский конь темносерый
На землю лег, покатался —
Ясное небо тучей покрылось.
Темир-Санаа богатырь
По земле покатался —
Страшный мороз ударил,
Выше коня снег пал,
На луку седла
Темир-Санаа луну поставил,
На ладони свои солнце положил,
На самое дно неба глядеть стал.
Серая перепелка
Страшного мороза не выдержала,
К солнечному теплу полетела,
На ладони богатыря,
Словно стрела, упала.
Темир-Санаа
Ладони сильные сжал —
Серая перепелка,
Словно лед, растаяла.
Так Темир-Санаа богатырь
С последним врагом покончил,
Победу свою завершил.
Железоподобный красавец
Снова тут покатался —
Ясное солнце просияло.
Темир-Санаа покатался —
Теплый ветер подул.
Не успел богатырь оглянуться —
Снег глубокий растаял,
Молодые деревья снова
Зеленые листья развернули,
Громче прежнего

Кровь нашей груди,
Ездящий на темносером коне
Темир-Санаа богатырь!
Тебя, золотого, мы дождались,
Теперь спокойно умереть можем.
На девять лет
Смерть свою мы отсрочили,
Много мучений перенесли,
Зато теперь сына
Богатырем славным увидели,
Еки-Теек ханы,
Кровь нашу сосавшие,
На наших глазах погибли.
Теперь мы
Навсегда спокойно уснем.
Нас, стариков,
Долгую жизнь вместе проживших,
Милый сын, вместе похорони.
Как светлая луна, красивую,
Словно шелковая кисточка, нежную,
Сестру Торко-Чачак береги,
Вместо нас ее приласкай...»
Вдруг со дна синего неба,
Словно стрела быстрая,
Луннокрылая птица спустилась.
Об землю птица ударилась.
Перед отцом и матерью
Торко-Чачак очутилась,
Целовать родителей стала,
Последние минуты их
Нежной лаской согрела.
Старики умирающие говорили:
«Пусть ваша жизнь
Счастливой будет,
Дорогу вашу
Никто не преградит,

Преследовать вас
Никто не осмелится.
Челюсти имеющие
Лживым словом вас не обманул,
Лопатки имеющие
Силой не одолеют.
Бедный народ, дети,
Всегда любите,
Богачам и ханам
Не покоряйтесь».
Перед смертью
Старики улыбнулись,
С улыбкой навсегда заснули.
Темир-Санаа богатырь
Там, куда ветер никогда не залетает,
Дождь проникнуть не может,
Родителей схоронил.
На стойбище отца своего
Решил вернуться,
В родных местах жить.
В бесчисленных табунах
Багрово-рыжего коня поймал,
Сестре своей Торко-Чачак подвел.
Ярко-игреневого коня поймал,
Алтын-Юстук красавице оседлал.
В правый карман
Народ поместил,
В левый карман
Бесчисленные стада спрятал,
С двухлетним желтым медведем
Простился,
На железоподобного
Темносерого красавца сел,
На родное стойбище отправился.
Слева от него,
Словно солнце красивая,

В обе челюсти поцеловал,
Седло со спины его снял.
«Сладкую траву кушай,
Светлую воду пей.
Ни один серебряный волосок
Из гривы твоей пусть не падает,
Уныния и горя
Жизнь твоя пусть не знает», —
Темир-Санаа сказал,
Друга своего
В цветущие долины отпустил.

**
*

На Алтае с желтыми зорями
Кукушки несмолкая поют,
Зимой и летом
Зеленые деревья шумят.
Дети Айачи-охотника
Счастливо зажили.
Веселый огонь у них
Никогда не угасает,
Радость от них
Никогда не уходит,
Горе к ним
Никогда не заглядывает.

КЕЛЕР - КУШ

I

На шелково-голубом Алтае,
Где зимы, как лето, теплые,
Где лес зеленеет вечно,
У подножья шестидесяти гор,
На берегу семидесяти озер,
Во дворце шестидесятиугольном
С женою Ары-Кундюк
Жил Ак-Кан,
На белом коне едущий.
Шестьдесят ханов алтайских
Он покорил,
Семьдесят богатырей прославленных
Своими слугами сделал.
Народ вокруг его стойбища

Тесно живет,
Скот на его пастбищах
Не вмещается.
Дворец Ак-Кана шестидесятиугольный
В день не об'едешь.
От бронзовых коновязей
Шестьдесят стремянных не отходят,
У порога
Семьдесят слуг толпятся.
Возле дворца
Дерево медно-желтое высится,
На его семидесяти семи сучьях
Тучи, как птичьи гнезда,
На вершине его
Вещая кукушка сидит
Величиной с лошадиную голову,
Шестьюдесятью голосами
День и ночь кукушка кукует.

2

Однажды Ак-Кан
По шестидесяти ступеням
С трона на землю спустился,
Правой рукой
Лунно-светлую саблю схватил,
Левой рукой
Железную дверь распахнул.
Пронзительно свистнул —
Скалы вокруг потрескались,
Ядовито-горько закричал —
Вода в озерах вскипела:
«Эй, вы, шестьдесят ханов,
На Алтае живущие!
Быстрее стрелы пущенной,
Быстрее слова произнесенного

К дворцу моему собирайтесь!»
Глаза у Ак-Кана,
Как пропасти, потемнели,
Брови, как тучи, стали.
Как гора,
Посреди стойбища
Ак-Кан грозный стоит.
От крика его
В горах еще эхо не смолкло —
Шестьдесят ханов алтайских
У дворца появились,
Коней к бронзовым коновязям
Привязывают,
От страха руки трясутся.
Шапки богатые скинули,
На колени повалились.
Семьдесят богатырей подбежали,
Ханов с земли подняли,
К Ак-Кану подвели.
Шестьдесят ханов алтайских,
В один голос заговорили:
«Мирно живущий Ак-Кан,
Не волки ли злые напали
На ваш скот белый?!Не полчища ли врагов иноземных
На ваше стойбище идут?»
«Волчи стаи жадные
На мой белый скот не напали,
К стойбищу моему с кровавой войной
Враги сунуться не посмеют, —
Гордо Ак-Кан им ответил,
Громче прежнего закричал:
— Вон на дереве медно-желтом
Кукушка сидит.
Всего-то с конскую голову,
А мне покоя не дает.

И днем и ночью
Песню скучную напевает.
Уши мои чуткие
Слушать ее отказываются,
Голос ее противный,
Как яд, в тело мое впитался,
Сна я лишился,
Пища невкусной стала!..
Эй, шестьдесят ханов алтайских,
Семьдесят богатырей прославленных!
В народе найдите
Тридцать девушек-песенниц,
Красивых и звонкогорлых,
Тридцать юношей-топшуристов
Самых искусных,
К моему дворцу пригоните,
Пусть ночью и днем играют,
Чтоб я кукушку не слышал,
Чтобы под пенью заснул.
Эй, шестьдесят ханов,
Семьдесят богатырей покорных!
В народе силачей найдите
Самых сильных среди могучих,
Самых бедных среди неимущих,
У дверей моих
На охрану поставьте!»
Так Ак-Кан приказал.
Саблей лунно-синею
Тучу надвое разрубил,
Кровью глаза налились.
Голос его еще не умолк —
Ханы с земли вскочили,
На седла, как птицы, взлетели,
Коней на дыбы подняли,
В разные стороны кинулись,
Пыль до неба взвилась.

Через тридцать дней
 Хань вернулись.
 Тридцать девушек-песенниц
 Самых красивых, самых звонкоголосых
 На ханское стойбище привели,
 Тридцать ночей по Алтаю ездили,
 Самых искусных
 Тридцать юношей-топшуристов нашли,
 К дворцу Ак-Кана пригнали,
 Шесть раз
 По Алтаю проехали,
 Самых бедных среди бедняков,
 Самых сильных среди силачей
 Двух братьев нашли.
 Старший брат — Нааспай,
 На коне булано-яблочном ездящий,
 Алтын-Эргек — младший брат,
 На соловом коне ездящий,
 К дворцу Ак-Кана явились.
 Песенницы Ак-Кану
 Сразу понравились,
 Юноши-топшуристы
 По нраву пришлись.
 Нааспая, старшего брата,
 Чьи годы уже преклонные,
 Чьи кости крепкие ослабели,
 Ак-Кан от дворца гонит.
 Алтын-Эргеку велел
 Коня расседлать,
 У дверей с копьём встать.
 Алтын-Эргек силач,
 На соловом коне ездящий,
 Так сказал:
 «У меня с братом

Для смерти одна душа,
В жизни печаль и радость
Меж нами не разделяются, —
От брата моего Нааспая
Не отстану,
Лучше сейчас от стрелы умереть,
Лучше от сабли острой погибнуть,
Чем около белого дворца
Рабом быть!»
Горько Алтын-Эргек заплакал,
С коня не сходил,
От брата не отделялся.
Шестьдесят ханов алтайских,
На Алтын-Эргека накинулись,
С коня силача стащили,
Железные кандалы надели,
В руки ему копье сунули,
К порогу дворца приковали.
Коня его бело-солового
Цепью тройной стреножили,
Подальше от хозяина увели.
Грозный Ак-Кан развеселился,
Пир для ханов устроил.
На коврах расшитых
Гости расселись,
Арака хмельная
Рекой лилась,
На столах золоченых
Горы мяса жареного дымились.
Тридцать юношей-топшуристов
По струнам топшуров ударили,
На икили играть начали,
Тридцать девушек-песенниц
Песни запели,
Ак-Кан и гости его заслушались,
Про угощенье забыли,

Лучей восходящего солнца не видели,
Ночной темноты не замечали,
Шесть дней и ночей слушали.
Кости гостей разомлели,
Сердца, как сало, растаяли,
Еще слушать хочется.
Лишь на девятый день
Струны и голоса смолкли.
Шестьдесят ханов очнулись,
Все угощенье съели,
Араку крепкую выпили,
На свои стойбища ускакали.
Ак-Кан опьяневший
На правый бок повалился,
На весь Алтай захрапел,
Крепко заснул.

4

Алтын-Эргек, в цепи закованный,
У порога ханского сидит,
День и ночь не умолкая,
Песни унылые поет,
О вольной жизни тоскует,
Коня своего солового
Из дальней долины призывает,
Любимого старшего брата
Нааспая-богатыря
Откликнуться просит.
Громкой своей песней
Алтын-Эргек богатырь
Ак-Кана грозного разбудил.
С девятигранной плеткой
В левой руке,
С лунно-стальной саблей
В правой руке

Ак-Кан с постели поднялся,
На Алтын-Эргека накинулся,
Спину силача
До позвоночника плеткой исхлестал,
Бока богатырские
До ребер саблей изрезал,
Глаза Алтын-Эргеку заплевал,
Ядовито ругался:
«Кукушку теперь не слышу —
Другой злодей отыскался,
С постели меня поднял,
Языком поганым
Покоя мне не дает!»
Алтын-Эргек богатырь
Грозного Ак-Кана упрощивает:
«Цепи, Ак-Кан всеильный,
Вели с меня, бедного, снять,
К брату моему Нааспаю
Снова позволь вернуться,
Коня моего солового,
Несправедливо взятого,
Возврати,
На вольный Алтай из неволи
Меня, невинно закованного,
Отпусти!»
Так под ударами плети
Алтын-Эргек говорил.
Ак-Кан ещё больше сердится,
Над Алтын-Эргеком
Еще злей издевается.
Дни и месяцы тянутся,
На помощь Алтын-Эргеку
Брат могучий не идет,
На голос Алтын-Эргека
Никто в горах не откликается,
Ноги и руки ему

Цепи передают,
Лицо румяно-красивое
Ржавчиною покрылось.
Конь Алтын-Эргека соловый
В мертвой долине чахнет,
Шерсть золотая вылезла,
Железные путы
До костей кожу и мясо стерли,
Зверки земляные по норкам
Гриву его растаскивают,
Кровью и гноем из многих ран
Кроты и крысы питаются.

5

Когда шестьдесят ханов
Алтын-Эргека в тяжелую цепь заковали
На муку вечную обрекли, —
Брат его, старик Нааспай,
На коне булано-яблочном ездящий,
Печально домой вернулся,
Аил свой покинуть решил.
Со старой своей женою
По имени Алтын-Тууди,
Из стада лучших быков выбрав,
В путь далекий пустился,
Через шесть бурных потоков
Нааспай с женой переправился,
Шесть вершин белоснежных
Со стадом перевалил.
В безлюдной тайге,
У черной горы,
На берегу молочно-белого моря
Шестиугольный аил построил,
Солнечным и лунным узором
Стены его украсил,

Бронзовую стосаженную
Коновязь поставил.
В небо коновязь упирается,
На семь сажен в землю уходит.
В аиле своем новом
С Алтын-Тууди старушкой
Спокойно Нааспай зажил,
Пищу охотою добывал.
Однажды старик Нааспай
Узду ременную взял,
Из аила вышел,
О бронзовую коновязь
Справа и слева ударил.
Буланый красавец конь
Вихрем примчался.
«В какие земли ехать,
Друг Нааспай, решил?
Долог ли путь наш будет?»
Так булано-яблочный конь,
Черной гривой потряхивая,
У Нааспая спрашивает.
«Годы мои на убыль пошли,
Кости крепкие ослабели,
Смерть с каждым днем все ближе —
На Алтае прекрасном
Хочу поохотиться,
Из рек светлоструйных напиться,
Под небом звездным
В жилище охотничьем
Хочу переночевать», —
Так Нааспай ответил.
Потник, как долина широкий,
На спину коня положил,
Седло, как солнце блестящее,
Сверх потника кладет.
Алтын-Тууди старушка,

Увидев это, спросила:
«Старый, любимый муж,
Зачем коня заседлал?
В какие земли ехать решил?
Лук и стрелы
Для чего взял?..»
«Казан, на углях кипящий,
Пусть до меня не стынет,
Я на охоту еду,
Постель нашу мягкую выхлопай,
Обо мне, супруга; не забывай...»
Так Нааспай отвечал,
Лук за плечи повесил,
Стрелы каленые в колчан положил.
Алтын-Тууди старушка
Горестно говорила:
«Как бы беды с тобой не случилось.
По горам осторожно ездь,
С коня падая, ноги не сломай,
От голоду не умри.
В одном очаге наш огонь горит,
В одном аиле жизнь прожили —
Твоя гибель
Моей смертью будет!..»
«Супруга моя дорогая, —
Так Нааспай ответил:
— О жизни моей стариковской
Напрасно не беспокойся!
Брата моего могучего,
Красавца Алтын-Эргека
Лучше пожалей.
Если в пути задержусь —
Девять лет меня дожидайся,
Если удача будет —
Через семь лет увидимся!»
Так Нааспай ответил

Алтын-Тууди супруге,
Вскочил на коня буланого,
В горы поехал.

6

Вокруг черной горы
Семь раз Нааспай объехал.
Парнокопытные звери
Нигде следов не оставили,
Луннокрылые птицы
Ни разу не пролетели.
Молочно-белое море
Семь раз Нааспай объехал,
Удочку медную семикрючковую
На дно морское забрасывал —
Ни одна рыба не клюнула.
Семь лет Нааспай проездил,
Горем сердце наполнилось.
Девять лет богатырь скитался,
Конь ни разу не просыхал.
Последнюю пищу из тороков
Давно Нааспай доел.
«Видно погибнуть придется! —
Так богатырь сказал.
— Горы островершинные
Зверка не хотят дать,
Леса молчаливые
Всех птиц от меня скрыли,
Морю молочно-белому
Рыбки маленькой жалко!»
Дальше Нааспай едет,
На ночлеги не останавливается,
Привалов дневных не делает,
Туда, где луна и солнце
От глаз скрываются,

Белой скалой он стоит,
Солнце на его вершине горит,
Бронзовые коновязи
В белые тучи вонзаются.
Алтын-Тууди с коня сошла,
Милого деверя,
Бедного Алтын-Эргека,
В цепи закованного,
Возле ханских дверей увидела,
Слова его жалобные услышала:
«Как мать родную,
Тебя, Алтын-Тууди,
С радостью вижу,
Перед смертью с тобой прощусь..
Где твой муж, Нааспай могучий,
Брат мой единокровный?
Выручать меня
Почему не приехал?»
Горными ручьями
Слезы побежали,
Лицо золотое
Чернее земли стало,
Как рябина, румяное —
Белее коры березовой.
Руки и ноги богатыря
Железной цепью изъедены,
Сквозь кровь и гной
Кости белеют.
Алтын-Тууди заплакала,
Ладонями в бедра себя ударила,
Тихо промолвила:
«Милый мой деверь,
Алтын-Эргек богатырь,
На старшего брата не обижайся:
Попал Нааспай,
В беду похуже твоей,

Жизнь его
Тоньше волоса!
Теспей-Кан,
На рыжем коне едущий,
За мужем моим гонится,
Нааспая хочет убить
За то, что он невзначай
Во владения хана заехал,
В его угодьях охотился».
Разговор их услышав,
Ак-Кан из белого дворца вышел,
На Алтын-Тууди
Грозно крикнул:
«Откуда эта старуха?
Зачем с рабом моим говорит?
Если ко мне с просьбой пришла,
Пусть во дворец войдет!»
Грозный Ак-Кан
В белый дворец вернулся.
Алтын-Тууди робко
У первых дверей остановилась,
В жаркий очаг
Можжевельник пахучий бросила,
На колени перед ханом встала,
Заплакала.
«Эй ты, старуха!
Скорей о деле рассказывай!
Если зря потревожила, —
С глаз моих уходи!»
Ак-Кан грянул сердито,
Гул по дворцу раскатился,
Серебряная посуда
Жалобно зазвенела.
Алтын-Тууди сказала:
«Кланяюсь вам до земли,
Хан все милостивый.

Голова моя в ваших руках...
Жизнью всего народа
Вы, наш хан, управляете.
Я, Алтын-Тууди старуха,
С жалобой к вам явилась:
Верного моего мужа,
Нааспая-старика моего,
Теспей-Кан рассерженный
Несправедливо убить хочет.
Крик Нааспая-супруга
Ядом сердце мое наполнил,
Слушая стоны его,
Еду и сон я забыла.
Шестьдесят ханов алтайских
Вы покорили,
Семьдесят богатырей прославленных
Своими слугами сделали,
Неужели, хан, не заступитесь
За бедного старика?
Неужели, хан всемогущий,
Старому Нааспаю
От молодого Теспей-Кана
Суждено смерть принять?
Ак-Кан великий, всесильный,
За старика заступитесь!
Рабой вашей вечно буду,
Обувь детям вашим шить буду,
Коров ваших доить буду,
Постель вашу застелю,
Подушку под голову подложу!»
Ак-Кан договорить ей не дал,
Над старушкою засмеялся:
«Если старик смерти ждал,
Если кости его ослабели,
Зачем на чужую землю заехал?
Видно, сам смерть искал!

Пусть не жалуется теперь,
О жизни радостной на земле
Пусть не мечтает!»
Ак-Кан грозный —
Как туча стал,
Глаза — как озера кровавые,
Брови — как берега лесистые,
На челюстях растущая борода
За плечи перекинута,
Из подбородка растущая борода
До колен спускается.
Алтын-Тууди испуганная
Снова заговорила:
«Умерших оживляющий,
Погасших зажечь умеющий,
Униженных поднимающий,
Злодеев карающий
Великий Ак-Кан,
Повелитель наш!
Если сами помочь не хотите,
Алтын-Эргека освободите,
Чтоб старшему своему брату
На помощь поехал!»
Так Алтын-Тууди
Ак-Кана грозного умоляет,
С коленей не подымается,
Косы седые рвет.
«Гоните эту старуху червивую!
Вон что она задумала,
Какую игру затеяла:
Сегодня раба у меня просит,
А завтра
Мою голову получить захочет?!»
Как железо, Ак-Кан загремел,
Как гром, грянул,
С постели шелковой

Девяносторядной встал,
С трона позолоченного
По девяти ступеням спустился.
Плетью девятигранной
На Алтын-Тууди замахнулся.
Быстрее девушки
Алтын-Тууди из дворца выбежала,
На коня вскочила,
Прочь от дворца поехала.
Горю ее в сердце тесно,
Слезы из глаз льются,
Луку седла омывают,
По гриве коня
Ручьями разбегаются.
«Дождешься, Ак-Кан кровавый:
Конь под седло золотое
Найдется,
Лучшие твои скакуны
Его не догонят;
Под моей шубой
Богатырь молодой вырастет,
В силе тебе, Ак-Кан,
Не уступит.
Время придет —
Гибель твою увижу!..»
Так Алтын-Тууди говорила,
По белым от ранних цветов долинам,
По синим от ярких цветов склонам,
Назад не оглядываясь, уехала,
Глубокие реки перебрела,
Высокие горы перевалила,
На девятый день
На стойбище возвратилась,
Снова голос супруга слышала.
Силач Нааспай обессилел,
Едва долетает голос,

Конь Нааспая буланый
Чуть слышно ржет, —
Видно, из сил выбился.
Алтын-Тууди, услышав
Слабый крик Нааспая,
Еле в аил вошла,
Колени ее подогнулись,
Без памяти на кошму упала.

8

Шесть дней и ночей
Алтын-Тууди пролежала,
Ни луны, ни солнца не видела.
Когда седьмой день наступил,
Алтын-Тууди в муках
Мальчика родила.
Из семи овчин пеленку сделала —
На семь сторон сын ее раскидал.
Из девяти овчин одеяло сшила —
В девяти местах ребенок его прорвал.
Два дня от рождения минуло —
«Мама!» — ребенок промолвил.
Шесть дней миновало —
«Отец!» — ребенок сказал.
На седьмой день
На ноги встал,
На девятый день
Лук и стрелы взял,
К черной горе
На охоту отправился.
По северным склонам пошел —
Шестьдесят зайцев
Шутя убил,
По солнечной стороне пройдя,
Одной стрелой

Пятьдесят зайцев убил,
Добычу Алтын-Тууди принес.
Алтын-Тууди обрадованная
На сына не наглядится,
По айлу расхаживает,
Сама с собой разговаривает:
«Айл, где мужчина появился,
Никогда не пустует,
Огонь в очаге не тухнет.
Есть с кем словом обмолвиться,
Если умру, есть кому похоронить!»
У Алтын-Тууди
Радость в груди не вмещается.
Рядом с солнцем
Второе солнце для нее засияло,
Рядом с луной
Другая луна взошла.
Однажды маленький сын
Пошел на черную гору,
На самую вершину ее поднялся,
У подножья черной горы
Жалобный крик услышал:
«Сына, мною вскормленного,
Нет у меня!..
Брат мой, в цепи закованный,
На выручку не придет!..
Конь мой буланый скоро
На гриву свою повалится,
Я, силач Нааспай,
Голову на рукав положу.
Есть ли в горах человек,
Чтоб голос горький услышать?
Есть ли друг на земле,
Который на помощь бы мне явился?..»
Мальчику этот голос,
Как иголка, сердце пронзил,

Как мороз, по телу скользнул,
На ресницах слезы сверкнули.
Мальчик в аил прибежал,
К матери обратился:
«У подножья черной горы
Голос жалобный слышал,
Не скажешь ли, кто кричит?»
«Сын мой золотой, —
Алтын-Тууди отвечает, —
Шестьдесят народов на Алтае жив,т,
Семьдесят народов
По всей земле обитают —
Всех людей не узнаешь.
Мне ли, старухе глухой, знать,
Чей голос у черной горы раздается?»
Алтын-Тууди старуха
Правду сказать не решается:
Неокрепший маленький сын
Теспей-Кану свирепому
На глаза попадется —
Вместе с отцом погибнет.
На черную гору снова
Маленький сын убежал,
Нааспая жалобный голос
Издалека доносится,
За сердце мальчика щиплет:
Что-то родное
Мальчик в нем чувствует.
«Видно, моя мать старая
Правду сказать не хочет.
Снова пойду, спрошу.
Хитростью правду выведаю»
Так мальчик решил,
К аилу спустился,
Дверь распахнул,
Звонко матери крикнул:

«Ой, мать родная!
По небу высокому
Стая гусей летит.
Нажарь скорее ячменных зерен,
В гусей ячемем стрелять буду!...»
Алтын-Тууди, мать заботливая,
Чугунный казан накалила,
Ячменных зерен нажарила,
Берестяным черпаком зачерпнула,
Ему протягивает.

«Ой, мать родная!
Зачем в черпаке подаешь?
Хочешь, чтоб я, как черпак,
Длинным и тонким был?»
Алтын-Тууди без слова
В чашку ячмень пересыпала,
Сыну маленькому подает.

«Ой, мать родная!
Зачем в чашку зерна насыпала?
Хочешь, чтоб сын твой
Круглым, как чашка, стал?»
Алтын-Тууди старушка
Горячий ячмень без слова
В ладонь свою пересыпала,
Сыну ласково подает.

А мальчик
Маленькими своими руками
Ладони матери сжал,
Крепко держит.
Зерно раскаленное
Руки матери жжет,
Алтын-Тууди сына упрашивает:
«Руки мои не жми,
Золотой сын!
Если в чем провинилась.
Старую мать прости.

Все, что тебе понравилось,
Подарю
Все, что узнать хочешь,
Расскажу...»
«У подножья черно-стальной горы
Кто о помощи просит?
Чей голос жалобный раздается?»
Маленький сын спрашивает,
Ладони матери сильнее жмет.
«Ой, сын золотой мой,
Все расскажу:
Жалобно там кричит
Отец твой, Нааспай-богатырь,
На буланом коне едущий.
Теспей-Кан знаменитый,
На рыжем коне едущий,
Отца твоего убить хочет.
Семь лет они вокруг горы кружатся,
Семь лет Теспей-Кан не может
Отца твоего догнать...»
Так Алтын-Тууди говорила,
Слезами заливалась.
Маленький сын ласковым стал,
Руки матери выпустил,
Глаза мальчика смелого,
Как утренние звезды, зажглись,
Брови, как радуга круглые,
Чернее тайги стали.
Сам он весь,
Как скала твердый, стал,
К черной горе кинулся.
Алтын-Тууди заплакала,
Косы серебряные распустила:
«Лучше бы сгорели мои ладони!
Зачем ребенку все рассказала?!
Нааспай-богатырь,

Метко стрелять умеющий,
Саблей острой владеющий,
С Теспей-Каном не справился.
Что же сделает с ним
Младенец еще не окрепший,
Маленьким луком вооруженный?!.
Лезвие сабли Теспея
Кровью его светлой окрасится,
На копье сердце его
Теспей-Кан подымет!..
Лучше бы ты не родился,
Света бы не увидел,
Сын непослушный!..»
Алтын-Тууди горевала,
На следы сына глядела,
Слезами ее
Следы сына наполнились.

9

Маленький богатырь
К черной горе пришел,
Вокруг поглядел.
У подножья черной горы
Тропа, как овраг,
Копытами конскими выбита,
Всадник вместе с конем
В ее глубине могут скрыться,
Черная пыль над тропой
Не рассеиваясь стоит,
Солнце закрыла,
Зеленый лес по бокам тропы
Черной пылью одет.
Снова издалека
Жалобный крик послышался:
«Алтай мой родной,

Прощай!
Супруга моя верная, Алтын-Тууди,
Прощай!
Конь мой буланный
Скоро на гриву повалится,
Я, Нааспай-богатырь,
На свой рукав голову положу!...»
Маленький сын-богатырь
Стоит, отца дожидается.
Вот конь буланный
Из-за горы появился,
Худой, как шкура,
На палку надетая,
Жалобно ржет.
С белой, как лебедь, головой,
С лицом, как земля, темным
На коне Нааспай сидит,
Поводья из рук выпустил.
Мимо сына с криком промчался.
На рыже-чубаром коне
Теспей-Кан появился,
Стальной саблей взмахнул,
До Нааспая не дотянулся,
Коню буланому
Круп надвое разрубил,
С черной злобою закричал:
«Старому Нааспаю
Прожить до завтра не дам,
Вместе с конем буланным
Врага ненавистного
В черную пыль втопчу!»
Мальчик, злодея увидев,
Навстречу выбежал,
Коня рыже-чубарого
За повод схватил,
В сторону потянул.

Рыже-чубарый конь
Сразмаху на бок упал,
Ноги всаднику придавил.
Теспей-Кан придавленный
Руганью захлебнулся:
«Кто поперек дороги встал,
Коня моего повалил?!»
Из-под коня вылез,
На ноги поднялся,
Как скала черная, вырос,
Саблей стальной замахнулся,
На малыша кинулся,
С ног его сбил.
Мальчик обеими руками
За ногу Теспей-Кана держится,
Как муравей, вцепился.
Теспей-Кан правой рукой
Младенца до неба поднял,
О черную гору ударил.
Малыш от удара
На десять сажений вырос,
Богатырем стал,
Теспей-Кана вокруг поясницы
Железной рукой обхватил —
Борьба богатырская началась.
У молодого богатыря
Спина, как горный хребет,
Не гнется,
Ноги могучего мальчика,
Как столбы железные,
Не подламываются.
С каждым часом сила удваивается.
С каждым днем богатырь растет.
Шесть лет богатыри боролись.
На седьмом году
Руки Теспей-Кана ослабли,

Ноги, как прутья, гнутся.
Богатырь семилетний
Выпрямился,
Теспей-Кана страшного
До белых вершин Алтая
На руках поднял,
В облаке белом выкупал,
О вершину черной горы ударил.
Теспей-Кан прославленный,
Как лиственничный сук,
Надвое разломился,
А крови и с ложку не вытекло,
От тела его
Ни кусочка не оторвалось;
Половина туловища с ногами
На земле стоит,
Другая половина с головой
Рядом, как гора, висится,
Во весь рот смеется,
Над молодым богатырем глумится,
Горловую песню затягивает:
«И-эх, ребенок глупый,
Хоть силы у тебя много,
Но душу мою не найдешь,
Жизнь мою не уничтожишь!..»
«Несмеющегося ты осмеял —
Душу твою все равно найду!
Незлого ты рассердил —
Голову твою все равно уничтожу!»
Так молодой богатырь крикнул,
У Теспей-Кана из рук
Черно-ядовитую саблю вырвал,
О черную скалу наточил,
До белого неба поднял,
Как молния, ею ударил,
Черная голова Теспей-Кана,

Как шапка, на воздух взлетела,
Острая сабля сразмаху
Половину черной горы снесла.
Второй раз молодой богатырь
Черную саблю поднял,
Шею коня рыже-чубарого,
Как нитку, перерубил.
Теспей-Кан кровожадный,
Конь его рыже-чубарый
От ядовитой сабли погибли,
Кровь, как озеро, разлилась,
Тела, как две черные горы, высятся.
Молодой богатырь
По глубокой тропе
Навстречу отцу двинулся.
Нааспай-богатырь на коне буланом
С головой, как крыло лебединое, белой,
С жалобным стоном
Из-за горы еле тащится.
Молодой богатырь тихонько
Повод коня берет,
Буланого коня останавливает.
Со слезами к нему
Нааспай оборачивается:
«Теспей-Кан могучий!
Рабом твоим быть согласен,
Табунам многочисленным
Пастухом буду,
Как баран головной,
Отары овец
По солонцам водить буду,
Кисет твой
Всегда табаком наполню,
В очаг твой
Березовых дров подкину, —
Красную кровь мою не проливай,

Остаток жизни прожить позволь!»
Глаза Нааспая старого
Черной пылью засыпаны,
Ум в голове седой помутился,
Сына своего старик,
Как Теспей-Кана, спрашивает,
На колени перед ним становится.
Богатырь молодой
Отца с земли поднимает,
Ласково говорит:
«Теспей-Кан кровожадный,
Конь его рыже-чубарый
В черной пыли лежат,
Бояться их нечего!
Отец, Нааспай могучий,
Неужели сына своего не узнаете?
Тридцать лет Алтын-Тууди,
Мать моя, жена ваша,
В утробе меня вынашивала,
В ваше отсутствие родила!»
Нааспай, ум потерявший,
Богатырю не верит,
Глазами, от пыли ослепшими,
Сына не узнает,
Как у Теспей-Кана
Пошады просит.
Молодой богатырь
Отца уговаривает,
На коня буланого садит,
Коня в поводу ведет.
На берег белого моря,
К подножью черной горы,
К аилу шестиугольному
Отца богатырь приводит.
Навстречу им из аила
Алтын-Тууди вышла,

С мужем своим Нааспаем,
С сыном своим могучим
За правую руку здороваётся,
В правую щеку целуется,
От радости плачет:
«Огонь, в очаге тлевший,
Снова ярко воспламенился;
Смерть свою близко видевшие,
Снова мы к жизни вернулись».
Долго старик Нааспай
Глазам своим потускневшим не верил.
Но вот лицо его
Посветлело,
Все, что случилось,
Он уразумел.
Сразу помолодел старик,
Все его морщины расправились,
Ноги крепкие в землю уперлись,
Сердце в груди не вмещается,
Ум, как птица, взлетает.
Коня буланого он расседлывает,
К белому морю ведёт,
Раны от сабли черной
Белой водой поливает.
У подножья черной горы
Можжевельника куст сорвал,
Буланого коня одымил,
Конь буланный красавец
Сразу поздоровел,
Раны кожей покрылись,
Новая шерсть выросла.
Сам Нааспай тоже
Белой водой обмылся,
Дымом можжевельника
Тело свое одымил.
К пище, что Алтын-Тууди приготовила,

Едва прикоснулся,
На бок медленно повалился,
Крепко уснул.

10

Сын молодой Нааспая
В аиле не посидит,
По горам ходит,
В долинах жизнь наблюдает.
Коня, чтобы заседлать,
Нигде не видит,
Одежды, чтобы тело прикрыть,
Нигде не находит.
Сердце обидой наполнилось.
К отцу и матери возвратился,
Сквозь слезы жгучие
Старикам сказал:
«Вскормивший меня отец,
Грудью меня вспоившая мать!
Обезьяна всегда шерстью покрыта,
Каждый человек имя имеет.
Почему же у меня имени нет?
Если я мужчиной рожден —
Где мой конь?
Где одежда,
Чтобы нагое тело прикрыть?
Для того ли я, несчастный, родился,
Чтобы вечно нагим оставаться,
Вечно пешком ходить?»
Долго отец и мать молчали,
Будто слов его не понимают,
Будто сына не любят.
Алтын-Тууди, наконец, ответила:
«В маленьком нашем табуне
Кобылица сивая ходит,

Девять лет ожеребиться не может.
Из всех кобылиц наших
Только она для тебя, богатыря,
Крылатого скакуна родить может.
Если она не ожеребится,
До смерти ходить пешком будешь.
Где богатырскую одежду найти —
Не знаю,
Помочь тебе не сумею».
Молодой богатырь
Слов матери не дослушал,
Шестидесятисаженный аркан схватил,
Вместо опояски перепоясался,
На пастбище радостно побежал.
Все табуны осмотрел —
Сивой кобылицы не увидел,
Только следы ее отыскал:
Девять дней назад кобылица
К черной горе ушла.
Молодой богатырь по следам
На черную гору поднялся,
Высокое дерево с золотой листвою
На вершине горы увидел;
У подножья его
На плите каменной
Сивая кобылица лежит,
Жеребенка рождает.
Коврово-чубарый жеребенок
Наполовину появился,
Передними копытцами о камень бьет,
Мелкий щебень из-под копыт брызжет.
Сын Нааспая обрадованный
Шестидесятисаженный аркан приготовил,
Поближе подкрался.
Скоро на белый камень
Весь жеребенок вышел,

Через мать дважды прыгнул.
Правый сосок матери пососал,
На солнце радостно поглядел.
Сын Нааспая сразмаху
Аркан шестидесятисаженный
На шею его накинул,
Что дальше было — совсем не помнит.
Через два года очнулся —
Глазам своим не поверил:
Жеребенок коврово-чубарый
В могучего коня вырос,
Взмыленный по горам скачет,
Сам он,
Сын Нааспая юный,
Взрослым мужчиной стал,
Плечи вровень с горой возвышаются.
Коврово-чубарый конь
Так к богатырю обращается:
«Меня два года назад
Зачем, богатырь, заарканил?
Силы мои неокрепшие
Зачем выматываешь?
Убить ли меня хочешь,
Жизнь ли радостную обещаешь?»
Молодой богатырь, имени не имеющий,
Так отвечает:
«Убивать тебя
Я не собираюсь;
Узнать у тебя хочу:
Крыльями мне будешь ли,
Другом вечным станешь ли?»
Коврово-чубарый конь
Этим словам обрадовался,
Сразу же согласился.
«Где же седло с потником взять?
Одежду, чтоб тело мое прикрыть,

Саблю, чтоб от врагов защищаться!» —
Сын Нааспая спрашивает.
Коврово-чубарый конь
К ближней скале подбежал,
Боком о камень ударился,
В горе щель появилась —
Палец можно просунуть.
Молодой богатырь разбежался,
Правой ногой ударил, —
Словно дверь, скала
Наполовину раскрылась.
Левой ногой
О скалу богатырь ударил —
Скала совсем отошла,
Пещера перед ним открылась.
Золотом, серебром украшена
Сбруя лежит,
Стрела медная девятигранная,
Лук железный с шелковой тетивой,
Ничью рукой не троганные,
На полу лежат.
Одежды шелковые и бархатные,
Ни на чье тело не надеванные,
Сапоги сафьяновые черные,
Ни на чьих ногах не бывавшие,
Хозяина ждут.
Сын Нааспая обрадовался,
Из пещеры богатства вытаскивает,
Коврово-чубарый конь
Хозяину говорит:
«Пока ты одежды наденешь,
Доспехи свои приладишь —
К матери сбегая,
Левый сосок высосу —
В десять раз силы прибавится!»
Коврово-чубарый конь

Быстро умчался,
На земле следов не оставил.
Сын Нааспая — силач молодой
В богатые одежды оделся,
Богатырем настоящим стал,
На передней луке седла
Грамоту мудрую увидел,
Только хотел прочитать —
Коврово-чубарый конь возвратился:
Ушами до неба достает,
Глаза, как огонь горят,
Из ноздрей бледное пламя пышет.
Потник, как долина широкий,
На спину коня богатырь кладет,
Седло, золотое как месяц,
На потник осторожно накладывает,
Девять подпруг затянул,
Жемчужной уздой,
Как солнце сверкающей,
Коврово-чубарого коня обуздал.
На передней луке седла написанную
Мудрую грамоту читает:
«Единственный сын Нааспая,
Алтын-Тууди сын любимый,
Затем ты родился,
Чтоб вечно не умирать,
Кровь твоя
Из ран не прольется,
Имя твое
Келер-Куш богатырь,
На коврово-чубаром коне едущий».
Отныне имя имеющий
Молодой богатырь обрадовался,
Брови дугой изогнулись,
Глаза засверкали,
Лицо зарумянилось,

Богатырский разум
Как сталь твердым стал.
Келер-Куш богатырь
Железный лук на плечо надел,
Девятигранную стрелу
В колчан положил,
Девятигранную плеть
В правую руку взял,
Десятисаженную саблю
На левый бок нацепил,
В бронзовое стремя ногу вдел,
Жемчугами украшенный повод взял,
Как птица, в седло взлетел,
К стойбищу отца поскакал.
Коврово-чубарый конь,
Траву зеленую не примяв,
Красивой иноходью летит.
Келер-Куш богатырь
Свирель из-за пазухи вынул,
К алым губам приложил,
Пальцами перебирая, заиграл.
Звери за ним побежали,
Птицы не отставая летят,
Деревья во след гнутся —
Келер-Куша богатыря;
На коврово-чубаром коне едущего,
Весь Алтай слушает.
К родному аилу подъехал —
Отец и мать старые
От удивленья ума лишились,
Трубки в зубах трясутся,
В руках чашки прыгают.
«Какой богатырь приехал,
С добром ли, с худом ли
К нам явился?»
Старики друг другу тихонько шепчут,

Сына не узнают.
Келер-Куш богатырь
Весело рассмеялся,
В морщинистые губы
Отца и мать поцеловал —
Только тогда сына узнали.
«Отец мой Нааспай-богатырь,
Мать моя Алтын-Тууди,
Может, кто-нибудь вас обидел?
Коня расседлывать не буду,
К пище губами не притронусь,
Поеду обидчика отыскивать,
Как сумею, за вас отомщу!»
Так Келер-Куш богатырь сказал.
С коня коврово-чубарого не сходя,
Родителей обо всем расспрашивал.
Нааспай-старик
Сыну своему единственному
Так сказал:
«Шестьдесят ханов покоривший,
На Алтае прославленный,
На белом коне ездящий
Ак-Қан
Брата моего единственного
Алтын-Эргека богатыря,
На соловом коне ездящего,
У порога дворца белого
Как собаку на цепи держит,
Железными щипцами
Тело его рвет.
Ак-Қан кровожадный
Крови не имеет,
Чтоб от стыда краснеть,
Души не имеет,
Чтоб умереть —
Как с таким справиться?!»

Келер-Куш богатырь
Отца не дослушал,
На стойбище Ак-Кана
Быстрее ветра помчался.
Белая пыль
От земли до неба взвилась,
Тучи белые
На землю опустились.
Днем без отдыха,
Ночью без сна
Келер-Куш богатырь
Не останавливаясь едет.
Вот к стойбищу Ак-Кана приблизился.
Коврово-чубарый конь
На полном скаку встал,
Богатырю сказал:
«Ак-Кан прославленный,
На белом коне едущий,
От сабли твоей не умрет,
Застрелить его —
Стрел у нас мало,
Бороться с ним —
Силы не хватит:
Шестьдесят ханов за него встанут,
Семьдесят богатырей заступятся.
Хитростью надо взять,
Ловкостью надо победить!»
Келер-Куш богатырь
Коню так ответил:
«Мудрый ум — твоя сила,
Меткие стрелы — мое средство.
Свой совет дай мне.
Силы не пожалею,
Цели добьюсь!»
Коврово-чубарый конь
Так сказал:

«В серую муху ты превратись,
Во дворец Ак-Кана проникни.
Как только Ак-Кан уснет,
Из правой его ноздри
Змея двухглавая выползет,
На лбу у него уляжется.
Чуть пониже голов змеиных
Надо стрелу направить.
Если стрела твоя метко бьет —
За нами победа будет.
Если мимо она пролетит —
От руки Ак-Кана погибнем».
Коврово-чубарый конь
На землю лег, покатался —
В белую звезду превратился,
На дно неба звезда поднялась.
Келер-Куш богатырь
В траву лег, покатался —
В серую муху превратился,
Прозрачными крыльями зажуужал,
Ко дворцу Ак-Кана полетел.

11

В полдень, после еды сытной,
Ак-Кан из белого дворца вышел,
Долиноподобной ладонью
Широкую грудь погладил.
На остров, где спальня дворца стоит,
Ак-Кана слуги ведут,
Полы шелковой шубы его
Над зеленой травой колышутся.
Келер-Куш в виде серой мухи
На подол его шубы сел,
Во дворец вместе с ним проник.
Ак-Кан на шелковую постель лег,

Сразу же захрапел.
Из правой ноздри Ак-Кана
Двухглавая черная змея выползла,
На лбу Ак-Кана свернулась,
Две головы с золотыми глазами
Во все стороны покачиваются.
Келер-Куш богатырь
Железный лук натянул,
Стрелу живую пустил,
У черной змеи две головы
В разные стороны отлетели.
Ак-Кан со страшным криком поднялся,
Железный пол под ним провалился,
Мертвым Ак-Кан упал;
Молочно-белый конь его
Около бронзовой коновязи
Сразу подох.
Келер-Куш из дворца вышел.
С неба звезда упала,
В коврово-чубарого коня превратилась,
Радостно конь заржал.
Келер-Куш на коня сел,
К большому дворцу подъехал,
Алтын-Эргека увидел,
Племянником его назвался.
Алтын-Эргек, в цепи закованный,
Увидев богатыря, сказал:
«Сын моего брата,
Нааспая могучего,
Племянник мой дорогой,
По лицу тебя узнаю!
До конца жизни с тобой не расстанусь!
Если умрем —
Тела наши
В одном месте будут лежать,
Если жить будем —

Радость и горе
Пополам делить будем!»
Не успел Алтын-Эргек
Вперед поглядеть,
Назад оглянуться,
Келер-Куш богатырь
Железные цепи его разорвал,
В глубь земли бросил.
Коврово-чубарый конь
Из белого моря воды принес,
С черной горы
Куст можжевельника притащил,
Белой водой
Раны Алтын-Эргека обмыли,
Дымом можжевельника
Тело его одымили —
Как прежде молодым и могучим
Алтын-Эргек стал.
Бело-солового коня
От тройных пут освободили,
Раны его залечили;
В два раза сильнее,
В десять раз красивее прежнего
Бело-соловый конь стал.
На коней богатыри сядутся,
Стальные сабли вынули,
О черные скалы наострили,
Сопrotивлявшихся слуг Ак-Кана,
Как траву, скашивать начали.
Кто умирать не хотел,
В плен Келер-Кушу сдался.
Стойбище Ак-Кана прославленного
Три дня жгли,
В пепел превратили.
Супругу Ак-Кана,
Ары-Кундюк желтолицую,

На шесть частей разрубили,
Через шесть гор забросили,
Чтоб потомства Ак-Кана
Не было,
Чтоб ханский род
Навсегда кончился.
Весть о смерти Ак-Кана
По всему Алтаю разнеслась.
Народы, живущие на Алтае,
Обрадовались,
Келер-Куша богатыря,
На коврово-чубаром коне едзящего,
Везде прославляют.
Тридцать девушек-песенниц,
Келер-Кушем освобожденные,
По своим айлам разошлись;
Тридцать юношей-топшуристов
По своим стойбищам разъехались,
Имя Келер-Куша
В песнях прославили.
Келер-Куш богатырь
Свободный народ Алтая
За собой повел;
Там, где дрова и вода близко,
Аилы для всех построил;
Стада, Ак-Кану принадлежавшие,
Между всеми разделил;
Там, где травы сочные,
Солонцы богатые,
Пастбища указал;
Прощаясь с людьми,
Так говорил:
«Вы, как деревья в тайге, многочисленные,
Между собою
Дружно живите,
Вы, все честные, работающие люди,

Хорошими хозяевами богатств будьте!»
С народом Келер-Куш распростился,
Вместе с дядей Алтын-Эргеком
К отцу и матери
Домой поехал.
От топота их коней
Горы поколебались,
Моря из берегов вышли,
Под землей гром загудел.

12

Племянник с дядей быстро
К стойбищу Нааспая подъехали.
Нааспай-отец богатырь,
Алтын-Тууди старая
С радостью их встретили,
Самую вкусную пищу
На берестяных листах разложили,
Молоко самое жирное
В деревянных чашках подносят.
«Рукава шубы моей,
Которые под голову кладу,
Совсем износились!
Полы шубы моей,
Которые под бока стелю,
Совсем истрепались.
Чтоб постоянно подушка была,
Чтоб всегда постель была,
Хочу подругу себе найти!»
Так Келер-Куш богатырь,
Ездящий на коврово-чубаром коне,
Родителям своим сказал,
Ответа их ждет.
«Золотой наш сын,
Единственный сын,

Всегда правду говоришь.
Раз мужчиной родился,
Должен супругу иметь,
Достойную себе невесту
В народе найти!»
Так отец и мать ответили,
Еще больше обрадовались.
Келер-Куш богатырь,
Подумав, сказал:
«Алтын-Эргек, дядя мой,
Ездящий на бело-соловом коне!
Хоть и немного скота у нас,
От волков стадо оберегай,
Старых моих отца и мать
От врагов охраняй.
Если в пути задержусь,
Через девять лет вернусь,
Если удача мне будет,
Через семь лет к вам приеду,
Молодую жену привезу.
Удачи мне пожелайте».
Келер-Куш богатырь
Долиноподобную ладонь
Родителям и дяде подал,
Из аила вышел,
На коврово-чубарого коня сел,
На восток коня повернул,
Как ремень сыромятный,
В седле вытянулся,
Как жила, тугой стал,
С места птицей взлетел.

13

Коврово-чубарый конь
Без отдыха мчится,
Богатырь Келер-Куш

137

Без сна день и ночь едет,
Моря застывающие переезжает,
Горы снежные переваливает.
На вершину белой горы въехал,
Из сумки мудрую грамоту достал,
Поближе к солнцу поднял.
Вот что в грамоте сказано:
«Ездящий на коврово-чубаром коне
Келер-Куш богатырь!
Не легко свою невесту найдешь:
Дальше того места,
Где земля и небо слились,
С братьями — семью богатырями,
Которые семи горам молятся,
Воду из семи морей пьют,
С отцом своим Эркин-Тош-Каном,
На сине-сером коне ездящим,
Темене-Коо красавица,
Невеста твоя, живет.
Келер-Куш богатырь
Для нее создан,
Темене-Коо девица
Для него рождена,
Три года назад
Свадьба должна быть,
Три года
Темене-Коо не спит,
Три года не ест,
Келер-Куша ждет.
Отец ее Эркин-Тош-Кан
Силой замуж ее выдает:
Племянник Эрлик-Бия,
Кобон-Эркеш богатырь,
На темно-сером коне ездящий,
Темене-Коо высватал.
Три года до свадьбы осталось.

Если Келер-Куш не подоспеет,
Темене-Коо потеряет,
Кобон-Эркешу женой она будет».
С горьким ядом Келер-Куш закричал,
Пронзительно свистнул,
Чубарого коня, плети не знавшего,
Изо всей силы ударил,
Золотые поводья дернул,
Как вихрь, помчался,
Ничего не видя, как ветер, летел.
Когда солнце плечо обжигало,
Догадывался, что лето наступило;
Когда снег за ворот сыпался,
Знал, что зима пришла.
Два года без отдыха ехал,
Туда, где земля и небо слились,
Прискакал.
Красавец коврово-чубарый конь
Гриву по земле расстелил,
Келер-Куш богатырь
На колени опустился,
У земли и неба
Дорогу просить стал.
Земля и небо разошлись,
Келер-Куш богатырь
Две железные горы принес,
Между землей и небом,
Как стойки, поставил,
Сам, как муха,
В щель между землей и небом
На коне пролетел,
Такие же, как на своем стойбище,
Землю и небо увидел,
Такие же, как на Алтае, горы,
Такие же, как на Алтае, леса.
Вслед за Келер-Кушем богатырем

Луннокрылые птицы полетели,
По его следам
Парнокопытные звери прошли,
Богатыря прославляют.
Коврово-чубарый счастливец конь
Гривой потряхивает,
От радости ржет.
Келер-Куш богатырь
На свирели играет,
Песни поет.
На черную гору Келер-Куш поднялся,
Кругом поглядел,
На расстоянии месячной езды
Синюю гору увидел.
В небе вершина ее скрылась,
У подножья горы,
Как тайга, народ многочисленный,
Многочисленные кони стоят,
Дыхание людей,
Как туман, подымается,
Лица людей —
Как желтая заря.
Келер-Куш богатырь
Только тут понял:
Не синяя гора там,
А дворец многоугольный
Эркин-Тош-Кана,
Отца Темене-Коо.
Народ многочисленный
На свадьбу собрался,
Темене-Коо красавицу
За Кобон-Эркеша выдают.
Через три дня
Темене-Коо красавицу
Кобон-Эркеш богатырь
Под землю уведет.

Сердце Келер-Куша
Горячей кровью наполнилось.
«Как нам Темене-Коо спасти,
Какой выход придумать?»
Келер-Куш богатырь
Другу чубарому говорит.
«Я в звезду Чолмон превращусь,
В серого сокола ты превратись,
На остров среди семи морей полети.
Во дворец, у которого семь стен,
Семь дверей,
Через дымоход проберись.
С Темене-Коо увидишься,
С нею вместе
Мудрый выход найдешь!»
Так коврово-чубарый конь отвечал,
По земле покатался,
В звезду Чолмон превратился,
На дно неба взлетел.
Келер-Куш богатырь
Серым соколом обернулся,
Величиной с лошадиную голову стал;
Лунными крыльями просвистев,
Выше туч поднялся,
Ко дворцу Эркин-Тош-Кана,
Как стрела, полетел.
Когда вечер настал,
К синему дворцу сокол приблизился,
Возле дымохода сел.
Мать Темене-Коо,
Супруга Эркин-Тош-Кана,
У порога сидит, плачет:
«Для дочери моей единственной
На лунном и солнечном Алтае
Неужели жениха не нашлось?
Подземные хищники

Дочь мою единственную
Силой мечей берут,
Под землю на муку уводят!...»
А вокруг дворца Эркин-Тош-Кана
Богатый пир начался.
В чашах, озерам подобных,
Арака хмельная;
На столах, как долины широких,
Горы мяса дымятся.
Народ, богатой едой согретый,
Как пчельник, разговаривая, гудит,
У кого язык легкий,
В спорах те состязаются,
У кого силы много,
В борьбе состязаются.
Наш серый сокол
Все оглядел, послушал,
На остров, семью моря окруженный.
Полетел.
На острове дворец семистенный,
Как белая скала, стоит,
В нем Темене-Коо живет.
Серый сокол у дымохода сел,
Дымоход кошмою закрыт,
Пути во дворец не видно.
Когда солнце зашло,
Келер-Куш выход нашел:
На землю слетел,
В сухой лошадиный помет превратился,
На бугорке полежал,
Вниз покатился.
К золотому дереву привязанный,
Бело-соловый конь Темене-Коо
Катившийся помет увидел,
Испугался,
Золотой повод порвал,

В черный лес кинулся.
Темене-Коо красавица
Из дворца выбежала,
На коня закричала:
«Необъезженный, почему не стоишь?
Видно, ум потерял,
Видно, кровь не спокойна,
Своего сухого помета пугаешься...
Беду ли мне накликаешь,
Счастье ль мое почувял?»
Так Темене-Коо говорила,
Бусы из шестидесяти алмазов
На ладонях пересыпала.
Бело-солового коня
К золотому дереву привязала,
В белый дворец пошла.
Келер-Куш богатырь
В зеленую травинку превратился,
К подолу шелковой шубы Темене-Коо
Незаметно пристал,
Через шесть дверей проник,
О седьмую дверь ударился —
Золотой мухой обернулся,
По белому дворцу полетел,
Золотыми крылышками зазвенел.
Темене-Коо красавица
Золотую муху увидела,
Удивляясь, сказала:
«Через семь дверей дворца моего
Ни мухи, ни бабочки не пролетают.
Откуда эта взялась?
Не радость ли мне принесла?
Не злой ли дух прилетел?»
Луннообразную мудрую грамоту
Из золотого сундука
Темене-Коо достала,

Шесть лунных страниц перевернула,
Семь солнечных страниц
Перелистывает.
Вот что в грамоте сказано:
«Единственный сын Нааспая
Келер-Куш богатырь,
Ездящий на коврово-чубаром коне,
От роду женихом Темене-Коо
Предназначен,
В один день
В утробах матерей
Келер-Куш и Темене-Коо зачаты,
У одного очага
Должны они жить,
Одна постель для них постлана.
Жених Темене-Коо,
Келер-Куш богатырь,
Золотой мухой к невесте явится. »
Красавица Темене-Коо
К золотой мухе летающей
Руки протянула,
Слезы по щекам румяным
Из черных глаз покатались.
Нежным голосом
Темене-Коо просит:
«Солнце мое — Келер-Куш,
Глазам моим покажись,
Руку мне протяни!»
Золотая муха тотчас
О бронзовый пол ударилась —
От полу до потолка
Красавец могучий
Келер-Куш молодой
Во весь рост поднялся,
Правой рукой поздоровался,
Левой рукой Темене-Коо обнял.

«Золотой мой Келер-Куш,
Почему ты поздно явился?
Подземный Эрлик-Бий
Родителей моих запугал,
За проклятого Кобон-Эркеша,
Племянника Эрлик-Бия,
Меня они просватали.
Через два дня
Из-под земли к моему очагу
Тридцатиголовый желтый змей выйдет,
Меня живую проглотит,
В подземное царство утащит.
Неужели, мой Келер-Куш,
Подземным духам меня отдашь,
От злого Эрлик-Бия
Меня не спасешь?»
Девушка Темене-Коо
Так Келер-Кушу сказала,
Горько заплакала.
«Солнышко мое Темене-Коо!
Ничего не бойся,
Выход какой-нибудь найдем,
С Эрлик-Бием кровожадным
Справимся!»
Келер-Куш невесте так говорит,
Темене-Коо успокаивает,
Золотые ее волосы гладит,
О деле думает.
Темене-Коо отвечает:
«Пока чай на очаге вскипает,
На солнечно-лунном Алтае
С тобой проживу,
Пока за моим золотым столом сядишь,
На тебя нагляжусь!»
Келер-Куша она угощает,
Глаз с богатыря не сводит.

За столом его усадив,
Сквозь ресницы влажные
На лицо его смотрит.
Келер-Куш богатырь
Всякой пищи попробовал,
За работу принялся.
Черно-стальной саблей
Яму шестидесятисаженную
Посреди дворца выкопал,
Красавицу Темене-Коо
В бобровое одеяло закутал,
В яму спустил,
Разговаривать не велел.
Около порога дворца сел,
Черно-стальную саблю
В правой руке сжал,
Тридцатиголового змея ждет.
Когда ночь пришла,
Под землей гром загудел,
Белый дворец задрожал.
У западной стороны очага
Тридцатиголовый змей появился,
До потолка поднялся,
Темене-Коо ищет.
Келер-Куш богатырь,
Крышу дворца рассекая,
Черно-стальной саблей взмахнул.
Тридцать голов змея
В тридцати местах упали,
Как свинец тяжелое туловище
Под землю провалилось.
Келер-Куш богатырь
Тридцать голов под землю сбросал,
Из шестидесятисаженной ямы
Темене-Коо вышла, —
Как будто рядом с солнцем

Другое солнце зажглось,
Как будто рядом с луной
Вторая луна засияла.
В богатые одежды
Темене-Коо оделась,
Жемчуг и золото собрала,
Из семистенного дворца вышла,
Бело-солового коня заседлала,
Келер-Куш богатырь
Свистнул, —
Со дна неба звезда Чолмон
К ногам его скатилась,
Коврово-чубарым конем стала.
Келер-Куш и Темене-Коо
К стойбищу Нааспая
Быстрее вихря полетели.
Где стояли — следы остались,
Где проехали — следов нет.

Эрлик-Бий — сват почетный —
Со своим племянником Кобон-Эркешем
Во дворце Эркин-Тош-Кана ночевал.
Чуть рассвело —
Оба с постели поднялись,
С Эркин-Тош-Каном простились,
На коней сели,
К подземному стойбищу Эрлик-Бия
Направились.
«Темене-Коо красавицу
Тридцатиголовый змей
На наше стойбище притащил», —
Каждый из них так думает,
К подземному стойбищу
Оба торопятся.

Ездящий на коврово-чубаром коне
 Келер-Куш богатырь,
 Ездящая на бело-соловом коне
 Темене-Коо красавица
 К стойбищу Нааспая подъехали,
 С отцом и матерью,
 С дядей Алтын-Эргеком
 Радостно встретились.
 Келер-Куш богатырь
 С дядей Алтын-Эргеком
 О шестидесяти двух углах
 Бронзовый дворец построили,
 Бронзовую коновязь вбили,
 С шестьюдесятью ножками
 Золотую кровать сделали,
 Солнечным и лунным узором
 украшенный
 Шелковый занавес натянули,
 Над очагом
 Трехножный железный
 Таган поставили.
 Келер-Куш богатырь
 К великому тою готовится,
 Народ созывает:
 К далеко живущим народам
 Конные гонцы поскакали,
 На ближние стойбища
 Пешие разошлись.
 В чашах, как море, глубоких,
 Арака приготовлена,
 Горы мяса наварены.
 Не успели люди собраться,
 Коврово-чубарый конь,
 К бронзовой коновязи привязанный,

Тревожно заржал,
Передним копытом о землю ударил.
Келер-Куш богатырь
К коню подбежал,
Так спросил:
«Крыло мое быстрое,
Коврово-чубарый друг,
Что почуял?
Не смерть ли к нам приближается?
Или счастье новое видишь?»
«Смерти нашей не чую,
Счастливой жизни не вижу!
Сватавший Темене-Коо девицу
Кобон-Эркеш богатырь,
Ездящий на сине-сером коне,
Впереди войска Эрлик-Бия
В поход двинулся,
К стойбищу твоего тестя
Эркин-Тош-Кана
Подходит,
Если Эркин-Тош-Кана победит,
На нас войной двинется!»
Так коврово-чубарый конь
Келер-Кушу ответил.
Келер-Куш богатырь
Железные доспехи надевает,
Лук и стрелы берет.
«Народ пусть не собирается,
Той веселый не начинает,
На своих стойбищах
Пусть остается!»
С таким приказанием
Келер-Куш гонцов посылает,
Сам на друга-коня садится,
Темене-Коо молодая
Келер-Куша целует,

Слова напутственные говорит,
Келер-Куш со всеми простился,
Быстрее вихря поехал, —
Ветер в горах подул,
Туманы вниз опустились,
Пыль вверх поднялась.
Темене-Коо красавица
Долго вслед жениху смотрела,
Слезы на ресницах сверкали.
Увидев это, Алтын-Эргек
Дома оставаться не хочет,
Бело-солового коня седлает,
Доспехи железные надевает,
Лук и стрелы берет,
По следам племянника,
Келер-Куша богатыря,
Как стрела выпущенная,
Как ветер сильный,
На бело-соловом коне мчится.

15

Келер-Куш богатырь без сна,
Коврово-чубарый конь без выстойки
День и ночь летели.
Через глубокие моря,
Хвостом воды не задевая,
Конь перемахивал,
Через горы высокие,
Копытом вершин не задев,
Перескакивал.
К стойбищу Эркин-Тош-Кана
Келер-Куш подъезжает,
К тестю так обращается:
«Эрлик-Бию ли покоришься, —
Под землю живущему?
Зятю ли Келер-Кушу,

На лунном Алтае живущему,
Поможешь?
Сразу правду скажи,
Темных дум
На сердце не утаивай!»
«Эрлик-Бий, под землей живущий,
Людей живыми пожирает,
Детей сиротами оставляет.
Зачем Эрлик-Бию покоряться стану?
Милый мой зять,
На солнечно-лунном Алтае живущий,
От тебя спасения жду,
Только тебе, дорогой,
Помогать буду!»
Так Эркин-Тош-Кан
Келер-Кушу ответил,
Коня заседлал,
Железные доспехи надел,
С зятем своим Келер-Кушем
Навстречу Кобон-Эркешу помчался.
Алтын-Эргек богатырь,
На соловом коне ездящий,
По дороге им встретился,
Втроем поскакали.
К пропасти темной
Быстро они приехали,
Оттуда, подобно туче,
Кобон-Эркеш вылез,
Войско свое выводит.
Пики,
Подобно черному лесу,
По ветру качаются,
Лезвия сабель,
Как лед на солнце, сверкают.
Дыхание лошадей,
Как туман, из земли поднимается,

Лица богатырей,
Как пламя, издалека видны.
Келер-Куш богатырь
С тестем Эркин-Тош-Каном,
С дядей Алтын-Эргеком
В бой кинулись,
От пыли солнце померкло,
Луна затмилась.
Коврово-чубарого коня
Келер-Куш на дыбы поднял,
Вперед кинулся —
Пятьдесят тысяч изрубил,
Назад обернулся —
Шестьдесят тысяч смял.
Эркин-Тош-Кан,
Ездящий на сине-сером коне,
Алтын-Эргек дядя,
На бело-соловом коне ездящий,
От Келер-Куша не отстают.
Сколько врагов ни рубят, —
На земле ни одного трупа нет,
Ни капли крови не видно,
Войско Кобон-Эркеша
Все прибывает,
Сам Кобон-Эркеш богатырь
В стороне стоит,
Над Келер-Кушем смеется.
Не сердившийся Келер-Куш
Тут обозлился,
Из правого колчана
Стрелу девятигранную выдернул,
Лук железный
На всю руку натянул,
В Кобон-Эркеша нацелился, —
Ниже левого соска
Стрела ему грудь пробила,

Сквозь рану
Солнечные лучи проникли,
Лунный свет прорвался.
Девятигранная кровавая стрела,
Не останавливаясь, дальше летит.
Черное войско валит,
Как огонь, жжет,
Как алмаз, режет.
Кровь рекой потекла,
Выше пояса людей затопила,
Коням до седел поднялась.
Алтын-Эргек богатырь
Саблей направо рубит,
Пикой налево колет,
Летящей стрелы не замечает.
Всего на волос от головы
Девятигранная стрела прогудела.
Все войско Кобон-Эркеша
На землю стрела повалила.
Келер-Куш богатырь
На коне коврово-чубаром
Еле ее догнал,
Налету схватил,
В колчан свой воткнул.
«Эй, Келер-Куш поганый,
Войско мое истребляющий,
Коней моих убивающий,
Ненавистный,
Теперь я с тобой поборюсь,
Я с тобой постреляюсь!»
Такие слова,
Как гром, из-под земли раздались,
Эрлик-Бий
Из пропасти показался,
Разными голосами закричал,
Ядовито-звонко засвистел.

Келер-Куш богатырь,
Как сокол,
На Эрлик-Бия кинулся,
За бороду, черному лесу подобную,
Правой рукой схватил,
Левой рукой с ближней горы
Куст шиповника вырвал,
Эрлик-Бия по щекам черным
Шиповником хлещет:
«Не сердившегося ты рассердил, —
Черное мясо твое измочалю!
Не трогавшего ты затронул, —
Бурую кровь из тебя выпущу!»
Эрлик-Бий
Шестьюдесятью голосами визжит,
До неба крик его подымается,
Под землей громом гудит,
Молодые деревья гнутся,
Моря из берегов вышли,
Вековые горы качаются,
Эрлик-Бий вырывается,
Вырваться не может.
«Непобедимый Келер-Куш богатырь!
Имя твое никогда не оскорблю,
Дорогу твою никогда не перейду!
На солнечно-лунном Алтае
Коврово-чубарый конь твой
Самый проворный,
На солнечно-лунном Алтае
Лучший ты богатырь, Келер-Куш!
Во всем тебе покоряюсь.
Кровь мою не проливай,
Шиповником меня не секи!..»
Так Эрлик-Бий подземный
У Келер-Куша богатыря
Пошады просит.

«Если хоть раз, Эрлик-Бий,
На землю вздумаешь выйти, —
Пощады моей не жди!
Если второй раз попадешься, —
Назад не уйдешь:
В бронзовый казан брошу,
На солнечном огне сварю,
Бороду всю вырву,
Все потомство твое уничтожу!»
Так Келер-Куш богатырь
Эрлик-Бию сказал,
Стрелу девятигранную
Лизать заставил,
Клятвенное обещание с него взял,
До неба за бороду поднял,
В черную пропасть бросил.
Эркин-Тош-Кан,
На сине-сером коне едущий,
Келер-Куша правой рукой обнял,
Такими словами его благодарил:
«От гибели приближавшейся
Спас ты меня, Келер-Куш,
Жизнь мою угасавшую
Снова разжег, милый зять!
В трех поколениях
Пусть сила твоя не иссякнет,
Шесть поколений
Пусть имя твое не забудут,
Шестьдесят ханов алтайских
Пусть перед тобой содрогаются!»
Эркин-Тош-Кан
С зятем Келер-Кушем прощается,
На свадьбу обещает приехать,
На свое стойбище уезжает.
Келер-Куш богатырь
На коврово-чубаром коне,

Алтын-Эргек дядя
На бело-соловом коне
К своему стойбищу едут,
К черной островершинной горе,
К молочно-белому морю скачут.
Коврово-чубарый конь
Правым ухом неба касается,
Грива и хвост на земле стелются.
Келер-Куш богатырь
Дудку бронзовую из сумки вынул,
Пальцами перебирая, заиграл, —
Все птицы солнечного Алтая
За ним полетели;
Звонким голосом песню запел, —
Все звери за ним побежали,
Деревья во след гнутся,
Горы уши к небу подняли.
Весь лунно-солнечный Алтай
Келер-Куша богатыря
Заслушался.

16

Темене-Коо красавица
Келер-Куша жениха ждет.
На черную гору поднялась,
На расстоянии месячной езды все видит.
Издалека Келер-Куша услышала,
Навстречу к нему кинулась,
Как птица до него долетела.
«Огонь моих глаз,
Кровь моего сердца,
Келер-Куш мой золотой!
Думала я, что ты не вернешься,
К смерти готовилась!»
Так Темене-Коо,

Келер-Куша целую,
Сказала,
Как цветы маральника,
Лицо ее расцвело,
Глаза, как звезда Чолмон,
Под радугами бровей зажглись.
Нааспай-старик,
С головой, как крыло лебедя, белой,
Навстречу сыну торопится;
Алтын-Тууди мать,
С головой, как серебряный шелк, белой,
Из аила с чашкой чегеня выбегает.
Алтын-Эргек дядя
На молодых любит.
Как будто рядом с луной
Вторая луна зажглась,
Как будто рядом с солнцем
Второе солнце зажглось, —
Так Келер-Куш богатырь
И Темене-Коо красавица
Друг к другу подходят.
Наш богатырь Келер-Куш
По солнечному Алтаю
Конных гонцов посылает,
На ближние стойбища
Пеших гонцов отправляет,
На той великий
Народ приглашает,
На свадьбу свою
Весь народ созывает.
Какую свадьбу Келер-Куш справил,
Сами догадывайтесь!
Как жизнь Келер-Куша богатыря
Дальше текла,
Надолго рассказывать хватит.
Если я не так рассказал, —

По-своему расскажите.
Если я не все рассказал,
Вы, меня слушавшие,
Еще добавьте.

КУДАКЧИН

У подножья железной горы
С тремя гранями,
На берегу синего моря
С тремя заливами
Жил Айчил-зайсан
Со своею женой Ак-Чачак.
Если путь держал,
Шестьдесят молодых
Провожали его,
Семьдесят удалцов охраняли.
Пастбища зайсана
Кипели стадами,
Народ его на стойбищах
Не вмещался.
Айчил-зайсан
Богат был.
Однажды он

Золотой костыль взял,
На дорогой ковер
С золотого трона спустился,
Из белокошемого аила вышел,
Изо всей силы крикнул —
Железная гора задрожала;
С горьким ядом звонко свистнул —
Синее море взволновалось.
Знатные демичи,
Дань собирающие шуленги
Испуганными зайцами прибежали,
На правое колено опустились...
«Славные мои демичи,
Верные мои шуленги!
День настал
Дань собирать с народа.
Кто не станет платить,
Того на аркане
По камням к моему аилу тащите:
Буду сам судить непокорных!»
«Слово ваше, великий зайсан, поняли.
Выполнять великое дело
Полетим быстрее беркута.
Не успеет полено
Истлеть в очаге, —
Вернемся с добычей», —
Демичи и шуленги
Так сказали.
Разогнули спины свои,
Одним махом на коней сели,
Во все концы стойбища поскакали.
Непосильную дань собирая,
Грозные шуленги
У бедного народа
Последний скот угоняли.
Послушные демичи

Сумины Айчил-зайсана
Отобранным добром набивали.
Кто не мог платить,
Того прутьями секли.
Горьким плачем народ встречал их,
Женщины и дети в лесу прятались,
Слезы ручьями текли.
Среди безчисленного народа
Ездящий на багрово-рыжем коне,
Что приглядней красивой девушки,
Юноша Кулакчин жил.
Послушные демичи,
Грозные шуленги
Строго его спросили:
«Не задерживай нас,
Прямой ответ дай:
Почему ты
Дань не платишь
Великому Айчил-зайсану?
Для таких, как ты,
Есть у нас
Прутья таловые свежие.
Для твоего красавца-коня
Место найдется
Среди табунов зайсановых».
Юноша Кулакчин
На правое колено опустился,
Робко поглядел,
Тихо сказал:
«Беда мне, большие люди...
Вскормившего отца
Я не знаю,
Грудью вскормившей матери
Нет у меня.
Если рукой по голове проведу, —
Кроме ушей на ней нет ничего.

Если кругом погляжу, —
Только тень моя
На траве лежит.
Чем дань платить — не знаю
Если коня отдам, —
Друга лишусь единственного.
Как на свете жить буду?»

Грозные демичи,
Дань собирающие шуленги
Слов Кулакчина не слушали.
Крепко юношу ремнем скрутили,
К зайсану привезли,
В один голос сказали:
«Кланяемся вам, великий зайсан!
Плохого человека,
Ездящего на багрово-рыжем коне,
Что приглядней красивой девушки,
Сюда привели.
Дань он не платит,
Больших людей не признает, —
Судите его, отец наш!»
Айчил-зайсан
Из белокошемного айла вышел,
Золотой костыль
Выше солнца поднял,
Густые брови нахмурил,
Черной злобой налился,
С горьким ядом крикнул:
«Суд мой не долгод:
Прутьями таловыми
Посильнее выдрать негодяя!
Чтоб в глазах его
День потух,
Твердое сердце покорилось!
Багрово-рыжего коня

В мои табуны угнать!»
«Головою моей владеющий
Великий зайсан!
Багрово-рыжего коня
Мне оставьте,
Таловыми прутьями
Меня не бейте.
Наказать меня
Вы не опоздаете,
Багрово-рыжего коня
Отобрать у меня
Всегда сумеете.
Лучше срок небольшой
Мне дайте
На голубом Алтае поохотиться.
По берегам рек поеду, —
Может, на ваше, зайсан, счастье,
Золотошерстную выдру поймаю», —
Юноша Кулакчин
Так сказал.
У Айчил-зайсана
Густые брови выпрямились,
Злоба от глаз отхлынула,
Лаской лицо замаслилось:
«Что же, посмотрим!
Шесть дней для охоты даю тебе.
Если слово не выполнишь,
Отберу твоего красавца
Багрово-рыжего коня
Вместе с седлом и уздечкою.
А с твоей спины
Таловыми прутьями
Кожу до костей сдеру».

Юноша Кулакчин
Легко вздохнул,

Радостно улыбнулся,
Багрово-рыжего коня
Поцеловал в теплые челюсти,
По золотой гриве погладил.
Ногу в стремя занес,
В синюю даль Алтая
Быстрее ветра помчался.

Ходит Кулакчин по горам,
День и ночь охотится.
Парнокопытных зверей не видно,
Луннокрылые птицы не летают.
На хитрый зов амыргы
Марал не отзывается,
На ласковый зов эдиске
Горный козел не появляется.
На собольей тропе
Капкан деревянный ставил, —
Ни одного соболя нет;
На тропе кабарги
Петлю прочную ставил, —
Ни одна кабарга не попалась.
Запечалился юноша,
Унылую песню запел,
Слезы сами из глаз текут...
Тут увидел он:
По берегу синего моря
С тремя заливами
Человек едет
На девяти верблюдах.
Юноша Кулакчин
Багрово-рыжего коня
Навстречу ему повернул.
Много времени не прошло, —
Путники встретились.
«Обезьяна с шерстью бывает,

А человек с именем.
Как зовут тебя, молодец,
Кто твои родители?»
Человек, с караваном едущий,
Так спросил.

«Отца, вскормившего меня,
Не знаю;
Грудью вскормившей матери
Нет у меня.
Сиротою рос я,
Одиноко бродил по стойбищам,
Конь у меня багрово-рыжий,
Имя мое Кулакчин.
По Алтаю я поехал
Пушнину добывать,
Чтобы дань уплатить
Великому Айчил-зайсану,
Головою моей владеющему.
Шесть дней дано мне срока.
Пять уже прошло,
Один день для охоты остался.
Ни одного зверя не убил я,
Ни одной птицы не поймал.
Смерть верная ждет меня», —
Так ответил
Юноша Кулакчин.
Молодое сердце не посмело
Помощи попросить.

«Дань за тебя уплачу я,
Только мою сумину покарауль.
Через три дня вернусь я,
Сумину возьму обратно.
Зорко гляди, молодец,
Стой на месте, подобно дереву,

Если пропадет моя сумина —
Единственного коня потеряешь,
Раньше срока умрешь», —
Так сказал торговец,
С караваном едущий,
С холмистой спины верблюда
Сумину на землю поставил,
Дальше свой путь повел.
Сирота Кулакчин
Отказаться не посмел,
Сумину караулить остался.
Три условленных дня прошло,
Торговец обратно не вернулся.
Срок охоты окончился,
Пора ехать к зайсану.
Запечалился Кулакчин.
Две беды над ним —
Две темные тучи:
Коль сумину оставить,
Злой торговец убьет его;
Если долго пробудет здесь,
Примет смерть от зайсана.
Вкруг сумины юноша ходит,
Самому себе слово молвит:
«Не умерши, видно, я умру,
Не ушедши, видно, я уйду.
С белым светом попрощаться,
Видно, день пришел...»

Вот он вдаль поглядел, —
Сердце часто забилося:
По синему морю
С тремя заливами
На берестяной лодке
Плывет девушка.
Глаза ее

Точно лунный свет,
Лицо ее
Ярче солнца горит.
У девушки нет весла,
По синему морю
Лодка сама плывет.
Точно овцы перед пастухом,
Перед лодкой волны расходятся.
Много времени не прошло,
Подплыла она к берегу,
На траву легко выбежала,
Звонким голосом сказала:
«Длинный хвост у коровы,
Бесстыдный лоб у тебя!
День и ночь, голодая,
На берегу сидишь,
Сумину торговца охраняешь.
Где твое мужество?
Тяжко думать о тебе,
Теплого слова нет для тебя», —
Так сказала красавица,
Быстро к сумине подошла,
Руками в нее вцепилась,
К воде потянула.
Вырывая сумину,
Юноша Кулакчин нечаянно
С правой руки красавицы
Золотую рукавицу сдернул,
К себе в карман положил.
Девушка сумину оставила,
Быстро к лодке подбежала;
Изнутри хорошо прожаренную,
Снаружи не подгорелую
Баранью тушу
Бросила Кулакчину;
От берега оттолкнулась,

На середину моря поплыла,
На берег издали поглядела, —
Глаза, точно звезды, блеснули,
Лицо цветком запылало.
«Будь здоров, Кулакчин,
На меня не обижайся.
Живы будем — встретимся...»
Кулакчин, глядя ей вслед,
Что-то сказать хотел,
Но не нашел слова...
Когда девушка скрылась вдали,
Юноша только вздохнул.

Через три месяца
Торговец вернулся,
Сухо сказал Кулакчину:
«Вот — шесть белок дарю тебе
За охрану моей сумины.
Теперь твоя жизнь
Вольготной станет:
Дань зайсану заплатишь,
Остальное себе оставишь».
И пушистые шкурки
Неохотно Кулакчину поднес.
«Ничего мне не надо, торговец,
Пусть трехмесячный труд мой
Останется без оплаты.
Если белок возьму, —
Вечным должником твоим буду», —
Так сказал Кулакчин.
Шкурки белок не взял,
На багрово-рыжего коня сел,
Быстрее выпущенной стрелы,
Быстрее сказанного слова
К Айчил-зайсану помчался.
В'ехав на стойбище,

Юноша Кулакчин
Ловко с коня соскочил,
К аилу зайсана подошел,
Осторожно дверь отворил,
Порог перешагнул.
Завидев юношу,
Айчил-зайсан
Золотой костыль взял,
Густые брови нахмурил,
Злостью закипел:
«Почему ты дни
Месяцами заменяешь?
Над несмеющимся ты насмеялся!
Розгами пороть тебя буду,
Багрово-рыжего коня отберу...»
«Кланяюсь вам,
Великий зайсан,
Головою моей владеющий.
Лошадиная тропа
Через перевалы
Всегда вьется,
Человеческая дорога
С приключеньями всегда бывает.
Не напрасно я время прожил:
Пушистых шкурок немало у меня,
Но есть золотая рукавица.
Возьмете ли ее,
Простите ли вину мою?»
Айчил-зайсан
Добрый стал,
Злобу прогнал с лица.
«Ладно, от законной дани
Освобождаю тебя
На шесть лет.
Езди, молодец, по стойбищам!»
Золотую рукавицу взял,

В золотой ящик положил,
По смуглому лицу ладонью провел,
Лукаво улыбнулся.

Освободясь от дани,
Юноша Кулакчин
Весело ездит по стойбищам,
Багрово-рыжего коня
По золотой гриве поглаживает,
В теплые челюсти целует.
Но не успел юноша оглянуться, —
Шесть лет прошло.

Грозные демичи,
Дань собирающие шуленги
Вновь Кулакчина встретили,
Дружно ему сказали:
«Срок свободы твоей прошел,
Дань плати, молодец.
Платить не станешь —
Прутьев таловых попробуешь,
Багрово-рыжего коня
К Айчил-зайсану угоним».

«Кланяюсь вам, большие люди!
Головой моей вы владеете...
Прошу вас
Срок небольшой дать мне
На голубом Алтае поохотиться.
По берегам рек поеду, —
Может, золотошерстную выдру добуду,
Дань привезу зайсану,
Остатками вас не обижу».
Озверелые демичи,
Дань собирающие шуленги
Не хотят слушать юношу.
До нитки бедного раздели,

Таловыми прутьями высекли,
К Айчил-зайсану
Быстро представили.
«Кланяемся вам,
Великий зайсан!..
Отказавшегося дань платить,
Большим людям не подчиняющегося
Молодца одного
Сюда привезли.
Судите его, отец наш!»
Айчил-зайсан
С дорогого ковра поднялся,
Золотым костью
Выше солнца взмахнул,
Черной злобой налился,
С горьким ядом крикнул:
«Суд мой недолог:
Пусть таловые прутья
На спине у молодца попляшут!
Багрово-рыжего коня
В мои табуны пустить!»
«Великий зайсан!
Наказать меня
Вы не опоздаете,
Багрово-рыжего коня
Отобрать у меня
Всегда сумеете.
Лучше срок небольшой мне дайте
На Алтае родном поохотиться.
По берегам рек пойду.
Может, на ваше счастье
Золотошерстную выдру добуду,
Серебряного соболя поймаю».
Айчил-зайсан
Добрым стал:
«Ну, так и быть,

Три дня для охоты
Даю тебе.
Если слово не сдержишь,
Добра от меня не жди».

День и ночь охотится Кулакчин.
Парнокопытных зверей не видно,
Луннокрылые птицы не летают...
На собольей тропе
Капкан деревянный ставил, —
Ни одного соболя нет;
На тропе кабарги
Петлю прочную ставил, —
Ни одна кабарга не попалась...
Запечалился Кулакчин,
Тоскливую песню запел,
Робко вдаль поглядел.
По берегу синего моря
С тремя заливами
На тридцати верблюдах
Торговые люди едут.
Юноша Кулакчин
Багрово-рыжего коня
Каравану навстречу повернул.
«Обезьяна с шерстью бывает,
А человек с именем.
Как зовут тебя, молодец,
Кто твои родители?»
«Ни отца, ни матери
Нет у меня,
Кто они были — не знаю,
Сиротою я вырос.
Имя мое — Кулакчин.
По Алтаю езжу,
Пушнину добываю,
Чтобы дань уплатить зайсану.

Три дня дано мне срока,
Два уже прошли,
Один день остался.
Ни одного зверя не убил я,
Ни одной птицы не подстрелил,
Смерть верная ждет меня...
Посоветуйте, добрые люди,
Что делать мне?..»
«Не горюй, молодец,
Дела твои поправимы!
Наш товар покарауль здесь.
Через день мы вернемся,
Дань за тебя уплатим», —
Люди, с караваном едущие,
Так сказали,
Под охраной Кулакчина
Одного верблюда оставили,
Сами дальше поехали.

Условленный день прошел,
А торговцы не вернулись.
Запечалился Кулакчин,
С тоскою вдаль поглядел:
По синему морю
С тремя заливами
На берестяной лодке
Плывет девушка.
Юноша не успел
Шагу ступить, —
Красавица вышла на берег.
«Длинный хвост у коровы,
Бесстыдный лоб у тебя!
День и ночь, голодая,
Охраняешь чужие товары..
Стыдно глядеть на тебя:
Где твое мужество?» —

Так сказала девушка,
Верблюда за повод схватила,
К воде потянула.
Много времени не прошло, —
Юноша Кулакчин
С левой руки девушки
Золотую рукавицу сдернул,
К себе в карман положил.
Красавица только усмехнулась,
К берестяной лодке побежала;
Снаружи не обгорелую,
Изнутри прожаренную
Баранью тушу
Подала Кулакчину в руки,
Лодку от берега оттолкнув,
На середину моря поплыла.
«До свидания, Кулакчин!
Обо мне плохого не думай.
День придет — встретимся!»
Когда красавица скрылась вдали,
Юноша только вздохнул.

Через месяц торговцы вернулись
На двадцати девяти верблюдах
Кулакчину сказали:
«За охрану верблюда
Шесть белок тебе дарим.
Теперь жить привольно ты будешь,
Дань зайсану заплатишь».
Шесть пушистых
Маленьких белок
Неохотно из сумины достали,
Кулакчину протянули.
«Чует сердце, торговые люди:
Коль возьму эти шкурки,
На всю жизнь в долгу у вас буду», —

Так сказал Кулакчин,
Шкурки белок не взял,
На багрово-рыжего коня сел,
Быстрее выпущенной стрелы,
Быстрее сказанного слова
К стойбищу зайсана помчался.
Суровый Айчил-зайсан
Золотую рукавицу взял,
Лукаво улыбнулся,
На шесть лет юношу
От уплаты дани освободил.
Стал светлее луны,
Ярче милого солнца стал
Юноша Кулакчин.
Багрово-рыжего коня
По золотой гриве погладил,
Золотой хвост ему расчесал,
По стойбищу поехал.

Не успел долину взглядом окинуть,
На светлые горы поглядеть не успел,
Шесть лет прошло.
Свирепые демичи,
Грозные шуленги
Снова ездят по стойбищам,
Непосильную дань собирая,
Народ дерут
Таловыми прутьями
Ездящего на багрово-рыжем коне,
Что приглядней красивой девушки,
Юношу Кулакчина встретили,
Крепко ремнем скрутили,
К Айчил-зайсану привезли.
«Великий зайсан!
Должника вашего,
Низкого Кулакчина,

К вам привели мы.
Нас он начальниками не признает,
Слов наших не слушает,
Законную дань не платит, —
Судите его, отец наш!»
«Славные мои демичи,
Верные мои шуленги!
Слово, сказанное вами, — правдиво,
Жалоба ваша — основательна.
Но ездивший на багрово-рыжем коне
Юноша Кулакчин

Дань платить в состоянии:
За шесть лет в один год уплачивал.
Голова у молодца крепкая,
Руки у молодца ловкие, —
Отпустим его на три дня:
Пусть он живого волка
Ко мне в аил приведет» —
Айчил-зайсан

Так сказал.
Юноша Кулакчин
Поклонился зайсану,
На багрово-рыжего коня сел,
По голубому Алтаю,
По берегам быстрых рек
Быстрее ветра помчался.

Первый день охотнику
Ничего не принес.
Второй день миновал,
А зверей не видно.
Семь суток прошло —
Волк не попадается.
Целый месяц промелькнул —
Алтай добычей не радуется.
Отощал Кулакчин от голода,

У багрово-рыжего коня
Обломались копыта до крови,
По тропе он бежать не может.
«Что мне делать сейчас?» —
Думает юноша: —
«Обратно вернуться —
Зайсан убьет,
Грозные демичи высмеют.
Родной Алтай
Чужим стал...»
На железную гору
С тремя гранями
Кое-как юноша поднялся,
Кругом поглядел.
Молочно-белого коня
С черными ушами
В голубой долине увидел.
На молочно-белом коне
Шелковый потник,
Золотое седло,
Жемчужная узда
Узорами солнца вышиты.
Словно белое облако,
Двигается конь по долине,
Золотой повод
Ручьем по траве течет.
Железную гору
Кулакчин оставил,
К молочно-белому коню
Быстрее ветра полетел,
Легкой иноходью бегаёт
Молочно-белый конь,
Кулакчина близко не подпускает,
За золотой повод не даёт хватиться.
Семь суток юноша
Гонялся за ним,

Далеко уехал от родного стойбища.
На десятый день
На чужой Алтай попал.
Тут молочно-белый конь,
Тряхнув серебряной гривой,
Тише пошел,
Смирным стал,
Ласково глянул на Кулакчина,
К золотому поводу подпустил.
«Славная находка попалась мне,
Дань заплатить будет чем», —
Так подумал юноша,
Золотого стремени коснулся,
На молочно-белого коня сел,
Весело плеткой взмахнул.
Молочно-белый конь,
Не задевая траву копытами
Мимо цветов прозрачных
Легкой иноходью пошел.
Поставь чашку с водой
На молочно-белого коня —
Ни капли воды не прольется, —
Вот какая иноходь у него!
Мягко сидеть на нем!
Молочно-белый конь
В пути разгорелся,
Золотые удила закусил,
Поднял голову высоко,
Радостно вдаль бежит.
Там, где он стоял, — следы есть,
Куда бежал — следа нет.
Удивляется Кулакчин:
На этом Алтае
Зеленой листвою
Деревья шумят,
И зимой, и летом,

День и ночь не смолкая,
Летние птицы поют.
Молочно-белый конь
Несет Кулакчина
По зеленой долине,
Ширину которой
Ворону не перелететь,
По желтой долине,
Длину которой
Сороке не перелететь.
Издали юноша заметил:
Поперек дороги женщина лежит:
Уши у нее
Больше чем крылья
У самой огромной птицы.
Одно ухо — постель ей,
Другое — одеяло.
Лицо у нее — чернее смолы,
Волосы — войлок.
Хотел Кулакчин проехать
Мимо лежащей женщины,
Но молочно-белый конь остановился,
Радостно ржать стал.
Старуха проснулась,
На юношу поглядела,
Сухой рукой
Молочно-белого коня
За золотой повод взяла,
Сердито сказала:
«Вот когда ты попался мне,
Золотые рукавицы ворующий!
Сейчас я тебя зарежу,
На мелкие куски
Мясо твое раскрошу,
Мозг твой
Досуха высосу,

Из костей твоих
Толкан сделаю, —
Вкусный будет обед!»
«Вырос я сиротою,
Жизнь моя в бедности проходит...
Золотую рукавицу взял я,
Чтобы дань уплатить зайсану.
Добрая женщина!
Жизнь мою не губи,
Дай мне налюбоваться
Лучами жаркого солнца,
Синим светом луны высокой...»
Так юноша спрашивает
Старуху с большими ушами.
Тут страшная женщина,
По земле покаталась,
Страшный вид ее тотчас
Пропал, как тень.
Кулакчин увидел
Ту добрую девушку,
Что по синему морю плавала,
Красотою своей
Его манила,
Золотые рукавицы
Взять позволила.
Такое чудо увидев,
Юноша растерялся,
Ноги его подогнулись,
Как тонкие прутья.
Хотел слово сказать —
Язык к небу прирос.
Только подумал:
«Злой дух — эта женщина,
Хозяин гор и вод Алтая;
Не от народа она родилась,
Не к добру мне

Такая встреча».
«Добрый юноша Кулакчин!
Много лет я тебя искала,
Многие богатыри меня сватали,
Я им отказывала.
Ресницы наши
В один день открылись,
Пуповины наши
В один день резаны.
В одном аиле
Мы жить должны,
На одной постели
Сны делить,
У одного очага греться.
Так судил нам
Бог Курбустан.
С этого дня
До конца нашей жизни
На плодородном Алтае
Вместе жить будем», —
Так сказала красавица,
К Кулакчину подошла,
Крепко обняла его,
В смуглые щеки поцеловала.
Золотого стремени коснулась,
На молочно-белого коня села:
«На мое стойбище
Теперь поедем,
Светлый аил там выстроим,
Той богатый устроим».
Прозрачные слезы радости
На ресницах у юноши показались.
«Человек с именем бывает...
Как зовут тебя красавица?»
«Имя мое Суремея,
Ездящая на молочно-белом коне», —

Так сказала девушка,
На солнце поглядела —
Золотом глаза засверкали.
Любуясь девушкой,
Юноша Кулакчин
Своего багрово-рыжего коня вспомнил.
Топот услышал,
Долину взглядом окинул, —
Багрово-рыжий конь
По долине бежал к Кулакчину.
Бесчисленные стада зайсана,
Бесчисленные народы зайсана
Вслед за ним шли.
«Ездящий на багрово-рыжем коне
Добрый Кулакчин,
Жизнь свою мы тебе отдаем.
Управляй нами,
От черного врага оберегай нас!»
Так сказали народы
На тридцати разных языках.
Скот наполнял долину,
Зеленую траву ел,
Светлую воду пил, —
Хорошее нашел себе пастбище...

Ездящий на багрово-рыжем коне
Юноша Кулакчин,
Ездящая на молочно-белом коне
Красавица Суремея
В солнечной долине Алтая
Той богатый устроили.
Точно темный лес,
Пируя, шумел народ,
От дыхания лошадей
Белый туман стоял.
День и ночь варилось

Жирное мясо
В золотых котлах.
Из золотых чашек
Араку пили,
С золотых блюд
Мясо ели,
Под громкую музыку
Лучшие песни пели,
На свежей траве
Лучшие борцы боролись,
На лучших лошадях
В бега бегали.
Через тридцать дней
Той закончился.
«Багрово-рыжий конь
Пусть будет лучшим конем
На плодородном Алтае.
Многочисленными народами
Пусть управляет сирота Кулакчин
На золотом Алтае.
Не придут на стойбище наше
Клыкастые волки.
Черного своего меча
Не занесет война
Над нашим стойбищем,
Стал ты богатырем великим,
Сирота Кулакчин.
Черная сила тебя не сломит,
Злое слово тебя не сразит.
Жизни ханов,
Жизни зайсанов
В твоих руках», —
Так народы сказали,
По аилам своим расходясь.
Так,
Сиротою выросший,

Из подневоли не выходивший,
Ездящий на багрово-рыжем коне
Юноша Кулакчин
Народами Алтая,
Говорящими на тридцати языках,
Управлять стал,
Бесчисленными стадами
Владеть стал.
Со своею супругою Суремеей,
Ездящей на молочно-белом коне,
В шестиугольном каменном аиле
Славно жить стал.

КАРА - МААС

В долины Алтая,
Где имеются
Три одинаковых
Остроконечных желтых горы,
Три одинаковых
Желто-ядовитых озера,
К многочисленным,
Подобным черному лесу, народам
Война
Никогда не заходила;
На пастбища,
Где по 'густой траве
Скот бродил,
Вор
Никогда не заглядывал,
Волк
Никогда не забегал.

Громко здесь
Имя Сары-Кана
Гремело.
На бело-соловом коне едущий
Грозный Сары-Кан
Со своею женой Ерке-Мендур
В белом шестиугольном дворце
Владыкою жил.
Трех желтых сыновей,
Трех красавцев-богатырей
Сары-Кан имел.
Четвертый сын Сары-Кана
До семи лет
На ноги не поднимался,
Как змея,
По земле ползал.
Слов он не произносил,
Того, кто к нему обращался
По щеке ударял.
Огорченные родители
Так мальчика звали:
«Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую
Черный сын».

**
*

Ядовитые стрелы
Трех желтых сыновей Сары-Кана
Никогда даром не падали,
Добычу всегда настигали.
Птицы, боясь их,
Днем не летали,
Звери, страшась их,
Под кустами таились.

Сыновья Сары-Кана
С соседними народами воевали,
Целые народы
Из родных мест
К себе на стойбище уводили.
Стойбище Сары-Кана
Стонами рабов наполнялось,
Кровь убитых зверей
В красные озера стекала,
Слезы народа
Быстрыми ручьями бежали.
Однажды сыновья Сары-Кана
Из похода возвращались,
Собольи шкуры,
Жирное мясо зверей
Домой в суминах везли;
Пленный народ,
Как стадо баранов,
Гнали.
Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую
Черный сын
На далеком расстоянии
Их услышал,
На невидимом расстоянии
Увидел.
Кистями рук карабкаясь,
На животе, как змея,
На широкую тропу выполз.
До семи лет
Слов не произносивший,
Тут рот открыл,
По зеленой траве от смеха катаясь,
Над братьями издеваться стал;
«Хорошей работой занялись,

Ханские сыновья!
Добрых зверей бьете,
Мирный народ покоряете.
Почему бы вам, богатыри,
Чем добрых зверей бить,
Беззащитный народ покорять,
С другими богатырями,
С другими ханами
Силами не померяться?
Тогда бы
Вы прославились,
Без плетки бы
На иноходцах ездить стали,
Без ножа
Сало есть».
Удивились братья.
К белому дворцу подъехав,
Слова дурного мальчика
Отцу передали.
Грозный Сары-Кан
С девятирядной шелковой постели
Поднялся,
Чугунную дверь распахнул,
Железный порог перешагнул.
Злобно крикнул —
Желто-ядовитые озера
Из берегов вышли.
Правую руку поднял —
Серая туча
Над головой собралась.
Левой рукой
Вершину железной горы задел —
Черная пыль поднялась.
Брови нахмурил,
Дикому зверю подобен стал:
«Имеющий собачью голову

Дурной сын,
Имеющий чешую —
Черный сын
Беду на нас накликает.
Для такого уroda
На нашем стойбище
Места больше не будет.
Милые сыновья мои!
На остров
Дурного сына уведите,
На дереве повесьте.
Кровь его,
Ни одной капли не теряя,
В мою золотую чашку слейте,
Ко мне во дворец доставьте»
Три желтых брата
Девяностосаженный ременный аркан
От седла отвязали,
Дурного мальчика крепко скрутили,
Убивать
На остров поволокли.
Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую —
Черный сын
Громко крикнул.
Крик его
По горам прокатился,
Ушей народа
Коснулся.
Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана —
Супруга младшего сына
Грозного Сары-Кана —
Дурного мальчика пожалела.
Сердце ее часто забилося,

Глаза слезами наполнились
В разговоры
Ни с кем не вступая,
От злых глаз
В тальнике прячась,
Прыгая через камни,
Быстро
На остров она побежала
Едва братья успели
Дурного мальчика
К горбатому дереву подвести, —
Перед ними
Алтын-Тана выросла,
Мягко сказала:
«Грозные ханы!
Если безвинного ребенка
Не стыдно вам убивать,
То вместе с ним
И меня убейте.
Если вам захотелось крови,
То и мою кровь выпейте».
Так три дня и три ночи,
Глаз не смыкая,
За ременный аркан держась,
Алтын-Тана
Ханских сыновей упрашивала.
«Напрасно, Алтын-Тана, упрашиваешь.
Если дурного мальчика
Мы не убьем,
По Алтаю
Нам не бродить, —
Отец нас убьет», —
Так ответив, желтые братья
Дурного мальчика
Арканом душили стали.
«Мудрый совет мой,

Богатыри, послушайте!
У всех животных
Одинаково красная кровь.
Синего молодого быка заколите,
Кровь в золотую чашку слейте,
Бережно
К отцу во дворец доставьте.
Человеческая это кровь или бычья —
Хан не поймет».

Братья
Женщине уступили,
Молодого быка закололи,
Кровь в золотую чашку слили.
Но крови мало оказалось,
Золотая чашка не наполнилась.
« — Почему крови мало?
Это — не моего сына кровь, —
Так отец скажет.
Как мы тогда оправдаемся?
От смерти
Как сохранимся?»
Запечалились братья,
Медленно на траву опустились,
Тяжело дышать стали.
«Эх, вы, богатыри,
Ханы прославленные!
Такой ответ отцу дайте:
«Конь о четырех ногах,
Да и то падает, —
Двуногому человеку
Недолго оступиться.
По кочкам брели —
Запнулись,
Кровь чуть не всю пролили».
Хан вам поверит,
Убивать вас не будет».

Сметливая Алтын-Тана
Такой совет дала.
Братья успокоились,
Домой вернулись,
Кровь в золотой чашке
Отцу поднесли.
Сары-Кан
Золотую чашку взял,
Сердито сказал:
«Эх, у плохого человека
И крови-то мало оказывается!»
Из золотой чашки
Красную кровь выпил,
Крепко заснул.
Имеющего собачью голову
Дурного сына,
Имеющего чешую
Черного сына
Через шесть рек,
Через шесть гор
Алтын-Тана
Осторожно перенесла.
«Милый ребенок,
На стойбище отца не возвращайся,
А если вернешься,
Не умирая умрешь,
Не ушедши уйдешь.
Какую долину увидишь,
В ту и ползи.
Может быть, скоро
Здоровым человеком станешь,
Слава о тебе
Быстрее молнии
Всю землю облетит», —
На прощанье Алтын-Тана
Такие слова сказала,

Крепко мальчика поцеловала,
Тяжело ступая, домой пошла.

**
*

Три зимы растаяло,
Три лета прошло...
Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую
Черный сын
В темном лесу жил.
Кистями рук карабкаясь,
По земле ползал,
Корнями трав питался.
Однажды три желтых брата
Из нового похода домой возвращались
Собольи шкуры,
Мясо зверей
В суминах везли,
Пленный народ гнали.
Дурной мальчик
На далеком расстоянии
Братьев увидел,
Близко к тропе подполз,
В траве затаился.
Когда братья под'ехали,
Рот открыл:
«Славным делом занялись,
Ханские сыновья!
Если вы
Настоящие богатыри,
Если вы —
Настоящие храбрые ханы, —
Чем красивых зверей бить,
Мирный народ покорять,

Лучше бы с другими ханами
Силами потягались.
Тогда бы вы прославились,
Без плетки бы
На иноходцах ездить стали,
Без ножа
Сало есть».
Дурной мальчик,
Смеясь над братьями,
По зеленой траве кататься стал.
Братья рассердились,
Ременный аркан от седла отвязали,
Дурного мальчика крепко скрутили,
К отцу во дворец привезли.
«Беда нам, отец!
Дурной сын,
Которого мы убили,
Умереть, видно,
Души не имеет:
Опять, как змея,
По траве ползает.
Шестюдесятью словами
Сейчас он нас обругал.
Посоветуй, отец,
Что нам делать?»
Сары-Кан, такую весть услышав,
С девятирядной постели поднялся,
По девяти ступенькам
С золотого трона спустился,
Чугунную дверь распахнул,
Железный порог перешагнул,
Строго крикнул —
С трех одинаковых железных гор
Камни посыпались,
Желто-ядовитые озера
С песком смешались,

Крепкие валежины
На месте раскололись,
Вершины деревьев
Ломаться стали,
На пастбищах скот испугался,
На стойбищах народ удивился.
«Дурной сын,
Умереть души не имеющий,
Беду накликает.
Сейчас же его возьмите,
На куски величиной с большой палец
Изрежьте,
Кровь, ложками измеряя,
Ни капли не уронив,
В золотую чашку слейте,
Мне в руки подайте».
Три брата,
Слов отца не дослушав,
Дурного мальчика
Убивать
На остров поволокли.
К высокому тополю
Мальчика притащив,
Охотничий нож точить стали.
Увидев это,
Жена младшего желтого брата
Алтын-Тана
На остров прибежала,
Имеющего чешую черного сына
Крепко обняла.
«Если решили ребенка убить,
То вместе с ним
И меня зарежьте», —
Алтын-Тана
Братьев упрашивать стала.
Теплые слезы

По щекам женщины текли.
Семь дней и семь ночей,
Спасая мальчика,
С богатырями она спорила.
Сон к ней не приходил,
Желудок пищи не требовал.
Просьбу Алтын-Таны,
Вершины склонив,
Деревья слушали,
Вместе с женщиной
Цветы плакали.
За семь дней Алтын-Тана,
Точно золото, пожелтела,
Точно сухое дерево, отошала.
Желтые братья
Занесенный было нож
Опустили,
До седьмого слоя
Землю проткнули.
Младший брат
Такое слово сказал:
«Славные мои братья!
Не пора ли нам
Алтын-Тану уважить,
Дурного мальчика
На все стороны отпустить?
Все равно
Не долго он на земле жить будет».
Старшие братья молчат,
По-волчьи смотрят.
«Мой совет послушайте,
Бабы слова
Иногда мудрыми бывают:
У всех животных
Кровь одинаково красная.
Сивую корову мою заколите,

Кровь в золотую чашку слейте,
Хану в руки подайте.
Человеческая это кровь или коровья —
Хан не разберет», —
Алтын-Тана
Такой совет дала.
Грозные братья смягчились,
Дурного мальчика убивать не стали.
Сивую корову закололи,
Кровь в золотую чашку слили,
В руки отцу подали.
Сары-Кан
Золотую чашку взял,
Озлобленно крикнул;
«Тут не моего сына кровь!
Тонкую душу вашу,
Как волос, порву,
Алую вашу кровь пролью!
Не обманывающего не обманывайте,
Не дразнящего не дразните,
С неиграющим не играйте!»
Алтын-Тана
Грозному хану
До самой земли поклонилась:
«Совет мой послушай:
Золотой ложкой кровь зачерпни,
В чистое небо брызни.
Если это твоего сына кровь —
Красной тучей небо покроется,
Если это скотская кровь —
Белая туча в небе появится».
Сары-Кан усмехнулся:
«Ладно, слово твое проверим».
Золотую ложку взял,
Из золотой чашки
Кровь зачерпнул,

В чистое небо брызнул —
Синее небо
Красной тучей покрылось.
Сары-Кан успокоился.
«На наше стойбище
Беду накликающий
Дурной сын
Верю — уничтожен.
Жизнь наша
Теперь спокойной будет,
Табуны наши увеличатся,
Народ наш размножится,
Над нами счастье
Вечно будет гореть», —
Сары-Кан так сказал,
Из золотой чашки кровь выпил,
Крепким сном заснул.

**
*

Имеющего собачью голову
Дурного сына
Алтын-Тана
К себе на плечо посадила,
Два дня по тропе шла,
На третий день
На вершину железной горы поднялась.
Здесь Алтын-Тана
Дурному мальчику
Ушки от бронзовой чашки,
От кожаной посуды лоскутки
Подарила,
Такой совет дала:
«Белая туча величиной с овчину
На небе появится.
Куда эта туча поплывет,

Туда и ты ползи.
Если от тучи отстанешь,
Верную смерть получишь.
Когда старое становище встретишь,
Ушками от бронзовой чашки
По пеплу проведи —
Разная пища появится.
Если понадобится чегень,
От кожаной посуды лоскутками
По молодой березе проведи —
Чегень и кумыс получишь.
Пустой желудок наполнится,
Усталое тело освежится.
Ни на каком ночлеге
Этих вещей не забывай.
Если потеряешь —
Не умерши умрешь,
Не ушедши уйдешь».
Алтын-Тана дурного мальчика
Крепко поцеловала,
Горько заплакав,
Неохотно домой пошла.

**
**

Семь дней и семь ночей
Имеющий чешую черный сын
С места не двигался,
Озлобленно кричал.
На восьмой день,
Опираясь на кисти рук,
Поднялся.
В синем небе
Белую тучу величиной с овчину
Увидел.
Куда туча плыла,

Туда и он на животе полз.
Найдет старое становище,
Ушками от бронзовой чашки
По пеплу проведет —
Разная пища появится.
От кожаной посуды лоскутками
Ствол молодой березы погладит —
Чегень и кумыс
Струей потекут,
Пустой желудок наполнится,
Усталое тело освежится.
Месяцы быстро бежали,
Годы медленно двигались.
Однажды дурной мальчик
Крепко заснул.
Сколько времени спал — не знает.
Когда проснулся —
Ушек от бронзовой чашки
Около себя не нашел,
От кожаной посуды лоскутки
Тоже пропали.
К старому горю
Новое пришло,
К старому яду
Свежий прибавился.
То на одном, то на другом боку
Дурной мальчик
За белой тучей ползет.
Кожа на боках стерлась.
На животе пополз —
Кожа с живота слезла...
От голода отощал.
Раньше о смерти не думал,
Тут думать начал.
Но вот он увидел:
Луком вооруженный,

Указательным пальцем
По дну неба чертя,
На багрово-рыжем коне
Богатырь едет.
Между глаз у него
Тридцать отар овец
Поместится,
Между плеч у него
Тридцать табунов лошадей
Пастись могут,
На лице у него
Румянец горит.
Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую
Черный сын
Слова произнести не может,
Не в силах с земли подняться.
Ладони развел,
Знаками пищу просит.
«Пищи у меня нет
Для таких уродов,
Как ты,
По траве ползающих,
Алтай оскверняющих», —
Так богатырь ответил.
Длинною плетью,
Из девяти бычьих шкур сплетенной,
Дурного мальчика
Изо всей силы стегнул,
Дальше быстро поехал.
Только через день
Дурной мальчик очнулся,
Кругом поглядел:
«Может, богатырь сырчик подбросил», —
Так он подумал.

Но ничего
На траве не нашлось.
За белую тучей
Дурной сын
Дальше пополз.
На золотую гору с шестьюдесятью
гранями

Поднялся,
Кругом смотреть стал.
Шестиугольный белый дворец
В долине увидел.
На шестилетнем коне
Вокруг этого дворца
В шесть дней не об'ехать,
На семилетнем коне
В семь дней не облететь.
Лунным светом,
Лучами солнца
Стены дворца блестят.
Около него
С шестьюдесятью заливами
Белое море волнуется.
Дурной мальчик
Последние силы собрал,
Боль забыл,
Быстрее пополз.
Когда ко дворцу приближаться стал —
Белая туча исчезла.
Дурной мальчик остановился,
Широко глаза открыл,
С удивлением
Во все стороны поглядел.
В широкой долине
Бело-сивый конь пасется.
Передние ноги подымет —
Немного вперед подвинется,

Задние ноги вскинет —
Больше назад отступит.
На солнечной поляне
Синяя корова траву щиплет.
Дурной мальчик
К корове подполз,
За заднюю ногу ухватился,
Четыре соска высосал.
Пустой желудок наполнился,
Усталое тело освежилось,
Сердцу радостно стало.
Дурной мальчик
К самому дворцу подполз.
У дверей дворца
Два черных пса сидят,
С яростным воем лают.
Человечий запах почуяв,
Умолкли,
Хвостами радостно махать стали.
Дурной мальчик
С удивлением подумал:
«Почему эти псы
В глаза человеку не смотрят?
Почему лаять перестали?»
Правое ухо
К стене дворца приложил —
Мужской голос услышал.
«Не видя лунного света,
Тяжко на земле жить,
Лучей солнца не видя,
Трудно по земле двигаться.
К нам, слепым,
Когда-нибудь человек забредет ли?
Помощь явится ли?»
Два старых человека,
Муж и жена,

День и ночь во дворце
Так печалились.
Дурной мальчик
Войти во дворец боялся,
Три дня у дверей сидел,
Жалобы стариков слушал.
Но мужской ум
Мужественным бывает.
На четвертый день дурной мальчик
Смелости набрался,
Дверь отворил,
Осторожно порог перешагнул.
«Чем это во дворце запахло?
К нам, слепым,
Не глаза ли пришли?
К нам, безногим,
Не ноги ли забрели?
Прохожий! Нас не бойся,
Поближе к нам подойди,
Руки нам протяни,
Подробно о себе расскажи:
Откуда сюда забрел?
Кто твои родители?»
Старик и старуха
Так сказали.
Руки протянув,
Пришедшего ищут.
Больше семи лет
На ноги не поднимавшийся,
Дурной мальчик
Руку свою протянул,
Со слепыми поздоровался,
Подробно о себе рассказал.
«На меня, старые люди, не гневайтесь,
Хочу узнать я,
Какое имя вам родители дали?»

«Милый ребенок,
Вопрос твой
Нас не гневит.
Родители мои
Такое имя мне дали:
Алгыр-Мерген силач,
Ездящий на бело-сивом коне.
На стойбище мое
В течение трех поколений
Война не заглядывала.
Но в последние годы
Ездящий на серо-заячьем коне,
Серо-бобровую шубу носящий,
Звездopodobных восемь глаз имеющий
Боодый-Бурхан
Со мною войну повел.
Убить он меня не убил,
У меня и у моей жены Алтын-Чачак
Глаза украл,
Двух псов моих ослепил,
Бело-сивого коня слепым сделал.
Ни лунного света,
Ни ясного солнца,
Ни добрых людей —
Ничего мы теперь не видим.
Тяжело на земле нам жить», —
Такой ответ дав, Алгыр-Мерген
Старуху свою попросил:
«Мальчик совсем отощал, —
Налей ему щей,
В которых насекомые плавают.
Пусть голодный желудок насытится,
Усталое тело окрепнет».
Старуха таких
Жирных и вкусных щей
Мальчику налила,

Каких он у своего отца-богача
Никогда не ел.
После жирного обеда
Мальчик сладко заснул.
«Пусть усталый ребенок спит.
В течение семи лет
Будить его не будем», —
Алгыр-Мерген
Супруге своей так сказал.
На мягкий ковер
Мальчика положил,
Собольим одеялом накрыл.

**

Вдруг белый дворец
Алгыр-Мергена силача
Зазвенел.
На годичном расстоянии
Грозный крик послышался,
На месячном расстоянии
Ржание лошадей раздалось.
Много времени не прошло —
Ездящие на семи рыжих лошадях
Семь одинаковых богатырей
К белому дворцу Алгыр-Мергена
Приблизились.
Тспот семи коней
Топоту семидесяти лошадей
Подобен был.
Крик семи богатырей
Крику семидесяти человек
Равен был.
«Слепой старик!
Честный ответ нам дай:
Наследника-сына

Ты еще имеешь ли?
Дочь, ищущая жениха,
У тебя найдется ли?
Рабы провожатые есть ли?
Если ложный ответ дашь —
Не умерши умрешь,
Не ушедши уйдешь.
Кровь твою
По капле выпустим,
Тело твое
На куски величиной со стрелу
Искрошим!»
Семь богатырей
Злобно крикнули,
Крик по долинам разнесся,
Сердца народа в трепет привел.
«Прославленные богатыри,
Бодый-Бурхана верные слуги!
Табуны моего скота
Вы давно уже угнали,
Управляющего моим народом
В плен увели,
Двух черных моих собак
Ослепили,
Бело-сивого коня
Слепым сделали,
У меня и у моей жены
Глаза украли...
Что еще вам нужно?»
Алгыр-Мерген силач
Такой ответ дал.
Семь богатырей,
Четыре железных кола
В землю воткнув,
Алгыр-Мергена силача
Между ними растянули,

Желто-ядовитой плетью
Сильно бить стали.
Богатырей упрасивая,
Алгыр-Мерген силач,
Подобно жеребенку, ржал,
Подобно ворону, кричал.
Слепые псы,
Крик старика услышав,
К небу морды подняли,
Громко завыли.
Бело-сивый конь
Жалобно вдалеке
Ржать стал.
Алтын-Чачак супруга,
Правой рукой
Косы свои погладив,
Перед семью богатырями
На землю опустилась:
«Человека неумирающего
Зачем второй раз
Убить пытаетесь?
Прославленные ханы!
Все, что у нас было,
Вы уже взяли.
Старые наши кости
Зачем ломаете?
Смерть скоро сама
Нас возьмет».
Озверелые богатыри
От старухи отворачиваются,
Слов ее не слушают.
От этого шума дурной мальчик
Раньше срока проснулся,
С мягкого ковра встал,
Черную дверь отворил.
«Какие богатыри

Сюда заехали?
Какие ханы
Здесь расшумелись?
Усталому человеку спать мешают,
Мирному народу жить не дают!»
Дурной мальчик громко крикнул —
До самого неба эхо дошло,
С шестьюдесятью заливами
Белое море
Взволновалось.
«Так вот он где,
Сын Алгыр-Мергена,
Зрение имеющий!
Сейчас же надо
Глаза у него отобрать!»
Семь богатырей,
Как жадные волки,
На мальчика набросились.
Но не успели руку поднять —
Дурной сын
За длинные косы их взял,
К железному столбу прикрутил,
«Теперь ты свободен!
Девятигранную плеть
В правую руку возьми,
Богатырей по спине бей.
Пусть они запомнят,
Как старого человека мучать», —
Дурной мальчик
Алгыр-Мергену так сказал.
Слепой силач
Девятигранную плеть взял,
За дело принялся.
Левой рукой место нащупывал,
Правой рукой удары наносил.
«Алгыр-Мерген!

Нас не убивай,
Тонкую, как нитка,
Душу нашу не рви.
Дорогу твою
Никогда больше не перейдем,
Имя твое не забудем», —
Семь богатырей закричали.
«Ой, как устал я!
Пора мне отдохнуть.
Ты этих негодяев
Здесь покарауль», —
Алгыр-Мерген дурному мальчику
Такие слова сказал,
Сам во дворец направился.
Дурной сын
Старую черную саблю Алгыр-Мергена
В правую руку взял,
До самого неба занес,
Белую тучу пересек,
Серую тучу разогнал.
Три раза так сделав,
Головы семи богатырям
Одним ударом отсек.
Второй раз саблю занес —
Головы семи рыжим коням
Одним ударом смахнул.
«Вот — острие сабли
Алгыр-Мергена
Подарок вам,
Жадные богатыри,
Свет у людей ворующие!»
Никогда не сердившийся
Дурной мальчик тут рассердился.
Изо всей силы крикнул —
По горам эхо разнеслось,
Дворец Алгыр-Мергена

В шести местах треснул,
С шестьюдесятью заливами
Белое море из берегов вышло.
Такой крик услышав,
Алгыр-Мерген отдых забыл.
«Богатырем я родился.
Когда моя борода еще не белела,
Когда зубы мои желтыми не были —
Много я видел богатырей,
На Алтае живущих,
Много ханов знавал,
По земле ездящих.
Но такого громкого крика,
Как твой,
Такой сильной руки,
Как твоя,
Никогда не встречал!»
Алгыр-Мерген
Дурного мальчика крепко обнял,
Теплыми слезами умыл.
«В потухшем очаге
Ты огонь оживил.
Нас умерших
К жизни вернул.
Нашим глазам
Свет принес.
Безногим ты
Ноги возвратил.
Пусть выпущенная тобой стрела
Даром не падает,
Пусть слово, тобою сказанное,
Вечно живет», —
Старуха Алтын-Чачак
Дурному мальчику
Такие слова сказала.
Услышав это,

Бело-сивый конь
Радостно вдалеке ржать стал
Черные псы
Весело залаяли.
Дурной мальчик
По северной долине прошелся,
Шестьдесят вязанок дров принес,
По южной долине пробежал,
Пятьдесят вязанок дров приволок.
Большой костер разложил,
Семь одинаковых богатырей,
Семь одинаковых рыжих коней
На костре спалил.
Пепел, в землю зарыв,
Тяжелым камнем прижал,
«Бог Курбустан,
На небе живущий,
Тебя сотворил.
Плодородный Алтай
Силу непобедимого богатыря
Тебе дал.
Имеющий руки
Тебя не поборет.
Злой язык
Словами тебя не сразит.
За твое плечо ухватиться
Догоняющий богатырь не посмеет.
Богатыри, в засаде сидящие,
Выпустить стрелу в тебя
Побоятся», —
Алгыр-Мерген силач
Такие слова произнес.
Железный лук
Мальчику предложил,
Велел на охоту отправиться
Лучшими словами

Место охоты указал.
Дурной мальчик
Железный лук взял,
Конец стрелы заострил,
На охоту отправился.
С шестьюдесятью гранями
Железную гору перевалил —
Зверей не видно.
С шестьюдесятью заливами
Белое море кругом обошел —
Зверя не встретил.
Обидно мальчику стало.
Тихонько домой побрел.
Но вот на пастбище
Синюю корову
С такой же синей телкой
Увидел.
Тетиву натянул,
Стрелу выпустил,
Синюю телку убил.
Тушу на плечо взвалив,
Ко дворцу Алгыр-Мергена принес,
Весело сказал:
«Вот моя добыча!
Шкуру снимайте,
Мясо варите!»
«Думали — скот разводить будем,
А приемный сын.
Последнюю телку убил...
Думали — к слепым
Свет пришел,
А вышло иначе.
Злой дух этот ребенок!
Пускай он уйдет от нас,
Куда глаза поведут», —
Алтын-Чачак

Алгыр-Мергену силачу
Так шепнула.
«Старуха моя, не печалься.
Все равно
Одна телка
Не долго бы нас прокормила.
Пусть сын наш стрелять учится», —
Слепой силач
Так супругу утешал.
Жирное мясо телки
В бронзовой чашке варить стал.
Когда над горами солнце поднялось,
Дурной мальчик
Вновь на охоту отправился.
Шесть дней по горам бродил,
Ни одного зверя не встретил.
Седьмой день
Ничего охотнику не принес.
На восьмой день
Дурной мальчик домой побрел.
На поляне синюю корову увидел.
Тетиву натянул,
Сердце коровы прострелил,
Тушу в одной руке
Во дворец принес,
Новому своему отцу Алгыр-Мергену,
Новой своей матери Алтын-Чачак
Весело сказал:
«Добычу мою возьмите».
Старуха Алтын-Чачак
Руками добычу ощупала,
Свою синюю корову узнала.
«Думали — к слепым
Свет пришел,
К безногим ноги забрели.
А это беда

К нам приползла.
Злой дух этот ребенок.
Он последнюю корову нашу убил.
Белого молока нам больше не пить,
Ясного солнца не видеть», —
Старуха Алтын-Чачак
С горькой злобой шестьдесят раз
Слепого силача выругала.
«Супруга моя!
Не о чем тут печалиться.
Скот человека кормит,
А малого ребенка
Родитель воспитывает.
Пусть единственный сын наш
Стрелять учится.
Кошма вытянется —
Широкой будет.
Человек подрастет —
Умным станет.
Много времени не пройдет —
Он своею силой
Нас обрадует», —
Алгыр-Мерген силач
Супруге своей
Такой ответ дал.
Жирное мясо синей коровы
В бронзовом котле сварил.

**
*

На берегах белого моря
С шестьюдесятью заливами
Дурной мальчик
Каждый день охотился.
Однажды
На вершине шести гор

Шестьдесят маралов увидел.
Каждый марал
Рога с шестьюдесятью ветвями
На голове своей
Гордо нес.
Сердце охотника разгорелось,
Он тетиву натянул,
Медной стреле наказ дал:
«Всех маралов не убивай,
Одного из шестидесяти
Живым оставь».
Медная стрела
Наказ охотника выполнила:
Пятидесяти девяти маралам
Грудь пронзила,
Шестидесятого не коснулась.
Охотник
Убитых маралов
На плечо взвалил,
Домой принес,
Весело сказал:
«Родители мои!
Маралов обдирать
Выходите».
Алгыр-Мерген силач,
Супруга его Алтын-Чачак
Из белого дворца вышли
«Потухший очаг
Вновь разгорелся.
К умершему жизнь пришла,
К слепому глаза вернулись,
Безногому ноги нашлись», —
Охотника такими словами
Старики встретили.
Шкуры с убитых маралов
Осторожно сняли,

Спинные жилы
Для ниток приберегли.
Мясо над огнем высушили.
Давно радости не знавшие,
Тут старики обрадовались.

Однажды слепой силач
Из лунообразной сумки
Семигранную медную стрелу достал,
О солнце и луну наточил.
«Милый ребенок!
Моим глазам
Ты свет принес.
В мои жилы
Свежую кровь влил.
Эту стрелу тебе дарю.
С этой стрелой
По Алтаю пройдишь.
Может, хорошего коня найдешь,
Хорошую одежду отыщешь».
«Отца и мать
Вы мне заменили.
Совет мой послушайте:
В красный бархат
Медную стрелу заверните,
Никому не показывая,
В чистое место спрячьте.
Мне же, прошу вас,
С восьмьюдесятью двумя отверстиями
Золотую свирель,
С пятьюдесятью двумя отверстиями
Деревянную свирель
Подарите.
Тогда до конца своей жизни

Вас не забуду.
В течение десяти поколений
Буду вас в песне славить», —
Дурной сын так сказал.
Алгыр-Мерген
Ни слова не произнес,
Обе свирели достал,
Медленно ему подал.

**
*

Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую
Черный сын
Обе свирели взял,
К белой горе
По берегу белого моря
Быстро зашагал.
Через несколько дней,
Через несколько ночей
На вершину белой горы
Поднялся.
На золотой свирели
С восьмьюдесятью двумя отверстиями
Играть стал.
Восемьдесят два разных звука
Долины Алтая наполнили.
Разные звери собрались,
Разные птицы прилетели
Свирель слушать.
Шестьдесят ханов
Свирель слушали,
Семьдесят ханов
Песню свирели ловили.
Сердца их

Сладко от боли замирали.
На вершине белой горы
Ствол кедра в шестьдесят обхватов
Медленно раскрываться стал.
Из расщелины кедра
Красивее луны девушка
На мгновение
До пояса показалась.
Это увидев, дурной мальчик
На свирели играть перестал,
Мысли свои позабыл,
С горьким ядом крикнул:
«Мужчиной я родился,
Среди народа
Придется мне жить.
Но где моя одежда?
Где конь мой крылатый?
Отчего так быстро
Красивее луны девушка
Исчезла?»
От этого крика
Поверхность земли закачалась,
Шестьдесят ханов удивились.
У семидесяти ханов
Сердца чаще забились.
Много времени не прошло —
Луна потухла,
Солнце потемнело,
Дно неба расколосось,
Яркая молния заиграла,
Молодое сердце дурного мальчика
Испугалось,
Неокрепшие кости согнулись,
Ум ослаб.
Необ'езженный
Черно-мухортый конь

Прямо к мальчику бежит.
Одним ухом он
Белую тучу режет,
Другим ухом
Серую тучу бороздит.
На черно-мухортом коне
Серебряное седло,
Как лед, блестит,
Жемчужная узда
Ручьем переливается.
Шелковые кисточки развеваются,
Золотые кисточки горят.
Над зеленой травой,
Над пестрыми цветами
Золотой повод,
Как бабочка,
Мелькает.
Очнувшись, дурной мальчик
За повод хотел ухватиться,
Но черно-мухортый конь
Легкой рысью бегаёт,
Свежую траву щиплет,
К поводу не подпускает.
Целый месяц дурной мальчик
За черно-мухортым конем гонялся.
«Отчего ты такой,
Черно-мухортый конь?
Недразнящего ты дразнишь,
Над несмеющимся ты смеешься.
Если ты для меня сюда прибежал,
То за повод дай ухватиться,
Если для кого другого явился,
То с глаз моих скройся!» —
Так дурной мальчик крикчул.
И снова изо всей силы
За конем погнался.

Много времени не прошло —
За повод он ухватился.
Черно-мухортый конь испугался,
Еще быстрее побежал.
Имеющий чешую
Черный сын
О железную гору ногой оперся —
Гора пополам расколосась,
С шестьюдесятью заливами
Белое море
Крутые берега залило.
Только у входа в подземелье
Черно-мухортый конь остановился.
«Тебя, молодой храбрец,
В подземелье хотел я бросить,
Но юность твою пожалел», —
Так по-человечьи
Черно-мухортый конь сказал.
«Шибко ты не хвались!
Если бы ты попробовал
Еще бежать,
Я бы шею твою
В тонкий волос вытянул,
Кровь бы твою пролил», —
Дурной мальчик
С улыбкой так ответил.
От дорогого седла
Доспехи богатырские отвязал,
С восьмирядной чугунной подошвой
Сафьяновые сапоги надел,
Семь бархатных плащей
На плечи накинул,
Богатырским оружием вооружился,
Из-под подушки седла
Маленькую сумку достал,
С желтыми корками книгу

Из нее вынул,
Читать стал.
Имеющий собачью голову
Дурной сын,
Имеющий чешую
Черный сын —
Так последний раз его называем —
О себе прочел:
«Когда на дне трех небес
Ты был сотворен,
Когда от своих родителей
На Алтае ты появился,
Имя такое тебе было дано:
Богатырь Кара-Маас,
Ездящий на черно-мухортом коне.
Умереть — у тебя души нет,
Покраснеть — крови тебе не дано».
Узнав это, Кара-Маас
Удивился,
На черно-мухортого коня сел.
«Под седлом я необ'езжен,
Под потником я горячий,
Потфея меня щекочет.
Пока к седоку не привыкну,
В стороны буду бросаться.
В седле крепче сиди,
Мужской ум не теряй.
Если с моей спины не упадешь —
До самой смерти
Буду тебе служить,
Если упадешь —
До конца жизни своей
Будешь пешком бродить», —
Черно-мухортый конь
Такие слова сказал,
Чуткие уши прижал,

Вдаль пустился.
Где стоял — следы остались,
Куда побежал — следов не видно.
Богатырь Кара-Маас
За гриву ухватиться не успел,
В седле зашатался,
Сердце его дрогнуло,
Ум в смятенье пришел.
Очнувшись, богатырь увидел:
Черно-мухортый конь
По белой туче бежит.
Второй раз богатырь поглядел —
Черно-мухортый конь
По зеленой траве идет.
Третий раз глянул —
Черно-мухортый конь
На вершину горы поднялся,
На краю отвесной скалы,
Где копыта едва держатся,
Всем телом дрожа, остановился.
«Если бы дальше я поскакал,
Тогда бы ты, богатырь,
В бездну свалился.
Неокрепшие кости твои
В толкан бы превратились.
Со своею бы жизнью
Ты навсегда простился», —
Черно-мухортый конь,
Ласково глянув на богатыря,
Такие слова сказал.
Богатырь Кара-Маас,
Весело улыбаясь,
Такой ответ дал:
«Друг мой!
Шутки свои брось.
Если бы дальше ты побежал,

Неокрепшая твоя спина
Подо мной бы сломалась.
Счастье твое,
Что здесь ты остановился.
В течение четырех поколений
Теперь мы с тобой,
Как два товарища,
Дружно жить станем».
Непобедимым богатырем
Кара-Маас сделался.
На плечах у него
Пятьдесят табунов лошадей
Свободно могут пастись,
Между глаз у него
Пятьдесят отар овец
Гулять могут.
Брови его
Подобны радуге стали.
Кара-Маас
Черно-мухортого коня
Назад повернул,
К белому дворцу
Алгыр-Мергена силача
Быстро помчался.
Не успел Кара-Маас оглянуться,
Черно-мухортый конь
К белому дворцу подбежал.
Алгыр-Мерген силач
Сыну навстречу вышел,
Торопливо сказал:
«Милый мой сын!
Вижу, богатырем ты стал.
Но беда случилась:
На стойбище
Твоего родного отца Сары-Кана
Большая война зашла.

Лошадиная кровь
По колено поднялась.
Человечья кровь
До пояса поднялась.
На помощь к своим поезжай!»
Услышав это, Кара-Маас
Так дернул повод,
Что он, как летящая стрела, загудел.
Черно-мухортого коня повернул,
На дно неба поднялся,
В черную муху превратился.

Ездящий на черно-мухортом коне
Богатырь Кара-Маас
До знакомых мест долетел,
Где когда-то,
Кистями рук карабкаясь,
На животе, как змея, ползал.
В этих местах ему тогда,
Румян и красив,
Злой, как волк,
Богатырь встретился,
Ездящий на багрово-рыжем коне,
Злобно его бил.
Припомнив это, Кара-Маас
Снова в дурного мальчика превратился,
На животе пополз.
Вот опять злой богатырь,
Пальцем дно неба бороздя,
Прямо на мальчика едет,
Точно медведь, кричит:
«Опять ты животом траву мнешь,
Руками цветы срываешь,
Поганое животное!

Умереть — смерти тебе не дано,
В настоящего человека
Ты превратиться не можешь».
Богатырь, соскочив с коня,
Мальчика сильно ударил.
Но для второго удара
Плетку поднять не успел —
Дурной мальчик в богатыря превратился,
Плетку врага схватил.
«На свою силу надеясь,
Слабого человека не бей.
Красноречие имея,
Скромного человека не оскорбляй.
Если ты борец —
Давай поборемся,
Силами померяемся.
Если ты меткий стрелок —
Давай постреляем».
Неумеющий сердиться Кара-Маас
Сильно рассердился,
Ездящего на багрово-рыжем коне
Злого богатыря
Вместе с конем
На белое небо три раза поднял,
На синее небо вознес,
Потом до седьмого слоя
В землю вогнал,
Железной горой придавил,
Дальше вихрем помчался.
Не успел оглянуться —
К стойбищу своего отца Сары-Кана
Под'ехал,
Кругом смотреть стал.
Какая война здесь была —
Словами не передать:
Под корень деревья сломались,

Валезник в пыль превратился.
Бросив юрты,
Народ ушел,
Покинув пастбища,
Скот разбежался.
Кара-Маас богатырь
Быстро дальше едет.
Лошадиная кровь до пояса,
Человечья кровь до колен поднялась.
Трупы лошадей,
Точно высокая гора, лежат.
Тела убитых людей,
Точно красная гора, тлеют.
Кара-Маас дальше едет.
Вот он видит —
Труп бело-солового коня,
Труп Сары-Кана
Рядом на траве валяются.
«Кровь родного сына
Из золотой чашки пивший,
Прославленный мой отец,
Грозный Сары-Кан,
Как это ты поддался?» —
Кара-Маас богатырь,
Так сказав, громко засмеялся.
Задерживаться не стал,
Быстро дальше поехал.
Много времени не прошло —
Снова увидел:
Три одинаковых соловых коня,
Раскинув ноги, лежат.
Три желтых брата,
Разметав руки, валяются.
«Дурного мальчика
На дереве повесить хотевшие,
Братья мои,

Почему с другими ханами не воюете?
Зачем так рано погибли?
Почему с другими богатырями не
боретесь?

Зачем так рано
Навек заснули?» —
Кара-Маас богатырь,
Насмешливо так сказав,
Дальше поехал.
Вдалеке увидел:
С высоты белый туман
На землю садится,
С земли черная пыль
На дно неба поднимается.
Кровавая битва в долине кипит.
Вдруг около черной бездны
Такие слова слышались:
«Иглою в мой палец не впиваясь,
Живая стрела, лети!
Наперстком на моем пальце
Не задерживаясь,
Живая стрела, врага срази!
Не я тетиву натягиваю
И стрелу не я выпускаю:
Это ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
Рукою моей
Врагов поражает!»
Алтын-Тану по голосу
Кара-Маас богатырь узнал,
С семьюдесятью семью узорами
Железный лук взял.
Туго тетиву натянул,
Живую стрелу выпустил.
Любившим лошадиную кровь проливать,
Жаждавшим человечесю кровь пить,

Двум одинаковым ханам
По имени Том-Бейлер
Живая стрела грудь пронзила.
Легкие ханов
На воздух пылью вылетели.
Два одинаковых белых коня,
На которых ездили ханы,
Пополам разорвались.
Не останавливаясь, живая стрела
Дальше летела,
Поверхность Алтая зажгла.
Черно-мухортый конь
Едва эту стрелу нагнал,
Пóтом своим пожар потушил.
«Неосторожный мой друг!
Зачем с такой силой
Стрелу выпускаешь?
Кое-как я ее нагнал.
Молодое тело мое
В погоне совсем ослабло,
Сила моя истощилась», —
Черно-мухортый конь
Такие слова сказал.
Алтын-Тана
К богатырю подошла,
Радостно проговорила:
«Крови моей ты не дал пролиться,
Тонкую, как волос, душу мою
От смерти ты спас.
Руку свою мне дай,
Крепко поздороваемся.
Правую щеку подставь,
Сладко тебя поцелую».
Ездящая на бело-чубаром коне
Молодая Алтын-Тана
Кара-Мааса богатыря

В обе щеки поцеловала.
Сердце ее
Чаще забилося,
По румяным щекам
Теплые слезы потекли.
«Богатырь мой!
Враг наш теперь уничтожен.
Если живы будем —
Второй раз встретимся.
Если на стойбище
Моего дяди Алгыр-Мергена силача
Беда забредет,
На далекое расстояние крикни —
Я тотчас услышу.
На широкое расстояние
Руку протяни —
Я свою подам», —
Алтын-Тана, так сказав,
На бело-чубарого коня села,
Над землею поднялась,
В золотую муху превратилась,
В белой туче исчезла.
Кара-Маас богатырь,
Целые сутки не шевелясь,
Вслед ей смотрел.
Путь ее золотой ниткой тянулся.
Очнувшись, богатырь
На черно-мухортого коня сел,
Повод натянул,
В черную муху превратился,
На стойбище Алгыр-Мергена силача
Быстрей ветра полетел.

Много времени не прошло —
Кара-Маас богатырь

К белому дворцу подъехал,
Не слезая с коня,
Громким голосом
Алгыр-Мергена спросил:
«Отец мой!
Не скажешь ли ты мне,
Где стойбище Боодый-Бурхана,
Что всех вас слепыми сделал?
Не расседывая коня,
К нему я поеду,
Силою с ним померяюсь,
За вас ему отомщу».
«Дорогой богатырь!
Место стойбища Боодый-Бурхана
Не могу тебе указать.
Но слово мое выслушай:
Единственный, как головка стрелы,
Родной сын у меня был.
Он мне дороже глаз,
Жизни ценнее.
Две ядовитых змеи,
По долинам Алтая ползая,
Его у меня украли.
Самка-змея
Сына моего проглотила.
Если ты этих змей уничтожишь,
Если ты сына
Живым ко мне приведешь, —
На всю жизнь меня осчастливишь,
Врагам моим отомстишь», —
Ездящий на бело-соловом коне
Алгыр-Мерген силач
Такой ответ дал.
Кара-Маас богатырь,
Слов старика до конца не дослушав,
Крепкий повод натянул,

Быстрее выпущенной стрелы
На стойбище двух змей помчался.
Безбрежных морей
Хвостом не задевая,
Каменистых гор
Копытами не касаясь,
День и ночь коня не расседывая,
Богатырь ехал.
Вдруг черно-мухортый конь остановился,
Правое ухо в небо насторожил,
Левым ухом
Землю слушать стал.
«Днем ты — мой крылья,
Ночью ты — мой товарищ.
Скажи, — может, запах смерти почуял?
Или счастье предвидишь?» —
Кара-Маас богатырь
Черно-мухортого коня спросил.
«Запаха смерти не чую,
Счастливую жизнь не предвижу.
Начиная с этого места
Путь наш опасным будет.
Две ядовитых змеи
На годичном расстоянии
Наш запах почуют,
К нам навстречу
Вихрем полетят.
Свет луны затмится,
Солнечный свет потухнет.
Между глаз самки-змеи
Родимое пятно с кулак величиной,
Точно звезда,
Блестеть будет.
В этом пятне
Злая душа обеих змей живет.
Попадешь стрелой в это пятно —

В родимое пятно
Стрелу выпустил.

Два хана конец меча шохаюг,
Лезвие сабли лижут.

Кара-Маас. К стр. 281

Победителем будешь,
А если промахнешься —
Жизнь наша кончится», —
Черно-мухортый конь сказал.
«Если подсказать мне
У тебя мудрое слово найдется,
Если метко стрелу пустить
Ко мне уменье придет,
Тогда победа за нами будет», —
Кара-Маас богатырь
Такие слова сказал,
Дальше свой путь повел.
Через шесть морей перелетев,
Через шесть гор перевалив,
Кара-Маас увидел:
Небо тучей заволоклось,
Долина мраком покрылась,
Вся земля закачалась.
Две ядовитых змеи,
На годичном расстоянии почуяв,
На месячном расстоянии увидев,
Навстречу богатырю
Вихрем летят.
У самки-змеи на переносице
Родимое пятно звездой блестит.
Кара-Маас богатырь
С черно-мухортого коня слез,
С семьюдесятью семью узорами
Железный лук взял,
Туго тетиву натянул,
Лицо его напряглось,
На спине лопатки соединились, —
В родимое пятно .
Стрелу выпустил.
Живая стрела
В цель угодила.

На месячное расстояние вперед пролетев,
Самка-змея заертво упала,
На двухмесячное расстояние пролетев,
Самец-змея умерла.
Черно-мухортый конь
Еле стрелу нагнал.
Ласково на богатыря поглядел,
Такие слова произнес:
«Говорил я тебе, —
Стреляй осторожней.
Ой, с какой силой стрелу пускаешь!
Молния ее не догонит...»
Кара-Маас богатырь
К убитым змеям подъехал,
Острой саблей
У самки-змеи живот распорол.
Многочисленный народ
Из живота змеи вышел.
Большинство народа
Кара-Мааса благодарит,
Меньшинство ругает:
«В животе змеи спокойно мы жили,
Зачем ты на свет нас вывел?»
Вместе с этим народом
Из живота змеи
Богатырского вида
Человек вышел.
«Я — внук Эрлик-Бия,
Имя мое — Кыяанару,
Вечно в утробе змеи я жил.
Зачем ты на свет меня выпустил?
Погоди, Кара-Маас,
Мы еще с тобой встретимся,
Силой померяемся.
Твое стойбище я разорю,
Длинную коновязь сломаю».

Сказав это, Қыйанару
В белую бабочку превратился,
На дно неба поднялся.
Вслед за этим
Из живота змеи
Еще один богатырь вышел.
В правой руке он
Клочки синей шубы
Крепко держал.
«С тобой, Кара-Маас,
В течение трех поколений
Друзьями верными будем.
Подушку под голову тебе подложу,
Под бок постель постелю.
Молодого меня на свет ты выпустил.
Много лет среди народа живи,
Уважением пользуйся!»
Так сказав, богатырь
В золотую муху превратился,
В белой туче исчез.
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
К самцу-змее подъехал,
Черной стальной саблей
Живот ей распорол.
Многочисленный,
Черному лесу подобный,
Из живота змеи народ вышел.
Большинство этого народа
Кара-Мааса благодарит,
Меньшинство злобно ругает.
«В животе змеи хорошо нам жилось,
А ты, подлец, на свет нас вывел!»
Вместе с этим народом
Из живота змеи девушка вышла.
Если она назад поглядит —

Красивее луны делается,
Если вперед посмотрит —
Лицо ее ярче солнца горит.
Синяя шуба на девушке,
У шубы подол оторван.
На груди золотые пуговицы блестят,
Жемчужные пуговицы сверкают.
«Свет луны мне показавший,
Свет солнца возвративший,
Покраснеть — крови не имеющий,
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь!
Вовеки тебя не забуду.
Под голову тебе подушку подложу,
Под бок тебе постель постелю.
У бедного отца моего Тер-Киндика
Единственной дочерью я была.
Имя мое — Тельбер-Кара.
Однажды
С сыном Алгыр-Мергена силача, —
Алтын-Белек богатырем,
Ездящим на бело-сивом коне,
Погулять я вышла.
Суждено нам было
В одном аиле с ним жить,
У одного огня греться.
Среди густого леса мы брели,
Зеленую траву наклоняя,
Яркие цветы рвали,
О будущей совместной жизни беседовали.
Вдруг две ядовитых змей
На нас набросились.
Про любовь мы тогда забыли,
Ласковые слова потеряли.
Алтын-Белек богатырь,
Чтобы спасти меня от змей,

За подол шубы моей ухватился,
Но самка-змея его проглотила.
Ключья от моей шубы
В руках у Алтын-Белека остались.
Меня самец-змея проглотил.
С той поры
С Алтын-Белеком мы не видались.
Ну, будь здоров, Кара-Маас!
Может, скоро увидимся».
Так сказав, девушка
В быструю осу превратилась,
На дно неба поднялась.
Победив ядовитых змей,
Кара-Маас богатырь
На черно-мухортого коня сел,
На стойбище Алгыр-Мергена
Помчался.

**
*

К белому морю
С шестьюдесятью заливами,
К белой горе
С шестьюдесятью острыми вершинами,
Ночью сна не зная,
Днем не отдыхая,
Кара-Маас богатырь приблизился.
С пятьюдесятью молодцами провожатыми,
С пятьюдесятью молодыми женщинами,
Песни поющими,
Ездящая на бело-чубаром коне
Молодая Алтын-Тана
Здесь Кара-Мааса встретила,
Белый ковер для него раскинула,
В золотой чашке чегень поднесла.
Пятьдесят молодцов

Черно-мухортого коня под уздцы взяли,
Пятьдесят молодых женщин
Звонкую песню запели.
Под конец встречи
Все к белому дворцу
Алгыр-Мергена двинулись.
Словно тысяча лошадей бежала,
Так гулок их топот был.
Словно сто богатырей шумели,
Так громок их говор был.
Кара-Маас издали увидел:
Около белого дворца Алгыр-Мергена
Два новых выросли.
Многочисленный,
Черному лесу подобный,
Народ там кипел.
Не успел Кара-Маас
С коня соскочить,
Алтын-Тана так ему сказала:
«Дорогой мой богатырь!
С восемьюдесятью двумя отверстиями
Золотую свирель возьми,
С пятьюдесятью двумя отверстиями
Деревянную свирель достань,
На белую гору поднимись.
Сначала на деревянной,
Потом на золотой свирели
Игру начни.
Может, игрою
Счастье к себе призовешь,
Может, радостную жизнь увидишь».
Слов Алтын-Таны
До конца не дослушав,
Кара-Маас богатырь
Пятьдесят два отверстия имеющую
Деревянную свирель,

Восемьдесят два отверстия имеющую
Золотую свирель
В лунообразную сумку положил,
На вершину белой горы помчался.
Днем отдыха не имея,
Ночью глаз не смыкая,
Вихрем летел.
На вершине белой горы,
На зеленой лужайке,
Перед кедром в шестьдесят обхватов
Остановился,
С черно-мухортого коня слез.
Деревянную свирель
С пятьюдесятью двумя отверстиями
К губам приложил.
Пятьдесят два нежных звука
В стройную песню соединились,
Слух народа ласкают.
Луннокрылые птицы
Кормить птенцов перестали,
Дикие звери
К детенышам подойти забыли —
Звонкую свирель слушают.
Кара-Маас богатырь видит:
Ствол столетнего кедра
Медленно раскрылся,
Красавица-девушка
На мгновенье из кедра показалась,
Снова быстро исчезла.
Кара-Маас богатырь
Из лунообразной сумочки
Золотую свирель достал.
На золотой свирели,
Восемьдесят два голоса перебирая,
Играть начал.
Луннокрылые птицы

Слушать свирель прилетели,
Друг дружке на крылья садятся.
Дикие звери
Со всего Алтая собрались,
Вокруг богатыря толпятся,
Друг другу на лапы наступают.
Шестьдесят ханов, на Алтае живущих,
С удивлением игру слушают.
У семидесяти ханов, на земле обитающих,
Сильно сердца застучали.
На сухих деревьях
Зелено-шелковые листья развернулись.
На бесплодной земле
Бесчисленные цветы расцвели,
Молодые деревья
Верхушки согнули — слушают,
Высокие горы
Вершины склонили — слушают.
Белое море,
Шестьдесят заливов имеющее,
Затихло.
Ясное солнце
В синем небе остановилось.
Луна раньше времени
Из-за горы вышла.
Ветер тучи гнать перестал;
Тучи и ветер
Золотую свирель слушают.
Вот столетний кедр,
Толщиной в шестьдесят обхватов,
Грудь свою широко раскрыл.
Красавица-девушка
Из могучего кедра появилась.
Быстро к богатырю подбежала,
Нежным голосом проговорила:
«Пуповины у нас

В один день резаны,
Ресницы наши
Одновременно затрепетали.
Душа у нас, богатырь,
С тобою одна.
Жизни наши, богатырь,
Мы соединить должны.
Ты — огонь глаз моих,
Ты — кровь моей груди,
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь.
Погибающую меня
Ты спас,
Угасающий мой огонь
Ты зажег.
Зовут меня Кумуш-Тана.
Я дочь Алгыр-Мергена силача,
Ездящего на бело-сивом коне», —
Красавица-девушка
Кара-Маасу так говорила,
Слезы радости у нее
По румяным щекам текли.
«Милая моя Кумуш-Тана!
Солнце и луна на нас смотрят,
Счастье наше видят.
Жизни наши теперь
Неразлучны сделались.
Одну постель
Будем с тобою постилать,
У одного очага
С тобой будем греться», —
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
Девушке так сказал.
За правую руку взял ее,
В правую щеку поцеловал,

На коня с собой посадил.
К стойбищу Алгыр-Мергена силача
Они поехали.
Счастливец черно-мухортый,
Молодую траву не топча,
Красивых цветов не ломая,
Мягкой рысью побежал.

**
*

Не успели они до стойбища доехать —
Шестьдесят юношей,
Шестьдесят женщин молодых
С песнями навстречу вышли,
Белый полог вынесли.
Впереди них
Алтын-Тана богатырша,
Ездящая на бело-чубаром коне,
В золотой чашке чегень поднесла,
Молодым людям сказала:
«Пусть подолы ваших шуб
Дети постоянно топчут,
Пусть вокруг вашего аила
Бесчисленный скот пасется».
На стойбище Алгыр-Мергена силача
Большой той начался,
Две свадьбы враз зашумели:
Свадьба Кара-Мааса с Кумуш-Таной,
Свадьба Алтын-Белека богатыря
С Тельбер-Карой девицей,
Которых Кара-Маас богатырь
От семиглавых змеев спас,
На белый свет вывел.
Великий той, как река, шумит:
Музыканты весело играют,
Песенники песни поют,

Сказочники сказки говорят.
Сын Алтын-Таны богатырши,
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь,
Обеими свадьбами руководит.
Всюду ему поспеть надо,
Полю шубы его
Беспрестанно о колени бьются.
Богачей в шелковых шубах
Кан-Алтын у дверей усаживает,
Бедняков в старых истертых шубах
На почетное место ведет.
Семь лет
Шумный той продолжается,
Семьдесят народов,
От змеев спасенных,
На той сошлись.
Арака у них,
Как море, течет,
Кушанья разные
Горами лежат.
Семьдесят народов пируют,
Кара-Мааса благодарят:
«Угасающий огонь наш
Ты зажег,
Умирающих нас
Ты оживил,
Солнечный свет нам показал,
Ездящий на черно-мухортом коне
Прославленный Кара-Маас богатырь!
Внуки наши
С благодарностью о тебе вспомнят,
В течение долгих веков
Память о тебе сохранится!» —
Народы, на той приехавшие,
Так богатырю говорили,

Счастье на лицах у них,
Словно заря, светилось.
Но не все на великом тое
Яркое солнце видели:
Алгыр-Мерген силач,
Жена его Алтын-Чачак,
Черные псы сторожевые,
Конь слепой бело-сивый
Света солнечного не видели,
Лиц счастливых не видели,
Только сердцем радоваться могли.
Вот большой той закончился,
Народ расходиться стал.
Кара-Маас богатырь,
Крутые брови нахмутив,
Так сказал:
«Время теперь настало
Врагов нашего отца разыскать,
Всех до одного уничтожить.
Время сейчас наступило
Солнце незрячим показать,
Зрение слепым возвратить».
Не успел Кара-Маас
Последнее слово сказать,
Единственный сын Алтын-Таны,
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь,
Вдруг, словно дым, исчез,
Куда ускакал — никто не видел.
Не успел Кара-Маас оглянуться —
Сын Алгыр-Мергена силача,
Ездящий на бело-сивом коне
Алтын-Белек богатырь,
Тоже, как туман, растаял;
Куда умчался — никто не видел,
В какую долину отправился —

Никто не знал.
«Разве я не могу ускакать,
Куда друзья мои ускакали?
Разве конь мой других коней хуже,
Что я последний остался?» —
Кара-Маас богатырь
С горьким ядом крикнул,
Пронзительно свистнул,
За повод коня схватил,
В стремя ногу вдел.
Тут Алтын-Тана
Черно-мухортого за повод поймала,
За пояс Кара-Мааса держит,
Так ему говорит:
«Два богатыря, вперед ускакавшие,
К едзящему на серо-заячем коне
Боодый-Бурхану отправились.
Боодый-Бурхан
На годичном расстоянии услышит,
На месячном расстоянии увидит,
Что к нему с войной едут.
Из-за шестидесяти гор
От восьми глаз Боодый-Бурхана
Яркие лучи покажутся.
Твердо надо вам помнить:
Прямо в глаза ему не глядите,
Взявшись бороться с ним,
В землю смотрите.
Только тогда, богатыри славные,
Боодый-Бурхана победите».
Так сказав, Алтын-Тана
С Кара-Маасом простилась,
Долиноподобную ладонь ему пожала.
Кара-Маас богатырь
Жемчужный повод рванул,
На стойбище Боодый-Бурхана

Быстрее ветра умчался.
Богатыри-женихи уехали,
Молодые невесты остались.
Жгучие слезы у них
На ресницах заблестели.

**
*

Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
Шестьдесят рек перебрел,
Шестьдесят гор перевалил.
Вдруг из-за семи гор,
Из-за семи морей
Восемь глаз Боодый-Бурхана,
Словно восемь лун, засверкали.
Боодый-Бурхан
На серо-заячьем коне
Навстречу Кара-Маасу едет,
Обидные слова говорит,
Над богатырем издевается:
«Сплетник, видно, хороший —
Потому и в глаза не смотришь,
Лгун ты, верно, отменный —
Потому и в землю глядишь».
Но Кара-Маас богатырь
Совет Алтын-Таны помнит,
В глаза Боодый-Бурхана
Не глядит.
Боодый-Бурхан
Ближе подъехал,
Самые обидные слова
Богатырю говорит:
«У вдовы одинокой
Сапоги ты, наверно, стащил,
У двухлетнего ребенка

Пищу, наверно, отнял —
Встречным людям в глаза
Поэтому не глядишь».
Несердящийся Кара-Маас
Рассердился,
Негневающийся
Разгневался:
Прямо в глаза врагу
Кара-Маас глянул.
Сразу Кара-Маас
Богатырский ум потерял,
В глазах его свет потемнел.
Что было потом —
Ничего больше не помнит.
Только тогда очнулся,
Когда у Боодый-Бурхана
Водоносом стал.
В руках у него
Ведро из коровьей шкуры,
День и ночь богатырю
Приходится воду носить.
Видит Кара-Маас
Друзей, вперед ускакавших:
Вот Кан-Алтын богатырь,
Ездивший на черно-гнедом коне,
Дырявую шубу надел,
Стадо коров пасет.
Вот Алтын-Белек богатырь,
Ездящий на бело-сивом коне,
Отару овец гонит,
Твердый курут грызет.
Боодый-Бурхан хан
На золотом троне сидит,
Над богатырями злобно издевается:
«С богом Курбустаном
Каждый день я беседу имею.

Чтобы меня победить,
Богатыря на свете не найдется.
Всесилен я и могуч,
Все в своих руках держу».

**
*

Дни за днями проходят.
Топота коней не слышно,
Богатыри обратно не едут.
Алтын-Тана богатырша,
Ездящая на бело-чубаром коне,
Мудрую грамоту взяла,
Жизнь богатырей смотрит.
В мудрой грамоте говорится:
«Богатыри ускакавшие
В руки врага попали,
Боодый-Бурханом побеждены.
Двое пастухами сделались,
День и ночь за скотом ходят;
Один водоносом стал,
Хану воду таскает.
Славные богатыри
В рабов превратились,
Славные кони богатырей
Водовозными клячами сделались».
Не успеть из кремня искру высечь —
Так быстро Алтын-Тана богатырша
На бело-чубарого коня вскочила,
К стойбищу Боодый-Бурхана
Быстрее вихря поскакала.
Боодый-Бурхан
На годичном расстоянии узнал,
На месячном расстоянии увидел.
Из-за семи гор,
Из-за семи морей

Восемь глаз Боодый-Бурхана,
Словно восемь лун, заблестели.
Алтын-Тана богатырша
На луку седла смотрит,
От гривы коня глаз не подымает,
Навстречу Боодый-Бурхану
Быстрее стрелы летит.
«Словно невеста, насильно увезенная,
Стыдлива ты, видно.
Словно воровка,
В глаза поглядеть боишься.
К неженатому мне
Жена сама приехала!» —
Боодый-Бурхан
Издавека так говорит,
В победу свою крепко верит.
Девятигранную плетку
Высоко вверх поднял,
Алтын-Тану богатыршу
Одним ударом хочет убить.
Поднятую руку не успел опустить,
Алтын-Тана богатырша
Девятигранную плетку
Из рук Боодый-Бурхана вырвала,
Через семь гор,
Через семь рек бросила,
С коня спрыгнула,
За плечо Боодый-Бурхана
Крепкой рукой взяла.
Борьба у них завязалась,
Битва у них закипела.
Высокие горы разрушая,
Широкие моря расплескивая,
День и ночь без отдыха
Богатыри боролись.
Конь Алтын-Таны богатырши,

Счастливец бело-чубарый,
Серым ястребом в небо взвился,
К белому морю,
Шестьдесят заливов имеющему,
Прилетел,
На белую гору,
Шестьдесят вершин имеющую,
Поднялся.
Из белого моря
Целебной воды глотнул,
На белой горе
Целебной травы сорвал;
На стойбище Боодый-Бурхана
Быстрее молнии возвратился,
Целебную воду
Дал богатырям выпить,
Целебную траву
Дал коням пожевать.
Ездящему на черно-мухортом коне
Кара-Маасу богатырю,
Ездящему на черно-гнедом коне
Кан-Алтыну богатырю,
Ездящему на бело-сивом коне
Алтын-Белеку богатырю
Богатырский ум вернул,
Богатырскую силу возвратил.
Ноги у них
Крепко на земле встали,
Руки у них
Как железо твердыми сделались.
На помощь Алтын-Тане они бросились
Боодый-Бурхана
На четыре части разорвали,
Серо-заячьего коня
В четырех местах пересекли.
Не успел Кара-Маас оглянуться,

Ездящий на бело-сивом коне
Алтын-Белек богатырь
Сразу после битвы исчез;
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь
В черную муху превратился,
На дно неба поднялся;
Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана богатырша,
Слова не сказав,
Черной ласточкой улетела.
Кара-Маас богатырь,
Ездящий на черно-мухортом коне,
Луннообразную сумочку открыл,
Мудрую грамоту из нее вынул.
Вот что прочел:
«Внук Эрлик-Бия,
Ездящий на багрово-рыжем коне
Кыйанару богатырь,
Войной на Кара-Мааса идет,
За смерть двух змеев
Отомстить хочет.
Словно черный лес,
Кыйанару войско ведет.
Лица силачей
Красным пламенем пышут.
Дыханье коней,
Словно белый туман, стелется,
Словно частый лес,
Пики торчат,
Острые сабли,
Словно лед, поблескивают».
Тут вспомнил Кара-Маас,
Как он богатыря Кыйанару
Из живота змеи на свет выпустил,
Как богатырь Кыйанару

Унылых нас обрадовавший,
Милый зять наш, Кара-Маас,
Много веков на свете живи,
Перед врагом никогда не падай,
Врагов всегда побеждай».
Старики радостно засмеялись,
В обе щеки попеременно
Богатыря поцеловали.
Кара-Маас богатырь
Двум черным псам сторожевым
Живые глаза возвратил.
Семь лет солнца не видевшие,
Черные псы сторожевые обрадовались,
Разноголосо залаяли,
Белое море, шестьдесят заливов
имеющее,

По берегам обежали,
Вокруг белой горы
С шестьюдесятью вершинами
Несколько раз проскакали.
Кара-Маас богатырь,
С черно-мухортого коня не слезая,
К добрым старикам обратился:
«Прощайте, мои родные,
В трудный путь я сейчас отправляюсь.
Напутственные слова мне скажите,
Удачи мне пожелайте».
Черно-стальную саблю богатырь поднял,
Со стойбища ускакать хотел.
«На стойбище когда ты приехал,
Почему мне руки не протянул?
Почему со мной не поздоровался?
В аил почему не вошел?» —
Кумуш-Тана, жена молодая,
За повод коня схватила,
У богатыря так спрашивала.

Войско Кыйанару-богатыря,
Ездящего на багрово-рыжем коне,
Весь Алтай, как туча, покрыло.
От стрелы войско не падает,
От сабли оно увеличивается.
Воин, саблей разрубленный,
В двух воинов превращается.
Куда капля крови падает,
Там новый воин встает.
С войском этим воевать ускакавшие
Ездящий на бело-сивом коне
Алтын-Белек богатырь,
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь,
Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана богатырша
Стрелы почти все выпустили,
Острые мечи иступили,
Ни одного врага убить не смогли.
Руки у богатырей устали,
Лица у них потемнели.
На черные камни опираясь,
Окровавленные, еле стоят.
Увидев это, Кара-Маас
Богатырским гневом загорелся,
Богатырское сердце застучало.
Черно-стальную саблю
Высоко Кара-Маас поднял,
Черно-бобровую шапку
До ушей крепко надвинул,
На врагов бросился.
Туда проезжая,
Шестьдесят тысяч изрубил,
Сюда проезжая,
Пятьдесят тысяч голов снял.
Словно черный лес,

Вражеское войско не убывает.
От каждого удара
Все больше растет,
Коню копытом наступить негде,
Весь Алтай вражеским войском покрыт.
Вдруг Кара-Маас слышит
Голос черно-мухортого коня своего:
«На середину черного моря взгляни:
Девять голов имеющая
На середине черного моря
В берестяной лодке
Старая шаманка сидит.
Девять бубнов она в руках держит.
Силу она врагам нашим дает,
Жизнь врагов она
В руках своих сохраняет.
Если девятиглавую шаманку убьешь —
Наша победа будет,
Если стрела твоя мимо пролетит —
Беды нам не миновать».
Кара-Маас богатырь
На середину черного моря взглянул,
Девятиглавую шаманку увидел,
С семьюдесятью узорами
Железный лук взял,
Живую стрелу,
Алгыр-Мергеном подаренную,
На тетиву наложил,
В девятиглавую шаманку направил,
Тетиву отпустил.
От девятиглавой шаманки,
От девяти ее бубнов
Собакам глотнуть
Куска не осталось,
Иголкой задеть
Шкурки не сохранилось.

Над черным морем,
Словно черный дым, колдунья растаяла.
Увидев это, наши богатыри
На врагов разом бросились,
Черными стальными саблями
Направо и налево рубят.
Кровь лошадей убитых
До стремян поднялась,
Человеческая кровь
До пояса дошла.
Девять дней и девять ночей
Кровавая битва продолжалась.
Войско Кыйанару-богатыря
Все как один легло.
Вдруг земля закачалась,
Из-под земли крик послышался:
«Мужчин убивать повадившиеся,
Лошадей убивать пришедшие,
С вами я сам сейчас рассчитаюсь!
Я, внук Эрлик-Бия, хан подземный,
Умереть — души не имею,
Если вы силачи — поборемся,
Если стрелки меткие — постреляемся».
Ездящий на багрово-рыжем коне
Кыйанару-богатырь
Из-под земли с криком поднялся.
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь сказал:
«Я самый младший из вас,
Первый с Кыйанару схвачусь,
Силу его испробую».
На вершинах двух гор стоя,
С Кыйанару они схватились.
Большие горы разрушая,
Большие реки из берегов выплескивая,
Семь лет они борются —

Ни один на землю не падает,
Девять лет они сражаются —
Ни один в силе не уступает.
Когда десятый год пошел,
Внук Эрлик-Бия, Кыйанару могучий,
Кан-Алтын богатыря до белых туч
поднял,

До синего неба занес,
О черно-стальную гору хотел ударить.
«Теперь я возьмусь!» —
Ездящий на бело-сивом коне
Алтын-Белек богатырь крикнул,
Кыйанару за плечо поймал,
За воротник прихватил.
Заново битва началась.
Где горы стояли —
Там ровные долины образуются,
Где вода была —
Там серые пески остаются.
Когда седьмой год пошел,
Внук Эрлик-Бия, Кыйанару-богатырь,
Алтын-Белек богатыря
Выше белых туч поднял,
Выше синего неба занес,
По черно-стальной горе
Ударить хотел.
«Теперь я возьмусь!» —
Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана богатырша крикнула,
За руку Кыйанару схватила.
«Ты, поганая женщина,
Видно, стыда не имеешь!
Ты, последняя женщина,
С богатырем тягаться вздумала!» —
Ездящий на багрово-рыжем коне
Кыйанару-богатырь насмешливо сказал,

Алтын-Тану богатыршу
Два раза поднять попытался.
Руки Кыйанару согнулись,
Ноги его в землю ушли.
За плечи они ухватились,
За воротники взялись.
На твердой земле борются —
По щиколотки землю продавливают,
На мягкой земле борются —
Выше колен в землю уходят.
Семь лет они борются —
К земле ни один не склоняется,
Девять лет они борются —
В пыль ни один не падает.
Когда десятый год наступил,
Алтын-Тана богатырша
Кыйанару-богатыря
Выше белых туч подняла,
Выше синего неба занесла,
О черно-стальную гору ударила.
Черно-стальная гора пополам
раскололась,

А Кыйанару-богатырь
Цел и невредим с земли поднялся,
Борьбу продолжать хочет.
«Ах ты, враг лютый,
Напрасно я тебе добро сделал.
Солнце тебе показал напрасно.
За доброе ты мне злое платишь,
Народ на смерть выгоняешь.
Милости от меня не жди!» —
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь так крикнул,
У Алтын-Таны
Кыйанару-богатыря вырвал.
За плечи они схватились,

За воротники потянулись,
Новая битва закипела.
Семь лет боролись —
Поверхность земли загорелась,
Девять лет боролись —
Ледяные горы растаяли.
Когда десятый год наступил,
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
Кыйанару над землей поднял —
Белую тучу разогнал,
До синего неба поднял —
В дно неба вдавил.
О черно-стальную гору
С силой ударил —
Внук Эрлик-Бия пополам разлетелся,
Из живота его двухголовый змей
выполз,

К синему небу взвился.
Туловище Кыйанару на земле сидит,
Ноги его без туловища ходят.
Тогда Кан-Алтын богатырь
Богатырский свой лук поднял,
В догонку желтому змею
Живую стрелу послал.
Живая стрела, промаха не знающая,
Двухглавого змея настигла,
Пониже двух голов шею змее пронзила.
Туловище и ноги Кыйанару
Сразу на землю рухнули.
Багрово-рыжий конь Кыйанару
Тотчас на гриву упал,
Внук Эрлик-Бия Кыйанару
На рукав голову положил.
Убить Кара-Мааса задумавший,
Сам здесь конец нашел.

Большая война закончилась.
Четыре богатыря переглянулись,
Друг друга еле узнали:
Волосы на их головах
Сквозь шапки проросли,
Шерсть на спинах коней
Через потники пробилась.
Черные глаза богатырей
Помутились,
Красные губы у них
Побледнели.
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь
Отдохнуть после войны не подумал,
Так сказал:
«Пора мне жену, друга жизни найти,
На Сара-Тунба-Алтае
На хороших конях ездящие
Сто богатырей живут.
У ста богатырей этих племянница есть,
Кан-Тюлку, словно луна, красивая,
Ездящая на лисо-рыжем коне.
Ее сватать поеду, с полпути не
вернусь!» —

Так сказав, Кан-Алтын богатырь
На черно-гнедого коня вскочил.
«Ой, берегись, мой сын единственный!
Почему невесту себе
В других местах не поищешь?
Сколько богатырей ни ездили
Кан-Тюлку девицу сватать,
Туда — следы они оставляли,
Оттуда — следов у них не было.
Лучшие кони богатырей
На гривы свои падали,

Сами богатыри
На рукава свои головы положили.
Сто дядей Кан-Тюлку девицы
Всех женихов убивали.
Сто богатырей этих
Умереть — души не имеют.
Кровью истечь — крови не имеют.
Лучше бы ты, мой сын дорогой,
Эту мечту оставил,
В других местах
Себе невесту искал». —
Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана богатырша сыну сказала,
На глазах ее слезы показались.
Кан-Алтын богатырь
Слов матери не послушал,
На стойбище ста силачей
На Сары-Тунба-Алтай
Быстрее вихря помчался.
Оставшиеся богатыри
Коней своих повернули,
На стойбище Алгыр-Мергена силача
Поехали.

Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь
Ночью без сна,
Днем без отдыха скакал.
Через глубокие моря,
Через горные вершины
Черно-гнедой конь богатыря нес.
Вдруг счастливец черно-гнедой
остановился,
Длинным правым ухом

Белое небо слушает,
Длинное левое ухо
К земле опустил.
«Днем ты — мои крылья,
Ночью ты — мой товарищ,
Счастливец черно-гнедой.
Смерть ли нашу почувал,
О счастье ли нашем узнал ты?» —
Кан-Алтын богатырь коня спросил.
«Смерти нашей не чую,
Радости тоже не вижу, —
Конь богатырю ответил.
— На дороге нашей охрана выставлена:
Два силача великана
Черно-стальными саблями
Головы друг другу, упражняясь, секут,
Черно-стальными мечами
В печень друг друга колют,
С каждым ударом крепче становятся.
Как их минуем?
Хитрость какую найдем?»
«У тебя — мудрость,
У меня — сила и ловкость.
Правильный путь найдем,
Охрану невредимы минуем», —
Кан-Алтын богатырь
Другу-коню ответил.
Дальше они помчались.
Вот на месячном расстоянии
Двух силачей увидели.
Как силачей миновать,
Сразу придумали.
Черно-гнедой конь по земле покатался —
Маленькой лошадкой стал,
Кан-Алтын богатырь покатался —
В красивую девушку превратился,

На всем Алтае
Девушки такой не сыскать.
Шестьдесят шесть кос
По плечам красавицы выются,
Золотистые шелковые кисточки
Ручьями переливаются.
Вот красавица-девушка
К двум силачам подъехала.
«Постой, остановись, красавица,
Дочь какого хана ты будешь?
В какую долину отправилась?
Нам всю правду скажи». —
Пристально на девушку глядя,
Два силача спросили.
«Я, силачи, дочь Ай-Кана,
Среди народа
Жениха искать себе еду». —
Прямо в глаза силачей глядя,
Красавица-девушка ответила.
«Моей она будет!» —
Один великан крикнул.
«Нет, она будет моей!» —
Второй ответил.
Два силача спорить начали,
Черно-стальными саблями
Друг друга рубить стали,
Черно-стальными мечами
Друг друга колоть принялись.
Кан-Алтын богатырь
Каменную статую девушки
Около силачей поставил,
Сам незаметно мимо проехал,
Быстрее стрелы пущенной,
Слова быстрее сказанного
К стойбищу ста силачей помчался.
Сто силачей, сто братьев,

На лучших конях ездящие,
Топот черно-гнедого давно услышали,
Кан-Алтына давно увидели,
Навстречу ему выехали.

«Огонь глаз наших,
Кровь нашей груди,
Дорогой наш зять богатырь!
Давно тебя ждем.

У тебя с племянницей нашей,
Кан-Тюлку красавицей,
Одновременно ресницы открылись,
Пуповины в один час резаны».

Кан-Алтын богатыря
Сто силачей

С почетом под руки подхватили,
С коня сойти помогли.

В золотой чаше
Густое молоко ему подали.

Потом сто силачей

В один голос богатырю сказали:
«В шестиугольном белом дворце
Кан-Тюлку, племянница наша, живет.

К ней заезжай сначала,
Жемчужными словами обменяться,

Угощение ее отведать».

Ездящий на черно-гнедом коне

Кан-Алтын богатырь

Повод коня тронул,

К шестиугольному белому дворцу

Смело подъехал.

Вот он к трехгранной коновязи

Коня своего привязал,

Золотую дверь распахнул,

Золотой порог переступил.

Как молодая луна красивую

Кан-Тюлку девицу богатырь увидел,

Правую руку ей протянул,
Правой ее щеки
Теплыми губами коснулся.
Кан-Тюлку красавица
Нежную руку ему протянула,
На черных глазах ее
Светлые слезы заблестели.
Тихим голосом Кан-Тюлку сказала:
«Конь твой, красавец черно-гнедой,
На гриву здесь, верно, упадет.
Сам ты, богатырь молодой,
На рукав свою голову положишь.
Разве я одна девушка на свете,
Что из-за меня ты погибнуть хочешь?
Не лучше ли тебе, богатырь,
На родину поскорей вернуться?»
Кан-Алтын богатырь
Девушке так ответил:
«Лошадь не золотая,
Когда-нибудь пасть должна,
И богатырь не серебряный,
Погибнуть когда-нибудь должен.
За тебя, милая девушка,
С жизнью я расстаться готов,
Рядом с тобой, любимая,
Смерти я не боюсь».
Кан-Алтын богатырь
Девушке так ответил.
К силе сила прибавилась,
От любви смелость окрепла.
«Ни один богатырь,
Сватать меня приезжавший,
Живой отсюда не возвращался.
Кони богатырские
На гриву здесь падали.
Сами богатыри молодые

Все как один
На рукав свои головы положили.
Кости их,
Словно каменные горы, лежат.
Сто силачей, сто дядей моих,
Тебя убить постараются,
Десять аркытов яду тебе подадут,
Желтым ядом
Сердце тебе сжечь захотят.
На мужской стороне их дворца
Белая кошма расстелена.
Когда к ним во дворец попадешь,
По этой кошме смело пройди.
На женской стороне дворца
Черная кошма положена.
По черной кошме не ходи,
Ногой к ней не прикасайся.
Этот аркыт кожаный,
Из девяти бычьих шкур сшитый,
На груди у себя спрячь,
Поданный тебе яд
В него незаметно выливай.
Если меня, богатырь, любишь,
Мужем моим стать хочешь —
Твердо мои слова помни,
Советов моих не забывай». —
Кожаный аркыт, красавицей поданный,
Кан-Алтын едва успел спрятать, —
Сто силачей
Во дворец уже приглашают.
«Милый наш зять хороший,
Кан-Алтын богатырь!
Кушанья у нас готовы,
Твоего прихода ждут.
Народ наш на пир собрался,
Тебя, богатырь, все видеть хотят...»

Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь
До конца приглашения не дослушал,
Золотую дверь распахнул,
Золотой порог перешагнул
Во дворец ста силачей
Смело направился.
Сто юношей с комусами,
Сто красивых песенниц молодых
С почетом богатыря провожают.
Черно-мухортый конь
Так богатырю говорит:
«Узду мою
На луку седла не клади,
Длинный мой чумбар
К коновязи крепко не привязывай,
Пищей сладкой не увлекайся,
Лукавым словам не верь».
Но Кан-Алтын богатырь,
Словно глухой, не слышит,
Словно слепой, не видит,
Сам не знает, чему радуется,
На коня внимания не обращая,
Мимо идет.
Кан-Тюлку девица
Золотую дверь приоткрыла,
Кан-Алтын богатыря
Влажными глазами провожала,
В молодое сердце ее
Словно игла вошла.
Кан-Тюлку красавица
Медленно к коновязи подходит,
Повод черно-гнедого коня
С луки седла убирает,
Длинный чумбар красавица
От коновязи незаметно отвязывает.

Вот сто стражей дворцовых
Перед Кан-Алтын богатырем
Тяжелую дверь распахнули.
Сто подручников выбежали,
Под руки его подхватили,
Во дворец с почетом ввели.
Кан-Алтын богатырь
Золотой порог перешагнул,
Железный порог переступил.
Во дворец ста силачей
Смело вошел.
Сам не зная почему,
На женской половине дворца
Черную кошму
Правой рукой потрогал,
Правой полрой шубы задел.
Сто силачей навстречу
Из-за стола поднялись,
Долиноподобные ладони
Кан-Алтын богатырю протянули,
К столу его подвели,
На белый ковер усадили.
За золотым столом,
Кушаньями разными заставленным,
Разговор о свадьбе
Сто силачей завели.
За разговором мирным,
Вместо араки веселой,
Сто силачей желтым ядом
Черную чашку наполнили,
Кан-Алтын богатырю подали.
Кан-Алтын богатырь
Желтый яд одним глотком выпил.
Богатырский ум его помутился.
Совет Алтын-Тюлку красавицы

Он позабыл,
Про аркыт, на груди спрятанный,
Не вспомнил,
Яду в него не льет,
Слова необдуманно говорит:
«Если начали угощать,
Угощайте тогда как следует.
Если вам угощенья жалко,
Сейчас же от вас уйду!»
Кан-Алтын богатырь
Медные брови нахмурил,
Еще араки потребовал.
У ста силачей
Злоба в груди закипела,
Но, злобы своей не показывая,
Ласково они сказали:
«Дорогой зять наш, Кан-Алтын
богатырь!

Араки у нас
На девять лет хватит,
Развлечений у нас
На всю жизнь достаточно».
Девять аркытов яду
Враз они богатырю подали.
Не успели они рук опустить,
Кан-Алтын богатырь
Все одним глотком выпил.
Глаза богатыря,
Словно угли, красными стали.
Из ноздрей белое пламя вьется,
Изо рта красное пламя пышет.
«Если хотите угощать,
Араку скорее давайте.
Если угощенья жалко,
От вас сейчас же уйду!»
Кан-Алтын богатырь

Силачей бранить стал,
Ста силачам злобным
Кан-Алтын в лицо плюнул.
Сто силачей растерялись,
Слов сказать не находят,
Около богатыря
Боязливо они толпятся,
Ласково его уговаривают.
Черно-гнедой конь красавец,
Опустив голову, стоит.
Из глаз Кан-Тюлку девицы
Жгучие слезы, как ручьи, льются.
«Друг мой милый, богатырь молодой!
Неумерший — ты сейчас умрешь,
Непогибший — ты сейчас погибнешь.
Чем твою гибель видеть,
Лучше бы мне на свет не родиться.
А если бы и родиться,
Так уж только мужчиной сильным.
Зачем я красавицей родилась?
Зачем из-за меня богатыри
Смерть принимают?!»
Кан-Тюлку красавица
День и ночь беспрерывно рыдала,
Сквозь рыданья громкие
Эти слова выговаривала.
А сто силачей злобных,
Сто дядей ее ненавистных
Тайком меж собой решали,
Как богатыря погубить:
«У подножия семи гор,
Где семь дорог вместе сходятся,
Где семь морей вместе сливаются, —
Бледно-желтая старуха растрепанная,
Красноглазая шаманка, живет.
Девять аркытов яда

Девяносто лет она выдерживает.
Кроме этого яда
Ничем богатыря не убить.
За ядом смертельным
Отправиться сейчас же надо». —
Сто силачей, так решив,
Девять средних братьев
За девятью аркытами яда
К страшной старухе отправили.
Кан-Тюлку девица
Богатыря пощадить упрашивала,
Сжалиться силачей умоляла:
«Не вечно же мне рабыней
У вашего порога сидеть.
Когда-нибудь замуж
Должна же я выйти.
Не жалея лучших людей,
Зачем богатырей убиваете?
Лучших коней зачем
Заставляете жалобно ржать?»
Кан-Тюлку девица
Силачей напрасно упрашивала,
Слезы, не высыхая,
По щекам ее напрасно текли.
Вот девять средних силачей вернулись,
Девять аркытов яду принесли,
Снова Кан-Алтын богатыря
Угощать принялись.
Самый младший из ста силачей
На вершину черной горы поднялся,
За Кан-Алтын богатырем
Издали наблюдать стал.
Кан-Алтын богатырь
Девять аркытов желтого яда,
Девяносто лет выдержанного,
Одним глотком выпил,

Быстро на ноги встал.
«Людей убивать привыкшие,
Лошадей убивать повадившиеся,
Вы не силачи могучие,
Вы трусы, стыда не имеющие,
Подлецы, совести не знающие!» —
Кан-Алтын богатырь
С горьким ядом крикнул,
Пронзительно звонко свистнул.
Девяносто девять силачей,
Около очага сидящих,
Кан-Алтын обеими руками схватил,
Железный дворец ногой пнул,
Половину дворца разрушил.
Девяносто девять силачей
За семь гор и за семь морей,
Словно бабки, забросил.
До неба доходящую железную коновязь
В трех местах изломал,
Ближние горы в пыль растоптал,
На черно-гнедого коня вскочил,
По берегу черно-целебного моря
Вихрем помчался.
Вдруг богатырский конь
На гриву упал,
Сам Кан-Алтын богатырь
На землю лег,
На рукав голову положил.
Это увидев, Кан-Тюлку красавица
В тонкий волос превратилась.
Туда, где богатырский конь упал,
Где богатырь молодой погиб
Невидимо прилетела.
Из восьмирядной чугунной подошвы
Кан-Алтын богатыря
Черный пятигранный подпилоч вынула,

Высоко в небо бросила.
Пятигранный подпилон
В дно синего неба воткнулся,
Словно новая звезда,
В небе ярко засиял.

**
*

Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана богатырша,
Новую звезду в небе заметив,
Горько крикнула:
«Сын мой милый,
Кан-Алтын богатырь, погиб!»
На коня она быстро вскочила,
В белого ястреба превратившись,
В синее небо поднялась.
Увидев это, Кара-Маас богатырь,
Ездящий на черно-мухортом коне,
Черным беркутом обернулся,
Широкие крылья расправил,
С клетотом в небо поднялся,
Вслед за белым ястребом улетел.
Ездящий на бело-сивом коне
Алтын-Белек богатырь,
От друзей отставать не желая,
Быстрой ласточкой сделался,
Вслед за ним исчез.
Там, где черно-мухортый конь
На гриву упал,
Где Кан-Алтын богатырь
На рукав голову положил,
Беркут, ястреб и ласточка опустились,
Богатырский вид приняли.
Кара-Маас богатырь
Черно-стальную саблю взял,
Кан-Алтын богатырю

Широкою грудь пронзил
Алтын-Тана мать
Черно-стальные ножницы достала,
Черно-гнедому коню
Четыре копыта подрезала.
Из груди Кан-Алтын богатыря,
Из копыт коня черно-гнедого
В черно-целебное море
Яд побежал.
Черно-целебное море закипело,
Кан-Алтын богатырь,
Качаясь, на ноги встал,
Могучее тело расправил.
Черно-гнедой конь богатырский
Высоко голову поднял,
По белому песку покатался,
Зеленую траву щипнул.
Кан-Тюлку красавица
Пятигранный подпилочек с неба достала,
Кан-Алтын богатырю обратно
За девятирядную чугунную подошву
спрятала.
Не успели друзья встрече порадоваться,
За семью горами и за семью морями
Грозный шум послышался.
Это сто силачей злобных
Войной на них двинулись.
«Добром ли с вами встретимся,
Врагами ли вечными будем?
Если добром сродниться хотите —
Вкусную пищу варить давайте.
Как свиток бересты, тесно,
Как шов шелка, плотно
Дружить с вами станем.
Если вражду затеять хотите,
Луки возьмем — меткость проверим,

Грудь с грудью встретимся —
Силу свою испытаем».
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
Громко так крикнул,
Черно-целебное море заволновалось,
Черная гора закачалась.
С вершины горы
Камни посыпались.
Не успело эхо
От богатырского крика смолкнуть,
Сто силачей
Словно из-под земли вышли.
Черные пики их,
Словно частый лес, торчат.
Острые сабли их,
Словно лед, поблескивают.
Сто силачей, как туча,
Солнце закрыли,
Кровавую войну начали.
Ездящая на бело-чубаром коне
Алтын-Тана богатырша
С одного конца рубит —
Сама песни поет.
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
С другой стороны рубит —
Сам посвистывает.
Ездящий на бело-сивом коне
Алтын-Белек богатырь,
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь
С обоих боков рубят.
Как богатыри ни бьются,
Ни одного врага убить не могут.
Где капля крови прольется —

Там новый воин поднимается,
Войско вражеское растет.
Друзья-богатыри уставать стали,
Биться больше не могут.
Вдруг теплый ветер подул,
Теплый дождик закапал
На годичном расстоянии
Твердая земля закачалась,
На месячном расстоянии
Крик грозный послышался.
Ездящий на бело-сивом коне
Алгыр-Мерген силач
Быстрее вихря примчался.
Пот бело-сивого коня
Теплым дождиком падал,
Теплый ветер
Дыханьем Алгыр-Мергена был.
«Двум любящим сердцам
Почему соединиться мешаєте,
Почему один очаг
Зажечь им не даєте?
Зачем храбрых богатырей губите?
Последний раз спрашиваю!» —
Алгыр-Мерген силач,
Как гром, загремел,
Как водопад, зашумел.
Самые младшие из ста силачей
В ответ ему закричали:
«Племянницу свою без боя не отдадим,
Рабыню нашу покорную
Никому не уступим!»
Пуще прежнего война закипела,
Жарче прежнего забушевала.
Ездящий на бело-сивом коне
Алгыр-Мерген силач
Сслнцемудрую грамсту достал,

Лунномудрую грамоту вынул.
Вот что Алгыр-Мерген узнал:
«Среди войска ста силачей
На худом верблюде
Старик сидит.
Силу ста силачей
В своих руках держит,
Крови пролиться не дает».
Узнав это, Алгыр-Мерген
Железный лук взял,
Тетиву ременную натянул,
Трехгранную стрелу,
Промаха не знающую,
В старика-шамана пустил.
Сразу от старика-шамана
На земле следа не осталось, —
Как черная пыль,
Он улетел,
Словно туман,
Растаял.
Все сто силачей
Враз на землю упали,
Лошадиная кровь
До потников поднялась,
Людская кровь
До пояса дошла.
Но сто силачей не умерли,
Сто их коней не погибли.
Сто силачей по земле покатались —
В двух богатырей превратились.
Сто их коней покатались —
Двумя богатырскими конями сделались.
Один богатырь сказал:
«Я Ала-Марбас хан,
На медвежье-черном коне едущий».
Другой богатырь говорит:

«Я Теек-Кезер хан,
На рыже-чубаром коне ездящий».
Слова богатырей, как гром, гремели,
Голоса их, как буря, шумели.
Черно-стальными саблями
Друг друга они ударили —
Сабли у них зазубрились.
Черно-стальными пиками
В грудь друг друга ударили —
Наконечники пик согнулись.
Словно каменными богатыри были,
Словно железными они оказались.
Кровью истечь — у них крови нет,
Испугаться — у них сердца нет.
Ездящий на медвежье-черном коне
Ала-Марбас хан
Кан-Алтын богатыря схватил;
Ездящий на рыже-чубаром коне
Теек-Кезер хан
Алтын-Белек богатыря схватил.
Семь лет борьба продолжается —
Никто на землю не падает,
Девять лет борьба у них длится —
Ни один богатырь не уступает.
Когда десятый год пошел,
Ала-Марбас хан
Кан-Алтын богатыря
До белых туч поднял.
Теек-Кезер хан
Алтын-Белек богатыря
До синего неба занес,
По черно-стальной горе
Богатырей ударить хотели,
О черные камни разбить их собрались.
«Малолетних детей
Обижать вам не дадим!

Если вы силачи — боритесь с нами,
Если богатыри — сражайтесь с нами!» —
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
С горьким ядом крикнул.
Ала-Марбас хана и Теек-Кезер хана
Могучими руками схватил,
До белых туч поднял,
До синего неба занес,
О черно-стальную гору
Враз обоих ударил.
Черно-стальная гора
Понолам, как снег, раскололась,
В щель до седьмой земли
Ханы упали,
На дне бездонной пропасти
Очутились.
От страха волосы у них поднялись,
Глазами они моргают,
Силой Кара-Мааса богатыря
Удивлены.
«Беда нам, Кара-Маас богатырь!
Красную кровь нашу
Не проливай.
Жизнь нашу, как нитку тонкую,
Не порви.
Никогда твой путь
Пересекать мы не будем,
Сзади к тебе
Подкрадываться не станем.
Шестьдесят ханов,
На Алтае живущие,
Пусть тебе покоряются.
Семьдесят ханов,
На земле живущие,
Пусть тебе подчиняются.

Любимую невесту возьми,
Солнце у нас не отнимай.
Красавицу от нас уведи,
Красную кровь нашу
Не проливай».

Два хана из-под земли
Перед богатырем взмолились,
Бобровые шапки снимая,
Сжалиться упрашивали.
«Если правду говорите,
От чистого сердца раскаялись, —
Конец меча моего нюхайте,
Лезвие сабли моей лижите,
Только тогда вам поверю,
Иначе верить не стану».

Два хана конец меча нюхают,
Лезвие сабли лижут,
Перед луной и солнцем
Клятву свою дают.
Кара-Маас богатырь
За косы обоих взял,
Из глубокой пропасти вытащил.
«Не смейте больше
Кровь проливать», —
Кара-Маас молвил.
Друзья-богатыри
Красавицу девушку взяли,
На стойбище Алгыр-Мергена силача
Весело отправились.
Яркче солнце просияло,
Луна заблестела.
Ездящий на черно-гнедом коне
Кан-Алтын богатырь
Рядом с Кан-Тюлку красавицей ехал,
Глаза молодых людей
Счастьем лучились.

Когда друзья богатыри
На стойбище Алгыр-Мергена приехали,
Стали коней расседлывать, —
Только тогда заметили,
Что шерсть коней
Сквозь потники проросла.
Шапки свои
Богатыри снять не могли:
Волосы их наружу пробились.
На стойбище Алгыр-Мергена силача
Большой той начался,
Большая свадьба зашумела.
Вареное мясо,
Словно горы, лежит,
Арака, словно море, льется
День и ночь
Большой той шумит,
Девять лет подряд
Пышная свадьба длится.
Твердая каменная долина
Под копытами лошадей
Тонкой стала,
Крепкая каменная площадь
От борьбы мужчин протерлась,
Ездящий на черно-мухортом коне
Кара-Маас богатырь
С пятьюдесятью двумя ладами
Деревянную свирель взял,
С восемьюдесятью двумя ладами
Золотую свирель вынул,
На двух свирелях играть принялся
Пятьдесят два звонких голоса
По всему Алтаю разносятся,
Восемьдесят два стройных звука

По всей земле звучат.
Слушая игру Кара-Мааса,
Большие моря шуметь перестали,
Большие горы вершины свои склонили,
Ледники на горах растаяли,
Вечно сухие деревья
Молодые листья распустили,
На вечно бесплодной земле
Семьдесят разных синих цветов,
Шестьдесят разных белых цветов
Расцвели.
Копытные звери
Траву щипать забыли,
Луннокрылые птицы
В воздухе полет остановили,
Народ удивленно
Кара-Мааса слушал,
Ласково на него глядел.
Когда десятый год наступил,
Большой той закончился.
Народ по своим стойбищам
Разошелся,
Друзья-богатыри
Дружно жить стали.
Кара-Маас богатырь
Старшим братом у них был,
Огонь в аилах у них не угасал,
Дружба их
Никогда не остывала.

П Р И М Е Ч А Н И Я

ТЕМИР-САНАА

Сказку рассказывал Шонкор Шунеков в Куюмской долине, Эликманарского аймака, в 1912 г. Записал по памяти и перевел на русский язык внук его П. В. Кучняк. Литературно обработал Евг. Березницкий.

Стр. 13. Темир-Санаа. Железный ум (твердый, как железо).

Еки-Теек. Еки — два, Теек — обжора.

Стр. 14. Айачи. Натягивающий лук.

Амыр-Чечен. Спокойно-красноречивая.

Торко-Чачак. Шелковая кисточка.

Стр. 21. Бог Курбустан. В подлиннике «Три-Курбустан».

Эрлик-Бий. Злой бог, властитель подземного царства.

Стр. 25. Мудрую грамоту достал. Волшебное появление коня, у седла которого привязана «мудрая грамота (или книга)», чрезвычайно распространенный мотив алтайских сказок. Алтайцы в прошлом были, повидимому, знакомы с письменностью. Однако, письменность эта («ойрот-бичик»; по утверждению некоторых исследователей — калмыцкого происхождения) являлась достоянием лишь крайне незначительной количественно правящей верхушки. Вполне вероятно также, что мотив «книги», «грамоты» был заимствован из монгольского эпоса.

Стр. 32. Ханы Еки-Теек не живые — из черного камня высечены. Каменные изваяния фигурируют в ряде сказок, — см., например, в настоящем сборнике сказку «Кара-Маас», стр. 264.

На землю лег, покатался. Обычный в алтайских сказках магический прием для превращения в животное или какой-либо предмет. Иногда при этом герой с'едает несколько пучков «травы превращения». На стр. 85 этот же прием употребляется, чтобы вызвать перемену погоды.

- Стр. 43. Тастаракой. Точно перевести трудно. Общий смысл: «самый последний человек», — маленький, слабый, грязный. Образ Тастаракой встречается в ряде сказок. Например, в сказке «Медвежий сын Айгулак» (сказитель М. Юткачаков) герой, отправляясь во дворец своего врага Кур-Сагала, также превращается в грязного и оборванного бедняка.
- Стр. 47. Зайсан. Князек, стоявший во главе дючины (административная единица на Алтае в дореволюционное время). Зайсаны пользовались неограниченной властью над личностью и имуществом своих подчиненных, могли отдавать их в работники богачам, присуждать к телесным наказаниям и т. п. Зайсанское звание было пожизненным и наследственным. В 1880 году русское правительство установило выборность зайсанов.
- Стр. 48. Трубку протянул. Являясь к своему повелителю с какой-либо просьбой, подчиненный должен был опуститься на колени и протянуть ему раскуренную трубку.
- Стр. 49. Алтын-Юстук. Золотое колечко.
- Стр. 50. Чегень. Квашеное молоко.
Звезда Чолмон. Утренняя звезда, Венера.
- Стр. 61. Кюлер-Кан. Бронзовый хан. В собственных именах редакция сочла необходимым сохранить алтайскую форму «кан». В остальном тексте всюду употребляется начертание «хан» (монгольская форма), как более привычное для русского читателя.
- Стр. 66. Ташаур. Кожаный сосуд, употребляемый обычно для хранения араки.
- Стр. 72. Комус. Губной музыкальный инструмент.
- Стр. 73. Косу поглаживает. Выражение скорби.
- Стр. 78. К вискам их бараньи бабки прикрутил. Вид пытки, распространенный ранее на Алтае.
- Стр. 85. На землю лег, покатался — небо тучей покрылось. См. примечание к стр. 32. В одном из вариантов сказки «Келер-Куш» герой управляет погодой при помощи особого предмета, называемого «яда».
- Стр. 90. Кукушки не смолкая поют. Пенне кукушки — непременная деталь в описаниях сказочных стран, где стоит вечное лето, а также в описаниях весны.

КЕЛЕР-КУШ

Сказитель — Шонкор Шунеков, Куюмская долина, Эликманарского аймака. Запись и подстрочный перевод П. В. Кучияка. Литературная обработка А. Смердова.

- Стр. 91. Ак-Кан. Белый хан.
- Стр. 94. Кукушка... песню скучную напевает. Поскольку кукушка в алтайских сказках — вестница весны и неперемнная деталь в изображении земной идиллии (см. примеч. к стр. 90), эпизод с кукушкой заключает в себе отрицательную характеристику хана.
- Стр. 96. Икнли. Скрипка.
- Стр. 101. Казан. Котел.
- Стр. 115. В гусей ячменем стрелять буду. Конечно, никто в гусей ячменем не стреляет. Данная фраза лишь уловка, при помощи которой мальчик надеется выпытать тайну у матери.
- Стр. 138. Темене-Коо. Красивая, как игла.
- Стр. 153. Стрела, не останавливаясь, дальше летит. Мотив живой стрелы, которая, вылетев, сама находит и поражает врагов, повторяется в ряде алтайских сказок. См., например, сказку «Кара-Маас» в настоящем сборнике, стр. 228.
- Стр. 155. Стрелу лизать заставил. Форма клятвенного обещания, присяги. Сравни на стр. 281: «Конец меча нюхать, лезвие сабли лизать». Такую присягу принимали подсудимые и свидетели при разборе особо важных дел. Другая форма присяги называлась «шерт-ич», что значит «пить присягу»: присягающий должен был пить воду из черепа покойника.
- Стр. 157. Какую свадьбу Келер-Куш справил и т. д. Традиционная концовка, которой сказитель обычно заканчивает повествование. Иногда она включает еще пожелание слушателям здоровья и благополучия.

КУЛАКЧИН

Сказительница Баргаа Кучиякова, Куюмская долина, Эликманарского аймака. Сказка рассказана в 1910 г. Записал по памяти и перевел на русский язык внук сказительницы П. В. Кучияк. Литературно обработал подстрочник И. Мухачев.

- Стр. 159. Кулакчин. Правдивое ухо.
Ак-Чачак. Белая кисточка.
- Стр. 160. Демичи. Знатные помощники зайсана, несущие административные и судебные функции. Обычно число демичей определялось числом родов, «сеоков», входящих в зайсанство.
Шулени — сборщики податей.
- Стр. 164. Амьргы, эдиске. Манки, употребляемые на охоте.
- Стр. 166. На берестяной лодке плывет левушка. Алтайцы не делают лодок из бересты. Такие лодки есть у народов, живу-